

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

2024 Том 26 № 2

Ценностно-мировоззренческие основания политики

Приглашенный редактор *А.В. Селезнева*

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Научный журнал

Издается с 1999 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61179 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Почта Юрий Михайлович, доктор философских наук, профессор кафедры сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: pochta-yum@rudn.ru

Ответственный секретарь

Казаринова Дарья Борисовна, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

Заместитель главного редактора

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, профессор и заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Акчурина Виктория — доктор политических наук, преподаватель Университета Париж Дофин и ассоциативный исследователь при Французской высшей школе ENS/Paris/Центр геополитических исследований, Париж, Франция; старший преподаватель Академии ОБСЕ, Бишкек, Кыргызстан

Белл Дэниел — доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии и публичного администрирования Университета Шаньдун, Цзинань, Китай

Витковска Марта — доктор политических наук, профессор, научный сотрудник факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, Варшава, Польша

Дюфи Каролин — доктор политических наук, научный сотрудник Центра Эмиля Дюркгейма Института политических исследований Сьянс По Университета Бордо, Бордо, Франция

Дуткевич Пиотр — доктор политических наук, профессор, директор Института европейских, российских и евразийских исследований при Карлтонском университете, Оттава, Канада

Када Никола — доктор политических наук, профессор Университета Гренобль Альпы, Гренобль, Франция

Капустин Борис Гурьевич — доктор философских наук, профессор Йельского университета, Нью-Хейвен, США

Морозова Елена Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета, Краснодар, Российская Федерация

Мчедлова Мария Мирановна — доктор политических наук, профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии Российского университета дружбы народов, ученый секретарь Центра «Религия в современном обществе» Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Москва, Российская Федерация

Панкратов Сергей Анатольевич — доктор политических наук, профессор кафедры социологии и политологии Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация

Парашиар Свати — доктор политических наук, профессор факультета глобальных исследований Университета Гетеборга, Гетеборг, Швеция

Фадеева Любовь Александровна — доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук Пермского государственного научно-исследовательского университета, Пермь, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: ПОЛИТОЛОГИЯ

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально).

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Языки: русский, английский.

Индексация: РИНЦ, RSCI, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, East View, Cyberleninka, DOAJ, Dimensions, ResearchBib, Lens, Research4Life.

Подписной индекс издания — 20827.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология» — периодическое рецензируемое научное издание в области политических исследований.

Издается с 1999 г. С момента своего создания журнал ориентировался на высокие научные и этические стандарты и сегодня является одним из ведущих и старейших политологических журналов России.

Журнал предназначен для публикации результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам политической науки и ставит своей задачей сопряжение западной и незападной политической теории, что лежит в основе исследовательских направлений научной школы РУДН. Помимо исследований, выполненных с использованием методологии традиционного для политической науки институционального анализа, редакция приветствует использование методологии цивилизационного и ценностного подходов к изучению политической реальности, а также кросс-региональных сравнительных исследований.

Традиционной проблематикой журнала являются политические процессы в России, социокультурные факторы политики, диалог цивилизаций в координатах сравнения ценностных систем и политических культур, институциональных особенностей и мировоззренческих ориентиров. Редакция приветствует исследования социально-политических процессов и явлений в соотношении традиционного и современного на основе инновационного характера теории и методологического разнообразия.

Цель журнала — способствовать международному научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными политологами. Формат публикаций: научные статьи, обзорные научные материалы, научные сообщения, посвященные исследовательским проблемам в сфере политологии. Целевой аудиторией журнала являются специалисты-политологи, а также аспиранты и докторанты, обучающиеся по направлению 5.5. Политические науки (специальности: 5.5.1. История и теория политики, 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования).

В своей деятельности редакционная коллегия руководствуется требованиями к научным журналам, предъявляемыми международным научным сообществом, в том числе EASE, АНРИ, и поддерживаемыми ВАК России: наличие института рецензирования для экспертной оценки научных статей; информационная открытость издания; наличие и соблюдение правил и этических стандартов представления рукописей авторами.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/political-science>

Электронный адрес: politj@rudn.ru

Литературный редактор *И.Л. Панкратова*
Редактор англоязычных текстов *Д.Б. Казаринова*
Компьютерная верстка *И.А. Черновой*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10, к. 2
Тел.: +7 (495) 936-85-28;
e-mail: politj@rudn.ru

Подписано в печать 20.06.2024. Выход в свет 27.06.2024. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 20,48. Тираж 500 экз. Заказ № 611. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE

2024 VOLUME 26 No. 2

The Value-Worldview Foundations of Politics

Guest editor *A.V. Selezneva*

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2
<http://journals.rudn.ru/political-science>

Founded in 1999

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

CHIEF EDITOR

Yuriy M. Pochta, Doctor of Philosophy, Full Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: pochta-yum@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Daria B. Kazarinova, PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: kazarinova-db@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Olga V. Popova — Doctor of Political Science, Professor and Head of the Department of Political Institutions and Applied Political Science, St Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Viktoria Akchurina — PhD in Political Science, Adjunct Lecturer in International Relations Department of International Politics and Peace Studies, Dauphine University, Associate Researcher of the Chair of the Geopolitics of Risk, Ecole Normale Supérieure, Paris, France; Senior Lecturer at the OSCE Academy, Bishkek, Kyrgyzstan

Daniel A. Bell — PhD in Political Theory University of Oxford, Professor and Dean, School of Political Science and Public Administration, Shandong University, Qingdao, China

Marta Witkowska — Doctor of Political Science, Professor at the Faculty of Political Science and International Studies of the University of Warsaw, Warsaw, Poland

Caroline Dufy — PhD in Political Science, Research Fellow of the Centre Emile Durkheim, Science Po Bordeaux, Bordeaux, France

Piotr Dutkiewicz — Doctor of Political Science, Full Professor, Director of the Institute of European, Russian and Eurasian Studies, Carleton University, Ottawa, Canada

Nicolas Kada — Doctor of Political Science, Full Professor, University Grenoble Alpes, Grenoble, France

Boris G. Kapustin — Doctor of Philosophy, Professor of Yale University, New Haven, The United States of America

Elena V. Morozova — Doctor of Philosophy, Professor Chair of Public Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Maria M. Mchedlova — Doctor of Political Science, Full Professor and Head of the Department of Comparative Politics, RUDN University, Scientific Secretary of the Center “Religion in Modern Society” of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Sergey A. Pankratov — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Swati Parashar — PhD in Politics and International Relations Lancaster University, Professor at the School of Global Studies, University of Gothenburg, Gothenburg, Sweden

Liubov A. Fadeeva — Doctor of Historical Science, Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russian Federation

RUDN JOURNAL OF POLITICAL SCIENCE
Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(RUDN University)

ISSN 2313-1446 (online); 2313-1438 (print)

Publication frequency: quarterly.

<http://journals.rudn.ru/political-science>

Languages: Russian, English.

Indexation: RSCI, Russian Index of Science Citation (elibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's

Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, East View, DOAJ, Dimensions.

Aims and Scope

RUDN Journal of Political Science is a peer-reviewed academic journal that publishes research in political science. The journal is international with regard to its editorial board members, contributing authors and publication topics. The journal has been published since 1999. Ever since its first issue, the journal has been complying with the highest scientific and ethical standards and is one of the leading and oldest contemporary political science journals in Russia.

The aim of the journal is to promote broad academic exchange and cooperation between Russian and international political scientists. The journal publishes original results of fundamental and applied research on the topical issues of political science. The RUDN Journal of Political Science makes a focus on the conjunction of the European, American and non-Western political theory which the RUDN research school is based on. The RUDN Journal is fully committed to publishing a high quality research papers, based on plurality of methodological and theoretical approaches. The journal is interdisciplinary with a focus on the social sciences, policy studies, law, and international affairs. The goals of the journal are to provide an accessible forum for research and to promote high standards of scholarship.

The journal covers such sub-areas as Russian and international politics, sociocultural factors of politics, the dialogue of civilizations in terms of values and political cultures' comparison, institutional features and cultural outlooks. The journal welcomes research articles and reviews devoted to various problems of political science. The target audience of the journal are Russian and foreign specialists, political scientists and for postgraduates in Political Sciences (majors History and Theory of Politics, Political institutions, processes, technologies, Public administration and sectoral policies, International relations, global and regional studies).

The editorial board is guided by the requirements for scientific journals set by the international scientific community, including EASE, RASSEP, Higher Attestation Commission of Russian Federation.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/political-science>

E-mail: politj@rudn.ru

Literary editor *Irina L. Pankratova*
English text editor *Daria B. Kazarinova*
Computer design *Irina A. Chernova*

Address of the Editorial Board:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board
RUDN Journal of Political Science:
10, bld 2, Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 936-85-28
e-mail: politj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 952-04-41;
e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Селезнева А.В. Ценностно-мировоззренческие основания политики: концептуальное осмысление и линии эмпирического изучения. Представляю номер 223

СМЫСЛОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПОЛИТИКИ: ИДЕИ, КОНЦЕПТЫ, КОНЦЕПЦИИ

Яковлев М.В. Политические ориентации россиян: стратегии современных исследований 234

Курочкин А.В. Роль ценностного базиса в условиях ведения некинетических войн: методологические предпосылки анализа 245

Белов С.И. Манипулятивный потенциал массовой культуры как инструмента политического воздействия 254

Страхов А.В., Боронин А.Р. Аксиологические основы российской государственности: свобода и правда в идейно-политическом дискурсе XI–XVII вв. 263

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ: СМЫСЛОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Расторгуев С.В., Титов В.В. Кризис российской национально-государственной идентичности в конце XX — начале XXI в.: факторы, специфика, репрезентации 277

Евгеньева Т.В., Смутькина Н.В. Образы «своих» и «чужих» как фактор самоидентификации граждан в условиях реинтеграции Республики Крым и города Севастополя в Российскую Федерацию 292

Варшавер Е.А., Иванова Н.С., Егорова Т.Д. Воображая российскую нацию: кто, с точки зрения жителей России, является частью российского общества и можно ли стать его частью? 306

Попова О.В., Гришин Н.В. Инструменты государственной политики идентичности в современном мире 325

МОЛОДЕЖЬ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ: ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

Селезнева А.В., Тулегенова Д.Д. «В слове „МЫ“ сто тысяч „Я“»: коллективное и индивидуальное в мировоззрении российской молодежи 341

Шашкова Я.Ю., Казанцев Д.А. Динамика ценностных приоритетов российской молодежи в современных геополитических условиях 357

Самаркина И.В., Башмаков И.С., Колозов Д.П. Образ будущего в субъективном пространстве политики новых граждан РФ: опыт эмпирического исследования молодежи новых регионов 373

Соколов А.В., Фролов А.А., Бабаджанян П.А. Уклонение студенческой молодежи от общественно-политической активности: причины, формы и способы вовлечения..... 389

ЦЕННОСТИ В КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОЦЕССАХ: СМЫСЛОВЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Риски, угрозы и вызовы внедрения искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов в современную систему социально-политических коммуникаций: по материалам экспертного исследования..... 406

Мартьянов Д.С., Лукьянова Г.В. Платформа как фактор цифрового империализма в российском информационном пространстве 425

Савенков Р.В., Травянкина А.К. Динамика паттерна «угроза национальной безопасности» в риторике Президента РФ В.В. Путина в контексте общественных настроений россиян 436

CONTENTS

Selezneva A.V. The Value-Worldview Foundations of Politics: Conceptual Understanding and Prospects for Empirical Study. Introducing the Issue..... 223

SEMANTIC POLICY GUIDELINES: IDEAS, CONCEPTS, THEORIES

Yakovlev M.V. Political Orientations of Russians: Strategies for Modern Research..... 234

Kurochkin A.V. The Role of the Value Basis in the Context of Waging Non-Kinetic Wars: Methodological Prerequisites for Analysis..... 245

Belov S.I. The Manipulative Potential of Mass Culture as a Tool for the Political Influence..... 254

Strakhov A.B., Boronin A.R. Axiological Foundations of Russian Statehood: Freedom and Truth in the Ideological and Political Discourse of the 11–17th Centuries 263

POLITICAL IDENTITY AND IDENTITY POLICIES: SEMANTIC FOUNDATIONS AND IMPLEMENTATION TOOLS

Rastorguev S.V., Titov V.V. The Crisis of Russian National-State Identity in the Late 20th — Early 21st Centuries: Factors, Specifics, Representations..... 277

Evgenieva T.V., Smulkina N.V. Images of “Us” and “Others” as a Factor in the Identification of Citizens in the Context of the Reintegration of the Republic of Crimea and the City of Sevastopol into the Russian Federation 292

Varshaver E.A., Ivanova N.S., Egorova T.D. Imagining the Russian Nation: Who, According to the Residents of Russia, Constitute Russian Society, And Can an Outsider Become its Member?..... 306

Popova O.V., Grishin N.V. Instruments of State Identity Policy in the Contemporary World..... 325

YOUTH IN POLITICAL PROCESSES: VALUE AND IDEOLOGICAL SELF-DETERMINATION

Selezneva A.V., Tulegenova D.D. A Hundred Thousand “Me” in One “We”: Collective and Individual in the Russian Youth Worldview. 341

Shashkova Ya.Yu., Kazantsev D.A. Dynamics of Value Priorities of Russian Youth in Modern Geopolitical Conditions 357

Samarkina I.V., Bashmakov I.S., Kolozov D.P. The Image of the Future in the Subjective Space of Politics of New Citizens of the Russian Federation: Experience of Empirical Research of Youth in New Regions 373

Sokolov A.V., Frolov A.A., Babajanyan P.A. Student Youth’s Evasion of Socio-Political Activity: Causes, Forms, and Ways of Involvement..... 389

**VALUES IN COMMUNICATION PROCESSES:
SEMANTIC AND TECHNOLOGICAL ASPECTS**

Volodenkov S.V., Fedorchenko S.N., Pechenkin N.M. Risks, Threats, and Challenges of Introducing Artificial Intelligence and Neural Network Algorithms into the Contemporary System of Socio-Political Communications: The Results of Expert Study.....	406
Martyanov D.S., Lukyanova G.V. Platform as a Factor of Digital Imperialism in the Russian Information Space	425
Savenkov R.V., Travvankina A.K. The Dynamics of the “Threat to National Security” Pattern in the Russian Federation President Vladimir Putin’s Rhetoric in the Context of Public Mood of Russians.....	436

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-223-233
EDN: NRZCGW

Редакционная статья / Editorial article

Ценностно-мировоззренческие основания политики: концептуальное осмысление и линии эмпирического изучения. Представляю номер

А.В. Селезнева

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация*

✉ ntonina@mail.ru

Аннотация. С точки зрения политической науки формирование мировоззрения связано с осознанием человеком самого себя в окружающей социально-политической реальности, выработкой определенного ценностного отношения к присутствующим в ней объектам и выстраиванием собственной модели взаимодействия с ними. Смысловой основой мировоззрения являются ценности, в том числе политические, которые существуют в виде общественных идеалов, разделяемых членами социальных групп или общества идей о совершенстве в политике или персональных смысло-жизненных ориентаций отдельной личности. Аксиологические ориентиры развития страны определяют национальные или традиционные ценности. Рассмотрев содержательное наполнение понятий «мировоззрение», «идеология» и «идентичность», обозначающих взаимосвязанные социокультурные и политико-психологические явления, в основании которых находятся ценности, автор предлагает модель их концептуального сопряжения, раскрывает смысловые и инструментальные аспекты их взаимодействия. Формирование ценностно-мировоззренческой системы общества — длительный процесс, характер и ход течения которого определяются политико-культурными традициями народа, актуальным контекстом жизнедеятельности людей и стратегическими задачами развития страны. Процессы формирования ценностно-мировоззренческих систем отдельно взятой личности и общества взаимосвязаны и взаимозависимы.

Ключевые слова: политические ценности, мировоззрение, структурная модель мировоззрения, национально-государственная идентичность, идеология, базисные российские традиционные ценности

© Селезнева А.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Селезнева А.В. Ценностно-мировоззренческие основания политики: концептуальное осмысление и линии эмпирического изучения. Представляю номер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 223–233. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-223-233>

The Value-Worldview Foundations of Politics: Conceptual Understanding and Prospects for Empirical Study. Introducing the Issue

Antonina V. Selezneva

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ ntonina@mail.ru

Abstract. From the point of view of political science, the formation of a worldview is associated with a person's awareness of himself in the surrounding socio-political reality, the development of a certain value attitude towards the objects present in it and the building of his own model of interaction with them. The semantic basis of a worldview is values, including political ones, which exist in the form of social ideals, shared by members of social groups or society, ideas about excellence in politics, or personal life orientations of an individual. Axiological guidelines for the development of a country are determined by national or traditional values. Having defined the content and semantic content of the concepts of «worldview», «ideology» and «identity», denoting interrelated socio-cultural and political-psychological phenomena based on values, the author offers a model of their conceptual coupling, reveals the semantic and instrumental aspects of the process of their formation. The formation of the value and worldview system of society is a long-term process, the nature and course of which is determined by the political and cultural traditions of the nation, the actual context of people's life and the strategic objectives of the country's development. The processes of formation of value and worldview systems of an individual and society are interconnected and interdependent.

Keywords: political values, worldview, structural model of worldview, national-state identity, ideology, basic Russian traditional values

For citation: Selezneva, A.V. (2024). The value-worldview foundations of politics: Conceptual understanding and prospects for empirical study. Introducing the issue. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 223–233. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-223-233>

Введение

Проблема ценностных оснований политических процессов является одной из старейших в социогуманитарном знании, несмотря на относительную молодость самой политической науки как таковой. Достаточно вспомнить о том, что философы на протяжении многих веков размышляли о ценностях как ориентирах развития государства и общества и принципах социально-политических отношений. Таким образом, они рассматривали собственно

политические ценности, а представленные в политико-философских трудах идеи и концепции составили основу классических политико-идеологических течений.

Понятие «мировоззрение» активно применяется в отечественной политической науке только в последние годы. Исследователи используют его в первую очередь для объяснения цивилизационной специфики нашей страны и ее народа в контексте формирования и развития российской государственности [Полосин 2022; Шмелева, Шаблов 2023]. Его междисциплинарный характер отражает сопряжение личностно-психологического, социокультурного и политического аспектов взаимодействия человека, общества и государства. Кроме того, именно мировоззрение формирует смысловую основу идеологии и идентичности, определяющих возможности сохранения целостности и ориентиры развития нашей страны в прошлом, настоящем и будущем.

Мировоззрение: понятие и явление в политологическом измерении

Термин «мировоззрение» широко используется в социогуманитарной науке, хотя его объем и содержание точно не определены, а традиции его осмысления довольно разнообразны. В научных работах оно зачастую отождествляется с понятиями «философия жизни», «картина мира», «образ мира», «идеология» и другими, а особенности их применения определяются фокусом и контекстом исследования (философским, богословским, психологическим, лингвистическим, политологическим и пр.) [Леонтьев, Моспан 2017; Львов 2020; Николаев, Николаев 2022; Подшибякина 2023].

Мировоззрение обычно рассматривается как форма духовно-практического освоения человеком окружающего его мира. Оно являет собой систему представлений человека о мире и своем месте в нем. Мировоззрение определяет, во-первых, отношение человека к миру — другим людям, обществу и государству, природе, истории и культуре. Во-вторых, оно отражает и отношение мира к человеку. Таким образом, «в мировоззрении отражается одновременно и мир через его отношение к человеку, и человек через его отношение к миру» [Доброштан 2018: 8].

Мировоззрение онтологически представляет собой формирующееся и самовоспроизводящееся единство духовного и практического аспектов жизни и деятельности человека [Арутюнян 2008]. Оно амбивалентно, полифонично и диалектично по своей природе и сущности: в нем отражается единство противоположного (например, рационального и иррационального, трансцендентного и повседневного, теоретического и практического). С функциональной точки зрения оно является инструментом идентификации и адаптации человека к условиям внешней среды и придает субъективную определенность представлениям человека о мире и его месте в нем.

Политологическая трактовка мировоззрения связана с осознанием человеком себя в социально-политической реальности, определением своего отношения

к ее ключевым объектам — другим людям, социальным и политическим группам, обществу в целом, политическим и государственным институтам, своей и другим странам. Поэтому его структура включает в себя следующие элементы: «человек», «семья», «общество», «государство», «страна», которые во взаимосвязи образуют «системную модель мировоззрения» [Харичев и др. 2022; Артюхин, Иванова, Батов 2023].

Смыслообразующим фундаментом мировоззрения, независимо от ракурса рассмотрения его сущности и структуры, являются ценности, которые отражают связь человека как познающего субъекта с объектами окружающей действительности. Интерпретация мировоззрения в пространстве политологического знания фокусируется на политических ценностях, которые трактуются как «устойчивые, имплицитно присущие отдельной личности, социальной группе или обществу в целом смысловые доминанты, определяющие идеологические приоритеты и политические принципы социальных отношений» [Селезнева 2019]. Как идеологические концепты они имеют характер абстрактного идеала, эталонного образца общественного устройства, представленного в философских, политических, литературных и публицистических текстах, документах (программах, доктринах, стратегиях), выступлениях национальных лидеров и политических деятелей. Социально-психологическая природа и сущность политических ценностей обуславливает их существование на уровне социальных групп или общества в целом в виде разделяемых их членами идей и убеждений, а также отдельных личностей — в виде персональных смысложизненных ориентаций и поведенческих регуляторов.

Определение ценностных оснований развития той или иной страны осуществляется в политической науке на основе дихотомии «универсальные — культурно-цивилизационные», опирающейся на две противоположные по смыслу парадигмы — универсализм, предполагающий необходимость выстраивания мирового порядка на основе единых абсолютных принципов и культурный релятивизм, акцентирующий внимание на культурных различиях стран [Универсальные ценности... 2012: 224]. Ценности того или иного общества и государства в данном случае обозначаются категориями «национальные» (с акцентом на их социокультурной специфике) и «традиционные» (с указанием на исторический характер их формирования).

Для выделения характерных для нашего общества традиционных ценностей российский историк С.В. Перевезенцев и его коллеги предлагают использовать понятие «базисные российские традиционные ценности», под которыми понимаются «ценности, выработанные в результате многовекового исторического и духовно-политического развития народов России в сложившихся природно-климатических, географических, конкретно-исторических, духовно-нравственных и социально-политических условиях, и являющиеся непременным фактором формирования общенациональной и политической идентичности народа» [Перевезенцев и др. 2021: 122–123]. На протяжении многовековой отечественной истории традиционные ценности, безусловно, эволюционировали:

в разные эпохи в соответствии с общественно-политическими и социально-экономическими условиями они дополнялись новым содержанием, изменяли формы своего выражения. Но в сущности своей они оставались неизменны.

Мировоззрение, идеология, идентичность: точки концептуального сопряжения

Важным аспектом анализа ценностно-мировоззренческих оснований политики является концептуальное сопряжение понятий «мировоззрение», «идеология» и «идентичность», которые обозначают взаимосвязанные социокультурные и политико-психологические явления, имеющие ценностный фундамент.

Мировоззрение не тождественно идеологии. Хотя оба этих феномена являются продуктами сознания — индивидуального и общественного, именно субъектно-объектные характеристики во многом определяют различия между ними. Идеология по сути своей надсубъектна [Львов 2020]. Пусть люди и являются участниками идеологической работы, включены в идеологическое пространство жизни общества, идеология по большому счету ими пренебрегает. Она игнорирует субъектный статус своих реципиентов: люди являются получателями заключенных в ней идей и ценностей, объектом ее влияния. Мировоззрение, наоборот, личностно обусловлено. Оно является свойством субъектного восприятия действительности: люди выступают одновременно в качестве причины, источника и реализатора своей мировоззренческой деятельности.

Кроме того, в идеологии и мировоззрении по-разному выражаются их действительные характеристики. Идеология по сути своей ориентирована на действие, ее важнейшая функция — мобилизация людей на поддержку идей и реализацию целей общественного развития. Российский политолог А.И. Соловьев, анализируя характер эволюции идеологий, справедливо замечает, что смена фаз влияния идеологий на политику (идеологизация — деидеологизация — реидеологизация) и их продолжительность во многом обусловлены уровнем массовости политического участия [Соловьев 2001: 9]. Мировоззрение лишь задает смысловую рамку поведения людей, управляет их выбором и определяет их жизненные решения.

Таким образом, идеология и мировоззрение — это сопряженные и взаимосвязанные, но не тождественные явления. Идеология формирует и определяет мировоззрение людей в узком сегменте их взаимоотношений с социально-политической реальностью. Мировоззрение способствует поддержанию и воспроизводству идеологии, придавая ее идеям и ценностям субъективно значимый смысл.

Мировоззрение формирует смысловую основу национально-государственной идентичности граждан, которая определяется как «устойчивая взаимосвязь человека с национальной общностью (как этнически однородной, так и неоднородной), репрезентацией которой выступает образ „мы“ как воображаемого сообщества, поддерживаемая посредством института государства и политико-культурной традиции государственности» [Титов 2017: 20]. Существующие

в мировоззрении ценности и представления о стране, государстве и обществе обладают для людей субъективным смыслом и определяют их самоидентификацию с политической нацией. Устойчивая и непротиворечивая идентичность в свою очередь поддерживает мировоззрение, предохраняет его от разрушения, обеспечивает стабильность оценок и ориентаций граждан в социально-политическом пространстве.

Формирование ценностно-мировоззренческих основ политических процессов: акторы, механизмы, инструменты

Формирование ценностно-мировоззренческой системы общества происходит не одномоментно. Это длительный процесс, истоки которого коренятся в социально-политической мысли и политико-культурных традициях народа, а актуальное состояние определяется стратегическими задачами развития страны и социокультурным контекстом жизни людей. Его общая логика такова: возникающая изначально как идеи и идеалы, ценности принимают форму ориентиров общественного развития и определяют основания для социальной консолидации, а затем усваиваются людьми, становятся смысловой основой их мировоззрения и регуляторами их жизнедеятельности.

Здесь важно уточнить, что процессы формирования ценностно-мировоззренческих систем общества в целом и отдельной личности взаимосвязаны и взаимозависимы. Мировоззрение отдельной личности формируется в ходе ее взросления и социализации, начинается с детства и продолжается на всех этапах психологического развития вплоть до зрелого возраста: «слабодифференцированное и нерелексируемое мироощущение сменяется в процессе развития более ясным и устойчивым мировосприятием, осознанным миропониманием и связанным с личной идентичностью эмпирическим и теоретическим мировоззрением» [Леонтьев 2003: 152]. Личностное мировоззрение формируется в связи и в контексте общественного мировоззрения, являющегося результатом исторического развития сообщества, к которому эта личность принадлежит. В процессе познания социальной реальности посредством общения с семьей и друзьями, обучения в образовательных учреждениях, чтения литературных сочинений, созерцания произведений художественного искусства и архитектуры, получения информации из научной литературы, СМИ, коммуникации в интернет-пространстве происходит усвоение и присвоение человеком общественных ценностей, то есть их интериоризация («встраивание») в структуру личности. Так формируются персональные ценности, которые составляют основу жизненной позиции личности, ее мировоззрения. Именно они отражают отношение человека к миру и самому себе и реализуются в его поведении. В дальнейшем граждане в своей жизнедеятельности способствуют воспроизводству и поддержанию общественных ценностей, разделяя их и формируя на их основе ценностный консенсус.

Значительную роль в определении ценностных приоритетов развития страны и формировании мировоззрения общества играет элита — политическая,

культурная, научная и пр., которая призвана по сути своей выполнять идеологическую функцию — осуществлять производство и воспроизводство смыслов (идей, символов, мифов, нарративов, социальных проектов). В широком смысле «миссия» элиты как раз и заключается в том, что она должна формулировать «оригинальные доктринально-идеологические установки для консолидации нации» [Кочетков 2015: 325], конструировать «аксиологическую матрицу», которая определяет направление и динамику развития политических процессов. Здесь элита выступает субъектом модернизации страны, направление и темпы которой зависят от разделяемых и транслируемых ею ценностей.

Артикуляция выработанных представителями элиты ценностей и мировоззренческих ориентиров происходит в различных формах: в государственных документах, партийных программах, политических текстах и выступлениях, а их трансляция осуществляется в процессе коммуникации через СМИ, Интернет, медиапространство [Щербинин, Гоманович, Ершова 2007; Каминченко 2013; Володенков, Федорченко, Печенкин 2023].

Ценности и мировоззрение в политике: актуальные вопросы теоретического и эмпирического изучения

Данный выпуск журнала посвящен осмыслению ценностно-мировоззренческих аспектов политических процессов. Исследователи из разных образовательных и научных центров нашей страны представили материалы теоретического и эмпирического анализа широкого круга актуальных для политической науки и практики вопросов.

Первый раздел номера содержит статьи теоретико-методологического характера. *М.В. Яковлев (МГУ имени М.В. Ломоносова)* рассматривает существующие в современной отечественной и зарубежной науке стратегии исследования политических ориентаций россиян. *А.В. Курочкин (СПбГУ, ИНИОН РАН)* представляет методологические основания анализа некинетических войн и уделяет особое внимание роли ценностного базиса в противодействии когнитивной агрессии. *С.И. Белов (МГУ имени М.В. Ломоносова, ИНИОН РАН)* фокусирует свое внимание на манипулятивном потенциале массовой культуры как инструмента политического воздействия на ценности и мировоззрение людей. Завершает раздел статья молодых ученых из *МГУ имени М.В. Ломоносова* и *ГАУГН А.В. Страхова* и *А.Р. Боронина*, в которой анализируются аксиологические понятия свободы и правды в идейно-политическом дискурсе XI–XVII вв.

Второй раздел номера содержит статьи, в которых раскрываются смысловые и инструментальные аспекты политической идентичности и политики идентичности. Исследователи из *Финансового университета при Правительстве РФ С.В. Расторгуев* и *В.В. Титов* рассматривают особенности кризиса российской национально-государственной идентичности в конце XX — начале XXI в. *Т.В. Евгеньева* и *Н.В. Смутькина (МГУ имени М.В. Ломоносова, Финансовый университет при Правительстве РФ)* анализируют образы «своих» и «чужих» как

фактор самоидентификации граждан в условиях реинтеграции Республики Крым и города Севастополя в Российскую Федерацию. *Е.А. Варшавер, Н.С. Иванова, Т.Д. Егорова (РАНХиГС при Президенте РФ, НИУ ВШЭ)* представляют результаты исследования представлений жителей России о членстве в российской нации или российском обществе. Представлению инструментов государственной политики идентичности в современном мире посвящена завершающая раздел статья *О.В. Поповой и Н.В. Гришина (СПбГУ, ИНИОН РАН)*.

В третьем разделе содержатся статьи, рассматривающие особенности ценностно-мировоззренческого самоопределения молодежи в социально-политических процессах. Исследование *А.В. Селезневой и Д.Д. Тулегеновой (МГУ имени М.В. Ломоносова, ИНИОН РАН)* показывает, как соотносятся в мировоззрении молодежи установки и ориентации на коллективное и индивидуальное. Статья политологов из *Алтайского государственного университета Я.Ю. Шапковой и Д.А. Казанцева* раскрывает динамику ценностных приоритетов российской молодежи в современных геополитических условиях. *И.В. Самаркина, И.С. Башмаков, Д.П. Колозов (Кубанский государственный университет)* анализируют образ будущего в субъективном пространстве политики молодежи новых регионов РФ. *А.В. Соколов, А.А. Фролов, П.А. Бабаджанян (Ярославский государственный университет)* рассматривают причины уклонения студенческой молодежи от общественно-политической активности, а также формы и способы вовлечения в нее.

Четвертый раздел посвящен анализу смысловых и технологических аспектов формирования и трансляции ценностей в коммуникативных процессах. В статье *С.В. Володенкова, С.Н. Федорченко, Н.М. Печенкина (МГУ имени М.В. Ломоносова, Финансовый университет при Правительстве РФ, ГАУГН)* на основе анализа материалов экспертных интервью раскрываются риски, угрозы и вызовы внедрения искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов в современную систему социально-политических коммуникаций. *Д.С. Мартьянов и Г.В. Лукьянова (СПбГУ, ИНИОН РАН)* анализируют платформу как фактор цифрового империализма в российском информационном пространстве. Исследователи из *Воронежского государственного университета Р.В. Савенков и А.К. Травянкина* показывают, какие динамические изменения претерпел паттерн «угроза национальной безопасности» в риторике Президента РФ В.В. Путина в контексте общественных настроений россиян.

Поступила в редакцию / Received: 12.03.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2024

Библиографический список

Артюхин О.А., Иванова Л.Л., Батов А.Т. Мировоззренческие компоненты модели «пентабазиса» в современной политике России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2023. № 2. С. 190–196. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-190-196>

- Арутюнян М.П. Понятие мировоззрения: феноменологический подход // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2008. № 3 (19). С. 9–22.
- Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Особенности формирования мировоззрения в условиях современной цифровой среды: анализ академических дискурсов // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20. № 1. С. 8–26. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_8
- Доброштан В.М. Искусство и мировоззрение. СПб.: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2018.
- Каминченко Д.И. «Новые» СМИ как агент распространения определенных политических ценностей // Социосфера. 2013. № 4. С. 191–193.
- Кочетков А.П. Политическая элита как субъект модернизации современной России // Идеи и ценности в политике. Политическая наука: Ежегодник 2015 / гл. ред. А.И. Соловьев. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 314–326.
- Леонтьев Д.А. Мировоззрение // Сибирский психологический журнал. 2003. № 18. С. 152.
- Леонтьев Д.А., Моспан А.Н. Картина мира, мировоззрение и определение неопределенно-го // Мир психологии. 2017. № 2. С. 12–19.
- Львов А.А. Современные концепции феномена мировоззрения // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2020. Т. 21. Вып. 2. С. 11–23. <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2020.21.2.001>
- Николаев В.К., Николаев К.А. Идеология и мировоззрение: общее и особенное // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2022. № 3. С. 108–120. <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2022-3/108-120>
- Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. К вопросу о методологических принципах изучения российских базисных традиционных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. Т. 27. № 4. С. 122–123. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4-113-133>
- Подшибякина Т.А. Идеологические аспекты мировоззрения: методология исследования в политической науке // Журнал политических исследований. 2023. Т. 7. № 1. С. 38–49. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-1-38-49>
- Полосин А.В. Шаг вперед: проблема мировоззрения в современной России // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. № 3. С. 7–23.
- Селезнева А.В. Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 177–192. <https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18>
- Соловьев А.И. Политическая Идеология: логика исторической эволюции // Полис. Политические исследования. 2001. № 2. С. 5–23.
- Титов В.В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции. М.: Типография «Ваш формат», 2017.
- Универсальные ценности в мировой и внешней политике / под ред. П.А. Цыганкова. М.: Издательство Московского университета, 2012.
- Харичев А.Д., Шутков А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. Вып. 3. С. 9–19. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>
- Шмелева О.Ю., Шаблов В.А. Ценностно-мировоззренческие основы восприятия молодежи современного российского государства в условиях глобальной нестабильности // Журнал политических исследований. 2023. Т. 7. № 1. С. 50–64. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-1-50-64>
- Щербинин А.И., Гоманович Н.В., Ершова И.А. СМИ как фактор политического процесса на рубеже XX — XXI вв. (аксиологический аспект) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 129–131.

References

- Artyukhin, O.A., Ivanova, L.L., & Batov, A.T. (2023). Ideological components of the «Pentabasis» model in modern policy of Russia. *State and Municipal Management. Scholar Notes*, 2, 190–196. (In Russian) <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2023-1-2-190-196>
- Arutyunyan, M.P. (2008). The concept of worldview: A phenomenological approach. *Social and Humanitarian Sciences in The Far East*, 3(19), 9–22. (In Russian).
- Dobroshtan, V.M. (2018). *Art and Worldview*. St. Petersburg: SPbGUPTD. (In Russian).
- Kaminchenko, D.I. (2013). «New» media as an agent of certain political values distribution. *Sociosphere*, 4, 191–193. (In Russian).
- Kharichev, A.D., Shutov, A.Yu., Polosin, A.V., & Sokolova, E.N. (2022). Perception of basic values, factors and structures socio-historical development of Russia (based on research and testing materials). *Journal of Political Studies*, 3(6), 9–19. (In Russian) <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>
- Kochetkov, A.P. (2015). The political elite as a subject of modernization of modern Russia. In A.I. Solovyov (Ed.), *Ideas and values in politics. Political science: Yearbook 2015*. (pp. 314–326). Moscow: Political Encyclopedia.
- Leontyev, D.A., & Mospan, A.N. (2017). Picture of the world, worldview, and definition of the indefinite. *World of psychology*, 2(90), 12–19. (In Russian).
- Leontyev, D.A. (2003). A worldview. *Siberian Psychological Journal*, 18, 152. (In Russian).
- Lvov, A.A. (2020). Modern concepts of the phenomenon of worldview. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 21(2), 11–23. (In Russian) <https://doi.org/10.25991/VRHGA.2020.21.2.001>
- Nikolaev, V.K., & Nikolaev, K.A. (2022). Ideology and worldview: An attempt of comparison. *Humanitarian studies in Eastern Siberia and the Far East*, 3, 108–120. (In Russian) <https://doi.org/10.24866/1997-2857/2022-3/108-120>
- Perevezentsev, S.V., Puchnina, O.E., Strakhov, A.B., & Shakirova, A.A. (2021). On the question of methodological principles of studying Russian basic traditional values. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 27(4), 113–133. (In Russian) <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4-113-133>
- Podshibyakina, T.A. (2023). Ideological aspects of the worldview: Research methodology in Political Science, *Journal of Political Studies*, 1(7), 38–49. (In Russian) <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-1-38-49>
- Polosin, A.V. (2022). Step forward: The problem of worldview in modern Russia. *Bulletin of Moscow University. Series 12. Political sciences*, 3, 7–23. (In Russian).
- Selezneva, A.V. (2019). Conceptual and methodological foundations of the political-psychological analysis of political values. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, 49, 177–192. (In Russian) <https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18>
- Sherbinin, A.I., Gomanovich, N.V., & Ershova, L.A. (2007). Mass media as a factor of the Russian political process at the beginning of the 21 century (the value aspect). *Bulletin of Tomsk State University*, 294, 129–131. (In Russian).
- Shmeleva, O.Yu., & Shablovm, V.A. (2023). Value and worldview foundations of the perception of the modern Russian state by young people in the context of global instability. *Journal of Political Research*, 7(1), 50–64. (In Russian) <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-1-50-64>
- Solovyov, A.I. (2001). Political ideology: The logic of historical evolution. *Polis. Political Studies*, 2, 5–23. (In Russian).
- Titov, V.V. (2017). *Politics of memory and the formation of national-state identity: Russian experience and new trends*. Moscow: Typography «Your Format». (In Russian).
- Tsygankov, P.A. (Ed.) (2012). *Universal values in world and foreign policy*. Moscow: Moscow University Press, 2012. (In Russian).

Volodenkov, S.V., Fedorchenko, S.N., & Pechenkin, N.M. (2023). Peculiarities of worldview formation in the contemporary digital environment: The analysis of academic discourses. *Discourse-P*, 20(1), 8–26. (In Russian) https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_8

Сведения об авторе:

Селезнева Антонина Владимировна — доктор политических наук, доцент, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ntonina@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-2500-6356)

About the author:

Antonina V. Selezneva — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ntonina@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-2500-6356)

СМЫСЛОВЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПОЛИТИКИ: ИДЕИ, КОНЦЕПТЫ, КОНЦЕПЦИИ

SEMANTIC POLICY GUIDELINES: IDEAS, CONCEPTS, THEORIES

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-234-244
EDN: NOQSLM

Научная статья / Research article

Политические ориентации россиян: стратегии современных исследований

М.В. Яковлев

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация*

✉ maxvuz@mail.ru

Аннотация. Исследование сделано на материалах систематического обзора 192 научных статей, опубликованных с 2019 по 2023 г. в журналах, входящих в перечень рецензируемых изданий ВАК РФ, выделяются две основные стратегии исследования политических ориентаций россиян: доминирующая и критическая. В рамках первой достигнут консенсус о том, что базой политических ориентаций российских граждан являются идеи, которые можно объединить под началом традиционализма и аналитически рассмотреть в концептуальной призме умеренного консерватизма. Придерживающиеся второй стратегии авторы проблематизируют принятую интерпретацию традиции и нацелены на раскрытие противоречий, наличествующих в мировоззрении россиян, показывают значение хронической расколото-сти российского социума. Также проводится сравнение направлений исследований политических ориентаций в России и в других странах. Указывается, что зарубежные ученые уделяют очень мало внимания собственно российской политической культуре, имеющиеся работы сосредоточены на ее протестных аспектах и на историческом контексте формирования ее специфики. В отличие от зарубежных коллег российских ученых более всего интересует изучение текущих политических ориентаций молодежи. Автор делает вывод, что пути решения некоторых наиболее острых исследовательских проблем открываются в цивилизационном и в других разработанных российскими исследователями подходах, которые способствуют сближению обеих стратегий, объединению их положительного потенциала и вместе с тем могут пролить свет, кажется, на давнюю и действительно наиболее важную и актуальную проблему политических ориентаций российского общества — противоречивость, поляризованность, расколото-сть, которые, возможно, оформились в цивилизационную специфику России.

© Яковлев М.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: мировоззрение, политическая культура, политические ориентации, политические ценности, Россия, стратегия исследования

Для цитирования: Яковлев М.В. Политические ориентации россиян: стратегии современных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 234–244. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-234-244>

Political Orientations of Russians: Strategies for Modern Research

Maksim V. Yakovlev

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

✉ maxvuz@mail.ru

Abstract. Based on a systematic review of 192 scientific articles published from 2019 to 2023. In journals included in the list of peer-reviewed publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation, two main strategies for studying the political orientations of Russians are distinguished: dominant and critical. Within the first, a consensus was reached that the basis of the political orientations of Russian citizens are ideas that can be united under the leadership of traditionalism and analytically examined in the conceptual prism of moderate conservatism. The authors adhering to the second strategy problematize the accepted interpretation of tradition and aim at revealing the contradictions present in the worldview of Russians, showing the significance of the chronic fragmentation of Russian society. A comparison is also made of the areas of research on political orientations in Russia and in other countries. It is indicated that foreign scientists pay very little attention to Russian political culture itself; the available works are focused on its protest aspects and on the historical context of the formation of its specificity. Unlike their foreign colleagues, Russian scientists are most interested in studying the current political orientations of young people. The author concludes that solutions to some of the most pressing research problems are revealed in the civilizational and other approaches developed by Russian researchers, which contribute to the convergence of both strategies, the unification of their positive potential and at the same time can shed light on what seems to be a long-standing and truly most important and the current problem of the political orientations of Russian society — inconsistency, polarization, fragmentation, which may have taken shape in the civilizational specifics of Russia.

Keywords: political culture, political orientations, political values, Russia, research strategy, worldview

For citation: Yakovlev, M.V. (2024). Political orientations of Russians: Strategies for modern research. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 234–244. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-234-244>

Введение

В связи с очевидными внешними вызовами, социальной ситуацией, общественным запросом в отечественной политологии все больше внимания уделяется проблематике связанных с политической системой ценностей, оценок,

установок, аттитюдов, которые объединяются в феномене и понятии политической культуры или политических ориентаций [Алмонд, Верба 2014: 28]. Исследовательский поиск пока не привел к консенсусу в академической среде. Пока не сформулирована общепринятая теория, объясняющая специфику российской политической культуры, предоставляющая методологический инструментарий для решения существующих проблем научного и практического плана. Вместе с тем в накопленных разработках прослеживается несколько тенденций, демонстрирующих сближение позиций ученых по ряду важнейших вопросов. Поэтому цель статьи состоит в определении актуальной позиции российских исследователей относительно политических ориентаций в современной России, для чего даются ответы на два исследовательских вопроса: какие идейные основания политических ориентаций российских граждан чаще всего выделяют исследователи и каковы наиболее актуальные подходы к определению и аналитическому рассмотрению политических ориентаций россиян.

Методология исследования

Проведен направленный на выявление как можно большего количества научных текстов по теме исследования систематический обзор литературы¹ по рекомендации (гайду) PRISM [Moher et al., 2009] с 2019 г. по 2023 г. Выборка составлена из 28 публикаций, выделенных из генеральной совокупности в размере 192 статей, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК РФ, содержащихся в научной электронной библиотеке «eLibrary» по тематике «Политика. Политические науки» (по критериям цитируемости, оригинальности и значимости результатов). Для поиска использовались слова «мировоззрение», «политическая идеология», «политические представления», «политическое сознание», «политические ценности». Эти термины чаще всего употребляются для операционализации или концептуализации политических ориентаций россиян. Отдельно были рассмотрены девять статей тома 7 (номер 1 за 2023 г.) и восемь статей тома 6 (номер 3 за 2022 г.) «Журнала политических исследований», посвященных аспектам политического мировоззрения.

Идейные основания политических ориентаций российских граждан

Обзор показывает, что большинство исследователей в политических ориентациях россиян на первое место ставят традиционное начало. К нему чаще всего относят идеи (константы) этатизма, патернализма, коллективизма, патриотизма, соборности, общего дела, правды, справедливости, а также иные духовные ценности [Харичев и др. 2022; Шатилов 2022; Евгеньева и др. 2023], которые видятся основными составляющими для (вос)создания «общенационального кода»,

¹ *Kitchenham B.* Procedures for performing systematic reviews (Joint Technical Report). Department of Computer Science, Keele University (TER/SE-0401) and National ICT Australia Ltd (04001T.1). 2004. URL: <http://www.inf.ufsc.br/~aldo.vw/kitchenham.pdf> (accessed: 01.03.2024).

«ДНК» российской политической культуры. На региональном уровне обнаруживаются схожие установки, в особенности в т.н. национальных республиках (правда с дополнением ценности клана) [Матвеева, Алагоз, Сат 2023: 9]. Истоки этих установок исследователи находят в «цивилизационных культурных пластах»: языческом, православном, советском и др. [Генова, Стебляк, Гончар 2023; Щербинина, Аванесова 2023].

Наиболее предпочтительной теоретической базой для построения укорененного в традиции политико-культурного кода России выступают идеи И.А. Ильина, Л.А. Тихомирова, Н.С. Трубецкого и других авторов т.н. умеренно консервативного направления, которое рассматривается как наиболее полно отражающее особенности российской духовной и культурной традиции [Осипова 2022: 8], как концептуальная основа для возрождения духовно-нравственных ценностей в массовом российском сознании [Шичанин, Гривков 2023: 115].

Однако некоторые исследователи усматривают серьезную проблему в политическом использовании традиции в современной России, как это делает, например, С.И. Каспэ, который обоснованно отмечает, в частности, спекулятивный и волюнтаристский характер интерпретации традиции и вытекающую из этого неопределенность ее роли в интеграции и легитимации. Трудно не согласиться с уважаемым профессором в том, что только надежные эмпирические данные, полученные в ходе комплексных и масштабных исследований, могут стать основанием для обсуждения вопроса о «подлинном содержании российской традиции» [Каспэ 2022: 30–31]. Действительно, в этой области пока до конца много неясного: не только упомянутое содержание политической традиции, но и, например, обстоятельства происхождения ее как «истории обычаев» (Э. Бёрк), «образа мышления (Дж. Стаут), совокупности «культурных объектов» (Р. Скрутон), время ее возникновения (период Киевской Руси, Московского царства, Российской империи, СССР, Российской Федерации?) и т.д. Правда, вырисовывается перспектива решения этой проблемы — надежду дает цивилизационный подход (см. ниже).

К другим трудностям в исследовании политических ориентаций россиян критически настроенные исследователи относят устарелость подходов экспертного сообщества, находящегося под воздействием «стереотипов прошлого, конфликтов настоящего, фантазмов... будущего», ориентированного на «концепты и схемы «идеологических войн» [Белоус 2021: 129–131], а также «отсутствие внутренней целостности» в интерпретациях и нехватку критического анализа [Шестов 2023: 68, 69]. Перечисленное во многом объясняется независимыми от специалистов действующими силами и ограничениями, а также разнонаправленностью политических ориентаций и расколотостью российского общества. Последняя характеристика имеет уже сложившуюся традицию аналитического рассмотрения оформленную в том числе в социокультурной теории А.С. Ахиезера, которая сейчас применяется, например, для анализа текущего «ценностного дисбаланса» и социокультурного раскола российского общества на две группы: городских «прогрессоров» и сторонников традиционных

ценностей [Бирюков, Омеличкин 2019: 38], а также для определения причин и факторов возникновения специфической политической культуры на пространстве СНГ (вкуче с концепцией культурной травмы П. Штомпки) [Яковлев 2021]. По мнению исследователей, в последнее время увеличиваются препятствующие обогащению мировоззрения россиян «разломы» многослойного «отечественного культурного тела», действие созданных в ходе противостояния с западными странами институциональных и коммуникационных механизмов усиливает поляризацию общества, ужесточает политический режим, вытесняет демократические ценности, «травматические коллизии... вредят укреплению культурной самобытности российского общества», ведут к усекновению «культурного разнообразия российской жизни» [Соловьев 2022: 224, 227]. Во фрагментированном и противоречивом общественном сознании россиян прослеживаются такие течения, как стихийный традиционализм, традиционализм-этакратов, традиционализм разочаровавшихся, модернизм и постмодернизм [Тихонова 2021: 158].

Впрочем, некоторые специалисты считают преувеличенными глубину и силу социально-политического воздействия существующей поляризации и усматривают возможности «использования интегрирующих ценностей российской политической культуры для обоснования демократического варианта ее развития» [Стризов 2021: 95].

Таким образом, в последнее время авторы чаще всего выделяют такие идейные основания политических ориентаций российских граждан, как патернализм, коллективизм, патриотизм, соборность, справедливость, иные духовные ценности, которые объединяются под началом традиционализма и аналитически рассматриваются сквозь оптику умеренного консерватизма. Такова наиболее распространенная общая концепция исследования.

Подходы к исследованию политических ориентаций россиян

Предварительный обзор генеральной совокупности публикаций дополнительно позволил определить наиболее востребованные сюжеты в исследовании российских политических ориентаций и сравнить их с теми, что распространены за рубежом.

Зарубежные ученые уделяют очень мало внимания нашей теме. Например, в одном из разделов посвященной российской политической философии монографии Э. ван дер Звирде вкратце рассматривает политико-философские и исторические проекты по созданию укрепляющих патриотизм нарративов о месте и роли России в мире и формы и действия протестной политической культуры [van der Zweerde 2022: 185–201]. В другой работе, относящейся к политической истории, определяются источники и механизмы формирования специфики советской политической культуры, которые в целом сводятся к процессу угнетения [Arsene A.-I. 2023].

К. Вельцель и Р. Инглхарт выделяют десять основных направлений в текущих исследованиях политических ориентаций: социальные истоки и основания демократии, трансформация этих оснований в ходе культурных изменений,

связи политической культуры и политической экономики, сравнительный анализ политических культур, степень демократической гражданственности, модели лояльности граждан в условиях демократии, взаимоотношения между избирателями и партиями, положительная модель гражданина в демократическом обществе, политическая культура в недемократических системах, роль доверия, уверенности и социального капитала в укреплении способности социальных групп к коллективным действиям [Welzel, Ingelhart 2023: 310–333].

Тематика российских исследований заметно отличается. Отечественных исследователей более всего интересует изучение политических ориентаций молодежи (которым посвящено более двух третей статей). Далее с сильным отрывом следуют темы трансформации политической культуры в условиях цифровизации (7 статей); роли традиционных ценностей (6 статей); значения доверия и согласия (5 статей); регионального измерения и местной специфики политической культуры, политической социализации, особенностей российской политической культуры (по 4 статьи); периодизации изменений политических ориентаций россиян, идентичности, политической культуры правящей группы (по 3 статьи).

Как видно, сейчас российские специалисты сосредоточены, главным образом, на применении методов эмпирических исследований, прежде всего социологических опросов часто вместе с кросс-темпоральным анализом динамики, для выявления и анализа политических ценностей и предпочтений, их развития. Так, среди прочих, был сделан вывод о спиралевидной эволюции политических ориентаций в России в последние 20 лет (от доминирования демократических ценностей в начале 1990-х гг. к установке на «твердую руку» к началу 2000-х гг. и обратно в 2018–2019 гг.) [Жданов, Мухаев, 2020 и др.]. Следующим по популярности является биографический метод, использование которого позволило, например, показать ход трансформации политической культуры оппозиции в протестных группах, а именно то, как сходятся разнонаправленные «биографические траектории» участников протестов, как «события создают возможности для объединения противоположных значений, навыков и схем действий, тем самым позволяя возникнуть культурным изменениям» [Erpyleva 2023]. Еще один оригинальный результат был получен при исследовании проявлений «социального цинизма и хамства» отдельными представителями региональных правящих групп [Кныжова, Суслов 2021].

Пожалуй, можно считать оформившимся тренд на применение цивилизационного подхода к анализу российских политических ориентаций, что подтверждается последними мероприятиями и публикациями. Например, повышенное внимание академического сообщества привлекла прошедшая 15 февраля 2024 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова Международная научно-практическая конференция «XXI Панаринские чтения» на тему «Столкновение цивилизаций: миф или реальность?». По убеждению исследователей, этот подход позволяет объяснять политические институты сквозь «призму более устойчивых и глубинных факторов — ценностных систем и культуры» [Мчедлова, Букин 2023: 445], анализировать новые способы действий государств в политико-культурной

сфере в условиях цифровизации и расширения сетевых глобальных коммуникаций [Федорченко 2023: 3].

Собственно разработкой методологических основ исследования политических ориентаций применительно к современным российским реалиям занимаются немногие авторы. Среди последних новаций в этой области наибольший интерес представляет политико-психологический подход А.В. Селезневой, в рамках которого используются методы контактной диагностики и дистантной оценки [Селезнева 2019], а также культурсоциологический подход К.Ф. Завершинского, в рамках которого, если я правильно понимаю, политическая культура анализируется через динамику символизации структур смысла (пространственно-временных измерений политической памяти), специфику базовых культур-антропологических форм политической солидарности, создание политических мифов [Завершинский 2019]. При этом обращается внимание на разнообразие исследовательских стратегий, отсутствие универсального метода и консенсуса относительно понятий, например, применительно к политической идеологии [Подшибякина 2023: 46].

Таким образом, наиболее актуальные подходы к определению и аналитическому рассмотрению политических ориентаций россиян — это цивилизационный, политико-психологический (включающий социологические опросы, биографический метод и др.), культурсоциологический.

Заключение

В настоящее время наиболее востребованы две стратегии исследования политических ориентаций россиян. Первая — преобладает и объединяет согласных с тем, что базой российской политической культуры являются те идеи, которые можно объединить под началом традиционализма и аналитически рассмотреть в концептуальной призме умеренного консерватизма. В рамках этой стратегии проводится большая часть политико-психологических эмпирических исследований политических ценностей, представлений, предпочтений, мировоззрения российских граждан.

Вторая стратегия — критическая. Следующие ей авторы проблематизируют распространенную интерпретацию традиции и другие влияющие на сознание и поведение феномены, ставят в центр внимания противоречия, наличествующие в мировоззрении российских граждан (часть которых коренится в коллективном бессознательном), и хроническую расколотость российского социума.

Обе исследовательские стратегии дополняют знания о политических ориентациях россиян, а также о находящихся глубоко в истории причинах и характере фрагментации отечественной политической культуры.

Актуальные трудности политической жизни не позволяют пока создать комплексное и релевантное теоретическое представление об основаниях политических ориентаций россиян. Пути решения некоторых наиболее острых исследовательских проблем открываются в цивилизационном и в других подходах, именно они могут пролить свет, кажется, на давнюю и действительно наиболее

важную и актуальную проблему — противоречивость и поляризованность, тесно связанные с социальным расколом, который, похоже, уже стал нашей цивилизационной спецификой. Раскрытие подолеки и природы этой специфики — одно из наиболее перспективных и плодотворных направлений дальнейших исследований политических ориентаций в современной России.

Поступила в редакцию / Received: 04.03.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 12.03.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2024

Библиографический список

- Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах. М.: Мысль, 2014.
- Бирюков С.В., Омеличкин О.В. Противоречия российской политической культуры: мнимые и реальные расколы // Вестник Забайкальского государственного университета. 2019. Том 25. № 3. С. 38–47. <http://doi.org/10.21209/2227-9245-2019-2,5-3-38-47>
- Белоус В.Г. Политическая культура или культура политики? (Полемиические заметки на хрестоматийную тему) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2021. Т. 17. № 2. С. 118–134. <http://doi.org/10.21638/spbu23.2021.201>
- Генова Н.М., Стебляк В.В., Гончар И.Е. Исследование ценностных ориентаций современной российской молодежи в историко-культурном аспекте // Культура и цивилизация. 2023. Том 13. № 1А-2А. С. 58–65. <http://doi.org/10.34670/AR.2023.45.86.008>
- Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Скипин Н.С., Тулегенова Д.Д. Запросна патернализм: идея и ценность государства в сознании российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 233–251. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-233-251>
- Жданов А.И., Мухаев Р.Т. Эволюция системы политических ценностей в современной России // Социально-политические исследования. 2020. № 4 (9). С. 38–51. <http://doi.org/10.20323/2658-428X-2020-4-9-38-51>
- Завершинский К.Ф. Политическая культура как символическая «пересборка» политического // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2019. Т. 15, № 1. С. 88–107. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.107>
- Каспэ С. В этом шкафу много скелетов: политическое использование традиции в современной России // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 1. С. 9–37. <http://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-1-9-37>
- Кныжова З.З., Суслов И.В. Цинизм и неучитивость региональной политической элиты в контексте структурно-биографического анализа // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. № 1. С. 121–139. <http://doi.org/10.22394/2071-2367-2021-16-1-121-139>
- Матвеева Е.В., Алагоз А.В., Сам А.В. Проблема типологизации региональной политической культуры национальных субъектов Российской Федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2023. Т. 8. № 1. С. 9–18. <http://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-1-9-18>
- Мчедлова М.М., Букин О.А. Российская цивилизация: цивилизационный подход в политической теории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 445–454. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-445-454>
- Осинова Н.Г. Идеологическое воздействие на социальное поведение (теоретико-методологические аспекты) // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 4. С. 7–29. <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-4-7-29>

- Подшибякина Т.А.* Идеологические аспекты мировоззрения: методология исследования в политической науке // Журнал политических исследований. 2023. № 1. С. 38–49. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-1-38-49>
- Селезнева А.В.* Концептуально-методологические основания политико-психологического анализа политических ценностей // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 49. С. 177–192. <https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18>
- Соловьев А.И.* Гражданин в потоках цифровизации: коллизии политики и культуры // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2022. № 67. С. 216–230. <https://doi.org/10.17223/1998863X/67/19>
- Стризов А.Л.* Пути политической модернизации России и традиции политической культуры // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 3. С. 95–107. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.9>
- Тихонова Н.Е.* Динамика представлений россиян о соотношении интересов индивида и государства // Полис. 2021. № 6. С. 155–170. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.11>
- Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н.* Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. № 3. С. 9–19.
- Федорченко С.Н.* Государство-цивилизация в цифровой ойкумене // Журнал политических исследований. 2023. № 1. С. 3–26.
- Шатилов А.Б.* Статика и динамика политической культуры России в XX–XXI веках (к вопросу о ДНК России) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12. № (6). С. 6–11. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-6-6-11>
- Щербинина Н.Г., Аванесова Е.Г.* Традиционный элемент политической культуры России: конституирование православных основ // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 75. С. 289–299. <https://doi.org/10.17223/1998863X/75/24>
- Шестов Н.И.* Научный взгляд на ценностные установки современной российской молодежи: почему не складывается целостная картина? // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23. Вып. 1. С. 66–70. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-66-70>
- Шичанин А.В., Гривков О.Д.* Умеренный консерватизм как мировоззренческая основа современной России // Журнал политических исследований. 2023. № 1. С. 115–130. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-1-115-130>
- Яковлев М.В.* Особенности политической культуры в современной политике стран СНГ // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2021. № 6. С. 66–75. https://doi.org/10.48137/2074-2975_2021_6_66
- Arsene A.-I.* Political Discourse and Oppression — Influences on the Mentality and Culture of the Soviet Man // *Acta universitatis sapientiae, philologica*. 2023. № 15. P. 41–54. <https://doi.org/10.2478/ausp-2023-0026>
- Erpyleva S.* Protest event, political culture, and biography: Post-protest local activism in Russia // *American Journal of Cultural Sociology*. 2023. <https://doi.org/10.1057/s41290-023-00194-5>
- Moher D., Liberati, A., Tetzlaff, J., Altman, D.G. & The PRISMA Group.* Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-Analyses: The PRISMA Statement // *PLoS Med*. 2009. Vol. 6. (7), e1000097.
- Van der Zweerde E.* *Russian Political Philosophy*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2022.
- Welzel C., Inglehart R.* *Political culture* // *Comparative Politics* / ed. by D. Caramani. Oxford University Press, 2023.

References

- Almond, G., & Verba, S. (2014). *The civic culture: political attitudes and democracy in five nations*. Moscow: Mysl. (In Russian). [Almond, G., & Verba, S. (1963). *The civic culture: political attitudes and democracy in five nations*. Princeton, N.J. : Princeton University Press].
- Arsene, A.-I. (2023). Political discourse and oppression — influences on the mentality and culture of the Soviet man. *Acta Universitatis Sapientiae, Philologica*, 15, 41–54. (In Russian). <https://doi.org/10.2478/ausp-2023-0026>
- Biryukov, S.V., & Omelichkin, O.V. (2019). Contradictions of Russian political culture: Imaginary and real splits. *Bulletin of the Transbaikalian State University*, 25(3), 38–47. (In Russian). https://doi.org/10.21209/2227-9245-2019-2_5-3-38-47
- Belous, V. (2021). Political culture or culture of politics?: Polemical notes on a textbook topic. *Political Expertise: POLITEX*, 17(2), 118–134. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.201>
- Genova, N.M., Steblyak, V.V., & Gonchar, I.E. (2023). The study of the value orientations of modern Russian youth in the historical and cultural aspect. *Culture and Civilization*, 13 (1A-2A), 58–65. (In Russian). <https://doi.org/10.34670/AR.2023.45.86.008>
- Erypleva, S. (2023). Protest event, political culture, and biography: Post-protest local activism in Russia. *American Journal of Cultural Sociology*. <https://doi.org/10.1057/s41290-023-00194-5>
- Evgenieva, T.V., Selezneva, A.V., Skipin, N.S., & Tulegenova, D.D. (2023). Request on paternalism: The concept and value of state in the minds of Russian youth. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 233–251. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-233-251>
- Fedorchenko, S.N. (2023). State-civilization in the digital ecumene. *Journal of Political Research*, 1, 3–26. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-1-3-26>
- Kaspe, S. (2022). There are many skeletons in this closet: The political use of tradition in modern Russia. *Sociological Review*, 21(1), P.9–37. (In Russian). <https://doi.org/10.17323/1728-192x-2022-1-9-37>
- Kharichev, A.D., Shutov, A.Yu., Polosin, A.V., & Sokolova, E.N. (2022). Perception of basic values, factors and structures of socio-historical development of Russia (based on research and testing). *Journal of Political Research*, 3, 9–19. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>
- Knyzhova, Z.Z., & Suslov, I.V. (2021). Cynicism and incivility of the regional political elite in the context of structural and biographical analysis. *Central Russian Journal of Social Sciences*, 1, 121–139. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2021-16-1-121-139>
- Matveeva, E.V., Alagoz, A.V., & Sat, A.V. (2023). The problem of typologizing the regional political culture of national subjects of the Russian Federation. *Journal of Kemerovo State University. Series: Political, sociological and economic sciences*, 8(1), 9–18. (In Russian). <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2023-8-1-9-18>
- Mchedlova, M.M., & Bukin, O.A. (2023). Russian civilization: Civilizational approach in political theory. *RUDN Journal of Political Science*, 25(2), 445–454. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-445-454>
- Moher, D., Liberati, A., Tetzlaff, J., Altman, D.G., & The PRISMA Group. (2009). Preferred Reporting Items for Systematic Reviews and Meta-Analyses: The PRISMA Statement. *PLoS Med.*, 6(7), e1000097.
- Osipova, N.G. (2022). Ideological impact on social behavior: Theoretical and methodological aspects (beginning). *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 28(4), 7–29. (In Russian). <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-4-7-29>
- Podshibyakina, T.A. (2023). Ideological aspects of worldview: Research methodology in political science. *Journal of Political Research*, 1, 38–49. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-1-38-49>

- Selezneva, A.V. (2019). Conceptual and methodological foundations of the political-psychological analysis of political values. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political science*, 49, 177–192. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/49/18>
- Shatilov, A.B. (2022). Statics and dynamics of Russian political culture in the 20th–21st centuries (on the issue of Russia’s DNA). *Humanitarian Sciences. Journal of the Financial University*, 12(6), 6–11. (In Russian). <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-6-6-11>
- Shcherbinina, N.G., & Avanesova, E.G. (2023). Traditional element of Russian political culture: The constitution of Orthodox foundations. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political science*, 75, 289–299. (In Russian). <https://doi.org/10.17223/1998863X/75/24>
- Shestov, N.I. (2023). A scientific view of the value systems of modern Russian youth: Why doesn’t a complete picture emerge? *News of Saratov University. New episode. Series: Sociology. Political science*, 23(1), 66–70. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-1-66-70>
- Shichanin, A.V., & Grivkov, O.D. (2023). Moderate conservatism as the ideological basis of modern Russia. *Journal of Political Research*, 1, 115–130. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-1-115-130>
- Soloviev, A.I. (2022). Citizen in the streams of digitalization: Collisions of politics and culture. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political science*, 67, 216–230. <https://doi.org/10.17223/1998863X/67/19>
- Strizoe, A.L. (2021). Ways of political modernization of Russia and traditions of political culture. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, 26(3), 95–107. (In Russian). <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.9>
- Tikhonova, N.E. (2021). Dynamics of Russians’ ideas about the relationship between the interests of the individual and the state. *Polis. Political Studies*, 6, 155–170. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.06.11>
- Van, der Zweerde, E. (2022). *Russian political philosophy*. Edinburgh: Edinburgh University Press.
- Welzel, C., & Inglehart, R. (2023). Political culture. In D. Caramani (Ed.), *Comparative Politics* (pp. 310–333). Oxford University Press.
- Yakovlev, M.V. (2021). Features of political culture in modern politics of the CIS countries. *Observer*, 6, 66–75. (In Russian). https://doi.org/10.48137/2074-2975_2021_6_66
- Zavershinskiy, K.F. (2019). Political culture as symbolic “rebuilding” of the political. *Political Expertise: POLITEX*, 15(1), 88–107. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu23.2019.107>
- Zhdanov, A.I., & Mukhaev, R.T. (2020). Evolution of the system of political values in modern Russia. *Socio-Political Studies*, 4(9), 38–51. (In Russian). <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2020-4-9-38-51>

Сведения об авторе:

Яковлев Максим Владимирович — доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: maxvuz@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0127-5642)

About the author:

Maksim V. Yakovlev — Doctor of Political Science, Professor of the Department of Philosophy of Politics and Law, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (e-mail: maxvuz@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0127-5642)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-245-253
EDN: LORDZC

Научная статья / Research article

Роль ценностного базиса в условиях ведения некинетических войн: методологические предпосылки анализа

А.В. Курочкин

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация*

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉ alexkur@bk.ru

Аннотация. Актуальность представленной в исследовании темы определяется прежде всего текущей внешнеполитической обстановкой, а именно развязанной коллективным Западом против Российской Федерации гибридной войной, значительный компонент которой составляют так называемые некинетические войны: информационные, организационные, ментальные, когнитивные и др. Автор делает акцент именно на когнитивных войнах как наименее изученных в социальных науках. Отсюда основная цель статьи заключается в рассмотрении возможных методологических оснований анализа когнитивных войн в контексте высокой турбулентности мирового порядка и растущей динамики цифровых трансформаций экономики, политики и социальной сферы. В качестве ядра такой методологии автор предлагает рассмотреть социальную синергетику, ключевые постулаты которой: открытость, нелинейность саморазвития, неравновесный характер систем различной природы — в наибольшей степени соответствуют текущему контексту общественных отношений. Особое внимание в статье уделено роли системы духовно-нравственных ценностей или общественному ценностному базису в обеспечении устойчивости политической системы и эффективному противодействию когнитивной агрессии. Автор раскрыл его основные функции, как то: обеспечение коммуникативной эффективности, преодоление социальной атомизации современного общества, обеспечение когнитивной устойчивости социума за счет повышения резистентности к когнитивной и ментальной агрессии.

Ключевые слова: цифровизация, когнитивные, ментальные, гибридные войны, аттракторы, флуктуации, коммуникативная эффективность

© Курочкин А.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности: Исследование подготовлено при поддержке Минобрнауки в ИНИОН РАН (проект № 123091200062–2 «Ценностный базис российского сетевого пространства в условиях глобального цифрового империализма»).

Для цитирования: Курочкин А.В. Роль ценностного базиса в условиях ведения некинетических войн: методологические предпосылки анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 245–253. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-245-253>

The Role of the Value Basis in the Context of Waging Non-Kinetic Wars: Methodological Prerequisites for Analysis

Alexander V. Kurochkin

St Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉ alexkur@bk.ru

Abstract. The relevance of the topic presented in the article is determined primarily by the current foreign policy situation, namely the hybrid war unleashed by the collective West against the Russian Federation, a significant component of which are the so-called non-kinetic wars: informational, organizational, mental, cognitive, etc. In the article, the author focuses specifically on cognitive wars, which are the least studied in the social sciences. Hence, the main purpose of the article is to consider possible methodological foundations for the analysis of cognitive wars in the context of the high turbulence of the world order and the growing dynamics of digital transformations in the economy, politics, and social spheres. As the core of such a methodology, the author suggests considering social synergetics, the key postulates of which are openness, non-linearity of self-development, and the non-equilibrium nature of systems of various natures, which are most consistent with the current context of public relations. Special attention is paid to the role of the system of spiritual and moral values, or the social value basis, in ensuring the stability of the political system and effective counteraction to cognitive aggression. The author revealed its main functions, such as ensuring communicative effectiveness, overcoming the social atomization of modern society, and ensuring the cognitive stability of society by increasing resistance to cognitive and mental aggression.

Keywords: digitalization, cognitive, mental, hybrid wars, attractors, fluctuations, communicative effectiveness

Acknowledgements: The study was prepared with the support of the Ministry of Education and Science at INION RAS (project No. 123091200062–2 “The value basis of the Russian network space in the context of global digital imperialism”).

For citation: Kurochkin, A.V. (2024). The role of the value basis in the context of waging non-kinetic wars: Methodological prerequisites for analysis. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 245–253. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-245-253>

Введение

Технологическая революция последних десятилетий, основанная на цифровизации всех сфер человеческой деятельности, ежегодно меняет привычный нам уклад жизни, внося существенные новации как в материальный, так и в духовный мир существования человека. И если в мире материальном эти новации чаще всего эффективно решают задачу облегчения организации нашего труда и быта, повышения качества жизни и комфорта, то в мире духовном, социальном такой прогресс отнюдь не очевиден. Прекаризация и уберизация рынка труда, постепенное устранение человека из процесса производства товаров и услуг, утрата управляемости процессом технологического развития, появление разнообразных видов некинетических войн — вот только немногие примеры новых вызовов, порождаемых сверхбыстрым технологическим развитием. Также остро встает проблема неравномерности доступа к благам цифровой цивилизации и, соответственно, расширения цифрового разрыва как между отдельными социально-демографическими группами, так и государствами или макрорегионами мира. Одним из важных следствий цифрового разрыва становится угроза потери цифрового суверенитета, что в условиях тотальной цифровизации оказывается равносильно утрате экономической независимости, а значит, и суверенитета национального государства в целом.

Когнитивная война — новый вызов устойчивости политической системы

В условиях постоянно растущей международной конкуренции за все более дефицитные материальные и социальные ресурсы эти вызовы влекут развязывание информационных, организационных, ментальных и когнитивных войн, основной целью которых становится сегодня человеческий разум. Речь идет о новом, ментальном порабощении наций, которые должны по замыслу агрессора превратиться в послушную, лишенную воли толпу, неспособную к рефлексии и самостоятельному принятию решений. Именно в этом видят ключевую задачу когнитивных войн их рьяные приверженцы из Североатлантического альянса, подчеркивающие, что «цель когнитивной войны состоит в осуществлении изменений в целеполагании политики сообщества, через когнитивный процесс, достижении преимуществ атакующим государством (или негосударственным актором)» [цит. по: Медушевский 2023]¹. Она также может быть определена как «особый тип войны — ее «не конвенциональная форма, которая использует кибернетические инструменты для изменения когнитивного процесса противника, эксплуатируя ментальные наклонности или рефлексивное мышление²... Ее цель — посеять диссонанс, спровоцировать противоречивые нарративы,

¹ Bjorgul L. (2021). Cognitive Warfare and the Use of Force // Stratagem. 3.11. 2021. URL: <https://www.stratagem.no/cognitive-warfare-and-the-use-of-force/> (accessed: 20.11.2023)

² Claverie B., du Cluzel F. The Cognitive Warfare Concept. URL: chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-02/CW%20article%20Claverie%20du%20Cluzel%20final_0.pdf (accessed: 20.11.2023)

поляризовать мнения и радикализовать группы. Когнитивная война может мотивировать людей таким образом, который может фрагментировать сплоченное общество»³.

Таким образом, в отличие от информационной войны, направленной на дезинформацию противника и пропаганду выгодной агрессору точки зрения посредством масс-медиа и ментальной войны, чьи цели связаны в первую очередь с изменением (параличом) индивидуального и массового сознания, деморализацией вооруженных сил, когнитивная война имеет дело с познавательными процессами, обеспечивающими принятие или непринятие того или иного решения.

Вряд ли подлежит сомнению тезис о том, что разрушительные последствия когнитивной войны оказываются существенно более глубокими и тяжелыми, нежели материальный, физический ущерб традиционных кинетических войн. А следовательно, задача обеспечения эффективного противостояния когнитивной агрессии становится одной из важнейших для национальной безопасности любого государства.

Для России, испытывающей сегодня беспрецедентное давление коллективного Запада по всем фронтам, ее решение оказывается еще более значимым.

Методологические основания исследования содержания и стратегий когнитивной войны

Для целей настоящего исследования в первую очередь важно определить те методологические основания, которые могли бы быть положены в основу комплексного анализа стратегий и технологий ведения некинетических войн (прежде всего когнитивных) и в конечном счете способствовали бы выработке конкретных практических рекомендаций по их эффективной превенции либо выработке стратегии защиты от такого рода агрессии.

В этой связи обращает на себя внимание социальная синергетика. Предпосылки и принципы синергетической методологии оказываются важными не только для целей исследования когнитивных процессов и изучения работы человеческого мозга (чему, например, была посвящена известная работа Г. Хакена [2001] «Принципы работы головного мозга»), но и для анализа того, каким образом, должен быть выстроен процесс сопротивления внешней когнитивной агрессии на различных уровнях организации социальной и политической системы. В этом смысле важно учитывать специфические характеристики такого рода систем, актуализируемые в синергетической методологии: нелинейность, которая выражается прежде всего в ее избирательном «реагировании на внешние воздействия, когда «соответствующее» воздействие оказывает на эволюцию системы большее влияние, чем воздействие более сильное, но организованное неадекватно ее собственным тенденциям» [Баксанский, Кучер

³ Northon B. Behind NATO's 'cognitive warfare': 'Battle for your brain' waged by Western militaries. URL: <https://thegrayzone.com/2021/10/08/nato-cognitive-warfare-brain/> (accessed: 12.10.2023).

2010: 71], что происходит прежде всего благодаря наличию в ней механизма нелинейной обратной связи, эффективное функционирование которого предопределяется следующим важным свойством системы — ее открытостью, позволяющей постоянно обмениваться со своей средой информацией и энергией.

Российские исследователи О.Е. Баксанский и Е.Н. Кучер справедливо подчеркивают особое значение микропроцессов, влияние незначительных по силе и ресурсоемкости флуктуаций на макроструктуры и возможности их фазового перехода: «Синергетика показывает, что поведение сложных систем вблизи точек неустойчивости существенно зависит от микропроцессов в ней: вблизи точек бифуркации микрофлуктуации определяют выбор аттрактора» [Баксанский, Кучер 2010: 72].

В этом проявляется одно из ключевых качеств нелинейных, открытых систем — диссипативность, которая может быть определена как: «макроскопическое проявление хаотических процессов, протекающих на микроуровне и приводящих к рассеиванию энергии, вещества, информации... Фактически, это аналог диффузии самого разного рода, в том числе передача знаний, распространение научной и культурной информации» [Баксанский, Кучер 2010: 72].

С точки зрения результативности информационного воздействия данное положение синергетической методологии может быть проинтерпретировано следующим образом: относительно слабые с точки зрения наличествующих ресурсов субъекты информационного влияния (например, Телеграм-каналы или видеоблоги, имеющие не более 10–15 тысяч подписчиков) способны оказывать значительное воздействие на психоэмоциональное состояние и когнитивные установки целевой аудитории (сравнимое с воздействием государственной пропагандистской машины, использующей всю мощь электронных СМИ) благодаря выверенной топологии такого воздействия, позволяющей запустить мощный резонансный эффект. Безусловно, сетевая структура информационного обмена способствует появлению и усилению такого эффекта наилучшим образом.

Роль ценностного базиса в превенции когнитивной агрессии

Особое значение в ходе противодействия когнитивной агрессии имеет ценностный базис, объединяющий и солидаризирующий общество. В контексте синергетической методологии ценностный базис может быть проинтерпретирован как духовное основание аттрактора саморазвития общественной системы. Если дополнить синергетическую парадигму теоретическими постулатами нового институционализма, то можно рассматривать ценностный базис так же, как и метаинститут, определяющий устойчивость социально-политической системы, понимаемую здесь как «способность политико-административной системы, адекватно реагируя на внешнее влияние, удерживать структурные изменения в пределах заданных параметров, быстро восстанавливать равновесие, сохраняя собственную целостность и идентичность» [Куручкин 2023]. Можно также проинтерпретировать ценностный базис как основание когнитивной устойчивости

общества, а значит, ключевую цель для информационных, ментальных и когнитивных войн.

Рассматривая случай Российской Федерации, следует отметить, что после 2014 г. когда, с одной стороны, благодаря де-факто государственному перевороту на Украине неонацистский режим получил властные инструменты для реализации своей политической повестки, а с другой стороны, из-за возвращения Республики Крым в состав России, коллективный Запад развязал против РФ тотальную санкционную войну, задача прояснения, систематизации и популяризации национальных духовно-нравственных ценностей встала чрезвычайно остро. Одним из ключевых этапов ее реализации является процесс институционализации ценностного базиса российского общества.

Активная практическая работа по институциональному закреплению системы российских духовно-нравственных ценностей на современном этапе развития была начата в 2020 г. по инициативе Президента РФ В.В. Путина в ходе разработки и принятия поправок к Конституции Российской Федерации. Именно тогда в рамках деятельности специально созданной рабочей группы, возглавляемой главой комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству А. Клишасом, председателем комитета Госдумы по государственному строительству и законодательству П. Крашенинниковым и директором Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ Т. Хабриевой, помимо новых норм Конституции, касающихся изменений статуса, функций и соотношения полномочий ключевых элементов политической системы, были также предложены несколько поправок, определяющих ценностный базис современного российского государства и общества. Это — поправки: в ст. 67.1, ч. 2 «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство», в ст. 67.1 ч. 3 «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается», в ст. 68, ч. 4 «Культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа. Культура поддерживается и охраняется государством», в ст. 69, ч. 2 «Государство защищает культурную самобытность всех народов и этнических общностей Российской Федерации, гарантирует сохранение этнокультурного и языкового многообразия» и ряд других.

Некоторые эксперты и общественные деятели отмечали тогда «необязательный» характер таких поправок, считая их пустой формальностью. Однако результаты всенародного голосования 1 июля 2020 г. отчетливо показали правоту экспертной группы и законодателей, предложивших эти поправки и впоследствии оформивших их в конституционном формате.

Следующим необходимым шагом на пути к систематизации и институциональному оформлению духовно нравственных ценностей современной России стало принятие Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об

утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁴. В нем конкретизированы функции, риски и содержание деструктивных идеологий, показаны их основные источники и целевые группы влияния. Обозначены цели государственной политики, а также инструменты и меры превенции проникновению и распространению идеологий такого рода, в том числе стратегического характера, дан четкий перечень традиционных духовно-нравственных ценностей, составляющих основу российской государственности и идентичности российского общества.

Принятие данного Указа следует рассматривать как важнейший шаг к: а) *более четкой артикуляции*, б) *системному обобщению* и в) *институциональному закреплению* системы духовно-нравственных ценностей.

В аспекте противостояния ментальной и когнитивной агрессии и защите национального суверенитета Российской Федерации институциональное закрепление системы духовно-нравственных ценностей обеспечит необходимый смысловой и эмоционально-психологический фундамент или своеобразный «щит» против реализации ключевых задач ментальной и когнитивной войны, а именно: уничтожения культурно-исторических основ российской государственности, «стирания» национальной идентичности, насаждения искаженного мышления и т.д. В этом контексте абсолютно справедливо в пункте 1 настоящих Основ указано, что они являются: «документом стратегического планирования в сфере обеспечения основ национальной безопасности Российской Федерации»⁵.

Параллельно с процессом институционализации системы духовно-нравственных ценностей в Российской Федерации стартовал не менее важный процесс их популяризации, прежде всего для молодого поколения, посредством включения в учебные программы вузов новых курсов и спецкурсов, значительный объем материалов которых посвящен анализу исторических предпосылок становления системы духовно-нравственных ценностей, раскрытию их этического содержания и т.д. Ключевую роль в разработке и имплементации подобных материалов стал играть федеральный проект «ДНК России», в рамках которого происходила разработка и методическая отладка курса «Основы российской государственности», обеспечивающего междисциплинарное, содержательное обоснование концепции «Россия — как страна-цивилизация». Теоретическую основу данной концепции во многом составила модель соотношения базовых факторов и структур социально-исторического развития

⁴ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 15.11.2023).

⁵ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 15.11.2023).

России, представленная в виде так называемого пентабазиса: «Человек-Семья-Общество-Государство-Страна». Сегодня имплементацию положений данной концепции уже активно анализируют в различных сферах политики, экономики и социальной жизни [см. напр.: Гришанин, Миневиц, Меркушева, 2023]. Необходимо особо отметить, что авторы концепции выявили не только содержание и структуру указанного мировоззренческого пентабазиса, но и обозначили на основе проведенного исследования его четкие смысловые связи с выбором образа будущего для России.

Не определяя явно в качестве методологических принципов или ориентиров постулаты синергетической методологии, они, тем не менее, отмечают, «что сегодня едва ли кто-нибудь будет спорить с утверждением, что устойчивость политической системы во многом определяется ее открытостью, гибкостью, возможностью использовать различные технологии принятия и реализации политических решений. Принципиально важно, чтобы эти технологии и эти решения находили свою актуализацию в контексте выявленных в ходе исследования ценностных доминант российского общества» [Харичев, Шутов, Полосин, Соколова, 2022: 19].

В пространстве сетевых коммуникаций, которое является сегодня главным полем битвы за умы и сердца, можно выделить следующие ключевые функции духовно-нравственного ценностного базиса:

- обеспечение коммуникативной эффективности сетевых взаимодействий (под которой автор понимает «результатирующую минимизации транзакционных издержек взаимодействия» в сети [см. подробнее: Курочкин 2023: 50];
- преодоление социальной атомизации сетевого пространства и формирование сетевой солидарности и, как следствие, более высокой консолидации общества;
- повышение степени резистентности общества к когнитивной и ментальной агрессии.

В заключение отметим, что, определяя социальную синергетику в качестве перспективного методологического фундамента для анализа стратегий и инструментов некинетических войн, а также их превенции, нельзя не понимать и не учитывать также и определенные ограничения, которые она имманентно содержит. Так, например, трудно не согласиться с мнением отечественного исследователя М.П. Бузского о том, что «абсолютизация синергетики не просто методологический „перекос“, но отражение той реальной ситуации, в которой оказалось современное человечество: при взрывоподобном развитии техники, технологий и средств телекоммуникаций, охвативших планету, самостоятельно организованным пространством воздействий и ритмов, люди оказались обособленными, разъединенными, не сумели выработать те формы, в которых бы они смогли „встроить“ техносферу в рамки своей субъективности»⁶.

⁶ Бузский М.П. Современные концепции социальной синергетики. URL: <https://spkurdyumov.ru/globalization/sovremennye-koncepcii-socialnoj-sinergetiki/> (дата обращения: 05.11.2023).

Отсюда, включение ценностного аспекта в рамках методологии социальной синергетики представляется сегодня чрезвычайно актуальной задачей в том числе и в аспекте выработки эффективных стратегий противостояния новым формам некинетической агрессии.

Поступила в редакцию / Received: 15.11.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 01.02.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2024

Библиографический список

- Баксанский О.Е., Кучер Е.Н. Когнитивно-синергетическая парадигма НЛП: От познания к действию. Изд. 3-е, испр. и доп. URSS, 2010.
- Гришанин Н.В., Миневиц Я.В., Меркушева А.С. Формирование патриотизма в России: пентабазис и корпоративная культура // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 10. № 2 (38). С. 117–126. [http://doi.org/10.24147/2312-1300.2023.10\(2\).117-126](http://doi.org/10.24147/2312-1300.2023.10(2).117-126)
- Куручкин А.В. Проблема оценки эффективности политических коммуникаций в социальных медиа // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19. № 1. С. 49–57. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.104>
- Медушевский А.Н. Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Часть 1 // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 2. С. 85–98. https://doi.org/10.52342/2587-7666VTE_2023_2_85_98
- Хакен Г. Принципы работы головного мозга. Синергетический подход к активности мозга, поведению и когнитивной деятельности. М.: ПЕР СЭ, 2001.
- Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 3. С. 9–19. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>

Сведения об авторе:

Куручкин Александр Вячеславович — доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов (e-mail: alexkur@bk.ru) (ORCID: 0000-0003-4675-3625)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-254-262

EDN: NOCFHI

Научная статья / Research article

Манипулятивный потенциал массовой культуры как инструмента политического воздействия

С.И. Белов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская
Федерация*

*Институт общественной информации по общественным наукам Российской академии
наук, Москва, Российская Федерация*

✉ belov2006s@yandex.ru

Аннотация. В рамках представленного исследования рассмотрен вопрос о манипулятивном потенциале массовой культуры как инструмента политического воздействия на ценностные ориентации, мировоззрение и поведение широких масс. Методология работы выстроена на основе комбинации элементов сравнительного, структурного и дескриптивного анализа. Автор приходит к выводу, что продукция популярной культуры, даже при наличии у ее создателей чисто коммерческих мотивов, играет роль инструмента продвижения смыслов, ценностных ориентаций и моделей мировоззрения. Последнее превращает ее в ресурс регуляции поведения и восприятия целевой аудитории. Последнее превращает массовую культуру в продукт функционирования ориентационного уровня политической системы. Наличие у произведений популярной культуры потенциала к выработке эффекта эмоционального заражения способствует тому, что воздействие транслируемого контента приобретает максимально широкий характер. Высокая степень зависимости содержания культурных нарративов от конъюнктуры контекста и наличие возможности свободного комментирования способствует увеличению вариантов их интерпретации. Результатом становится утрата авторами и заказчиками и произведений полного контроля над распространением транслируемых смыслов и их истолкованием.

Ключевые слова: массовая культура, потенциал, ценности, ориентация, манипуляции, политическое воздействие, символы

Благодарности: Проект № 123091200054–7 реализован в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

© Белов С.И., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Белов С.И. Манипулятивный потенциал массовой культуры как инструмента политического воздействия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 254–262. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-254-262>

The Manipulative Potential of Mass Culture as a Tool for the Political Influence

Sergey I. Belov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

*Science Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

✉ belov2006s@yandex.ru

Abstract. Within the framework of the presented research, the question of the manipulative potential of mass culture as a tool of political influence is raised. The methodology of the work is built based on a combination of elements of comparative, structural and descriptive analysis. The author concludes that popular culture products, even if their creators have purely commercial motives, play the role of a tool for promoting meanings and values and, due to this, are a resource for regulating the behavior and perception of the target audience. The latter turns mass culture into a product of the functioning of the orientational level of the political system. The potential of works of popular culture to develop the effect of emotional contagion contributes to the fact that the impact of broadcast content becomes as wide as possible. The high degree of dependence of the content of cultural narratives on the context and the possibility of free commentary contributes to an increase in the options for their interpretation. The result is the loss by authors and customers of works of full control over the dissemination of transmitted meanings and their interpretation.

Keywords: mass culture, potential, values, orientation, manipulation, political influence, symbols

Acknowledgements: Project No. 123091200054–7 was implemented at the Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences based on the results of the selection of scientific projects supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

For citation: Belov, S.I. (2024). The manipulative potential of mass culture as a tool for the political influence. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 254–262. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-254-262>

Введение

Современная массовая культура традиционно рассматривается исследователями в первую очередь в контексте коммерциализации развлекательного контента [Елистратов 2012: 178; Kaschuba 2018: 170; Kidd 2018: 71] Последнее вполне закономерно, поскольку базовая функция популярной культуры предусматривает распространение товаров и услуг на возмездной основе. Последнее является ее сущностной функцией. Естественным следствием этого становится

восприятие массовой культуры преимущественно в ключе деполитизации. Ее воздействие на сферу политического зачастую ограничивают эксплуатацией поддержки со стороны лидеров общественного мнения, относящихся к категории «селебрити», т.е. условных знаменитостей. При этом основная масса целевой аудитории того или иного направления в массовой культуре зачастую не рассматривает условных «звезд» в качестве авторитетов в общественно-политических вопросах (наглядным примером чего может служить реакция пользователей на клипы исполнителей Т.И. Юнусова и А.С. Долматова «Москва» и А.М. Кондратьевой «Малыш»), что служит дополнительным аргументом в пользу исключения массовой культуры из перечня предметов, изучение которых обладает потенциально высокой ценностью для политологии.

Также следует отметить, что на академическом уровне включенность массовой культуры в политический процесс в настоящее время рассматривается преимущественно в контексте констатации факта имплементации демонизированных, дегуманизированных или глорифицированных образом реальных акторов [Белянцев, Герштейн 2010; Верч 2019; Рябов 2023; Юдин 2021; Donovan 2010; Furman, Musgrave 2017; Lawler, Smith 2021].

Однако соответствующие позиции обоснованы лишь отчасти и во многом предполагают вульгаризацию популярной культуры как социального явления.

Целью исследования является определение манипулятивного потенциала массовой культуры как инструмента политического воздействия.

Методология работы основывается на сочетании элементов сравнительного, структурного и дескриптивного анализа.

Роль массовой культуры внутри политической системы

Массовая культура в обязательном порядке включает в себя комплекс эстетических решений и коммуникативных практик, что предполагает необходимость выстраивания разнообразных образов, воспроизводство которых, как было доказано, относится к числу ключевых функций политической системы. Последнее обусловлено тем, что именно репродукция образов обеспечивает сохранение прочности социальных связей. Регулярная ретрансляция устойчивого набора образов обеспечивает преемственность поколений за счет восприятия системы базовых смыслов и ценностей и выстраивающихся на их основе моделей социального поведения и восприятия [Парсонс 1997]. Как отмечал Д. Истон, продвигаемые посредством образов ценности и поведенческие шаблоны при этом выступают в качестве инструмента регуляции, поскольку наличие механизмов общественного и одобрения, и осуждения придает им обязательный характер даже в случае отсутствия формализованных запретов и репрессивных институтов [Истон 2015].

Представители политико-культурного подхода (в том числе — Д. Дивайн, С. Верба, М. Дюверже) также отмечали, что комплекс ценностных представлений, доминирующих в обществе, вырабатывается за счет эксплуатации ресурсов ориентационного уровня политической системы. Структура последней,

что важно подчеркнуть, включает в себя, помимо когнитивного, еще и аффективный и ценностный компоненты, функция которых сводится к модерации общественного сознания при помощи экспрессивной символики. При этом такого рода потенциал воздействия наиболее полно реализуется в случае продвижения соответствующих образов: знаковые в ненавязчивой форме, в рамках косвенных форм политической рекламы, в том числе развлекательного формата. Это предполагает возможность и даже необходимость использования для продвижения образов, смыслов и ценностей индустрии развлечений [Алмонд, Верба 2010; Дюверже 2011; Devine 2013]. Примером использования данного подхода может являться, например, украинский сериал «Слуга народа», фактически позволивший И.В. Коломойскому и В.А. Зеленскому развернуть регулярную предвыборную агитацию задолго до официального старта президентской кампании.

Также следует отметить, что продукция массовой культуры может оказывать корректирующее влияние на политическое восприятие и поведение людей даже в случае, когда государство или иные политические акторы не предпринимают целенаправленных усилий в данном направлении. Последнее обусловлено тем, что экспрессивная символика зачастую представляет собой вторичный продукт, формируемый под влиянием господствующей в обществе системы ценностей и выстроенной на ее основе модели макросоциальной идентичности. Достижение соответствующего эффекта обеспечивает механизм эмоционального заражения [Шюц 2004; Бергер, Лукман 1995]. В качестве примеров такого «продвижения вторичных образов» можно привести кинокартины «Рэмбо: Первая кровь 2» или «Рокки IV».

На основании этого мы можем утверждать, что продукция массовой культуры, даже при наличии у ее создателей чисто коммерческих мотивов, является инструментом продвижения смыслов и ценностей, которые выступают в качестве инструмента регуляции поведения и восприятия целевой аудитории, что превращает массовую культуру в продукт функционирования ориентационного уровня политической системы.

Данную позицию подтверждают исследования в области семиотики. Как отмечал Ю.М. Лотман, любой культурный нарратив прямо или опосредованно в определенном контексте играет роль инструмента символической власти. Последнее обусловлено наличием у произведений функции продвижения смыслов и ценностей при помощи определенных знаков-символов, играющих роль носителя соответствующей информации в «закодированной форме». Благодаря этому культурные нарративы могут в предельно сжатой форме транслировать массовой аудитории объемную и сложную систему ценностных установок. При этом продуманное использование данного ресурса может вызвать при соблюдении необходимых условий заранее заданную реакцию (например, резко повысить численность желающих служить в определенном роде войск, получить ту или иную профессию, заниматься конкретным видом спорта), за счет чего культурный нарратив выступает в качестве инструмента манипуляции поведением и восприятием представителей целевой аудитории. Масштабы этого

воздействия могут предполагать даже трансформацию господствующей системы смыслов и ценностей либо ее замену [Лотман 1973: 8].

Указанная позиция во многом совпадает и с точкой зрения У. Эко, который рассматривал большинство произведений популярной культуры как одну из форм проявления гибридных семиотических языков. Это предполагало, что одно произведение сочетает в себе несколько знаковых систем, независимых и равноправных по отношению к друг другу [Эко 1985: 82].

Условия эффективного использования произведений массовой культуры в рамках воздействия на массовое поведение, мировоззрение и ценностные ориентации

В то же время необходимо признать, что потенциал использования произведений массовой культуры в качестве инструмента манипулирования поведением, ценностными ориентациями и мировоззрением масс не следует переоценивать. Существуют объективные барьеры, ограничивающие их эффективность в данном плане.

В первую очередь необходимо отметить высокую зависимость восприятия аудитории от динамики социокультурного контекста. Процессы, протекающие в рамках конкретной общественной среды, могут в стихийном порядке актуализировать содержание представленных в произведении символов, в том числе — помимо воли создателей соответствующего нарратива. Наполнение символа в данном случае приводится в соответствие с меняющейся системой ценностей общества, содержание которой так или иначе детерминировано развитием экономики, технологической среды, структурной трансформации социума и рядом иных макрофакторов. Трансформация внешней среды влечет за собой изменение представлений о нормах поведения и границах допустимого отклонения от их рамок. На практике актуализация символов обеспечивается путем расширения контекста, в рамках которого осуществляется интерпретация того или иного символа. К соответствующему нарративу добавляются новые комментарии, за счет которых ранее сформированные ценностно-смысловые конструкции адаптируются к новым реалиям жизни социума. Последнее во многом обуславливает двойственность природы символа-знака: он является одновременно и искусственно сконструированным инструментом манипуляции, и продуктом стихийной деятельности последнего [Лотман 1992: 201].

Наиболее ярко актуализация символов проявляется в ходе процесса модернизации: урбанизация, индустриализация и секуляризация в сочетании с повсеместным распространением образования радикально меняют модели восприятия и поведения широких масс, что влечет за собой отказ от старых символов либо их актуализацию через реконструкцию.

Примером актуализации может служить, например, ревизия в массовой культуре образов Жанны д'Арк и Ивана Сусанина. Из структуры их репрезентации в XX в. были удалены такие ценности, как лояльность монархии и конкретной династии (данный элемент был заменен национальным патриотизмом).

Равным образом в период Нового времени испанские деятели культуры удаляли (либо ретушировали) из нарратива о биографии Эль Сиды упоминания о службе мусульманским правителям, конструируя образ национального героя. А уже в XXI в. в него начали интегрировать ранее удаленные элементы, конструируя образ Эль Сиды как героя обновленной мультикультурной Испании. Равным образом в постсоветской России образы наиболее популярных героев периода существования СССР последовательно дистанцировали от элементов, демонстрирующих лояльность коммунистической идеологии.

Использование символического потенциала массовой культуры в качестве инструмента политического манипулирования также ограничивает отсутствие прямой конвертации популярности определенного символа в авторитет его создателя как лидера общественного мнения в рамках интерпретации общественно-политической повестки. Действие данного эффекта, как правило, усиливает воздействие такого фактора, как зависимость создателей культурного нарратива от поддержки целевой аудитории. Примером игнорирования этих ограничений может служить попытка властей Москвы привлечь известных музыкальных исполнителей Т.И. Юнусова и А.С. Долматова к продвижению позитивного образа С.С. Собянина. Созданный с данной целью видеоклип на песню «Москва» в итоге пришлось удалить из-за аномально высокого количества негативных реакций пользователей, а А.С. Долматов даже публично принес извинения своим поклонникам¹. Использование лидеров общественного мнения, связанных со сферой массовой культуры, дает, как правило, позитивный эффект при соблюдении как минимум трех условий: 1) соответствующий деятель массовой культуры ранее неоднократно выражал свою позицию по различным сюжетам, относящимся к общественно-политической тематике, в том числе — в художественной форме; 2) озвученная позиция коррелирует с настроениями широкой аудитории; 3) отсутствию у спикера существенного антиобраза (последнее, важно подчеркнуть, не препятствует обеспечению популярности и коммерческой успешности селебрити, но блокирует их потенциал как акторов политической рекламы).

Примером успешного продвижения политического месседжа, а также связанных с ним символов в формате массовой культуры может служить творчество блогера Е.В. Баженова. Последний известен в первую очередь благодаря обзорам на кинопроизведения. Отличительной особенностью его творчества является активное использование экспрессивной символики в развлекательной форме, регулярное обращение к общественно-политической тематике, сочетание элементов убеждения (рациональной аргументации) с эмоциональным заражением и высокая степень популизма (под данным термином мы подразумеваем ориентацию на выражение в артикулированной форме настроений целевой аудитории)².

¹ Тимати удалил возненавиденный всеми клип про Москву. URL: [https://lenta.ru/news/2019/09/10/vkorzinu/?ysclid=lpj6d28sc332145692](https://lenta.ru/news/2019/09/10/vkorzину/?ysclid=lpj6d28sc332145692); Гуф обвинил Тимати в подставе из-за клипа про Москву и зарекся с ним работать (дата обращения: 21.10.2023). <https://lenta.ru/news/2019/09/10/moscowguf/?ysclid=lpj7xwzva870617540> (дата обращения: 21.10.2023).

² [BadComedian] — В бой идут одни экстрасенсы (Ильин и Мединский против нацистов).

Заключение

В целом следует отметить, что наличие в структуре парадигмы массовой культуры экспрессивной символики в априорном порядке превращает ее в ресурс продвижения смыслов и ценностей, преобразуя даже изначально чисто коммерческие произведения в инструмент регуляции поведения и восприятия целевой аудиторией новых смыслов и установок. Наличие у произведений массовой культуры потенциала к генерации эффекта трансляции и усиления эмоционально насыщенного месседжа в рамках совместного восприятия контента способствует тому, что воздействие транслируемых месседжей приобретает максимально широкий характер. В то же время высокая степень зависимости содержания культурных нарративов от динамики контекста способствует увеличению вариантов их интерпретации. Следствием этого является утрата авторами и бенефициарами произведений полного контроля над распространением транслируемых смыслов. Таким образом, существенно возрастает роль элемента ретрансляции политического месседжа. Также следует отметить, что продвижение политических нарративов посредством массовой культуры в косвенном формате гораздо эффективнее прямого использования соответствующего ресурса. Последнее затрагивает в том числе проблему эксплуатации авторитета создателей популярного контента. Это касается не только открытой декларации поддержки или неприятия, но и попыток осуществить их в художественной форме. Использование данного ресурса предполагает, что соответствующие лидеры общественного мнения должны являться для целевой аудитории авторитетными спикерами именно в вопросах политики. У них также должен отсутствовать значимый антиобраз, а транслируемый ими месседж должен соответствовать ожиданиям и настроениям целевой аудитории. Игнорирование этих условий способно обеспечить эффект, обратный ожидаемому.

Поступила в редакцию / Received: 10.10.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 22.11.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2024

Библиографический список

- Алмонд Г.А., Верба С.* Гражданская культура (Подход к изучению политической культуры) // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2010. № 2 (57). С. 122–144.
- Белянцев А.Е., Герштейн И.З.* Образ страны через компьютерную игру: историко-политический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 6. С. 279–283.
- Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995.

<https://www.youtube.com/watch?v=S-xjudFxxgBU> (дата обращения: 21.10.2023).

- Верч Т. Нескончаемая война с отголосками и призраками: коллективная память, национальная идентичность и новый фронт американских фильмов и видеогр // Историческая экспертиза. 2019. № 4 (21). С. 25–41.
- Володенков С.В., Федорченко С.Н. Цифровые стигматы как инструмент манипуляции массовым сознанием в условиях современного государства и общества // Социологические исследования. 2018. № 11 (415). С. 117–123.
- Дюверже М. Политические институты и конституционное право // Социология власти. 2011. № 5. С. 206–217.
- Елистратов В. Массовая культура: жрецы, певцы и бренды // Нева. 2012. № 2. С. 177–184.
- Истон Д. Подход к анализу политических систем // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки, 2015. № 5. С. 17–37.
- Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Избранные статьи / Ю.М. Лотман. Таллин, 1992. С. 200–202.
- Лотман Ю.М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллин: Ээсти Раамат, 1973.
- Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект-Пресс, 1997.
- Рябов О.В. Кинообразы врага в легитимации власти // «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода холодной войны. Москва, 2023. С. 162–197.
- Сибрук Дж. Nobrow® Культура маркетинга. Маркетинг культуры. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012.
- Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М.: РОССПЭН, 2004.
- Эко У. О членениях кинематографического кода // Стрoение фильма. Некоторые проблемы анализа произведений экрана. М.: Радуга, 1985. С. 79–101.
- Юдин К.А. Аккорды «холодной войны»: музыка как ресурс для репрезентации «образа другого» в англо-американском кинематографе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 353–358. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-353-358>
- Devine D. J. *America's Way Back: Freedom, Tradition, Constitution*. Wilmington: ISI Books, 2013.
- Donovan T. *Replay: The History of Video Games*. East Sussex, England: Yellow Ant, 2010.
- Furman D., Musgrave P. *Synthetic Experiences: How Popular Culture Matters for Images of International Relations* // *International Studies Quarterly*, 2017. No. 61. P. 503–516.
- Lawler J., Smith S. *Reprogramming the History of Video Games: A Historian's Approach to Video Games and Their History* // *International Public History*. 2021. No. 1. P. 47–54.
- Kaschuba W. *Popular culture and workers' culture as symbolic orders: Comments on the debate about the history of culture and everyday life* // *The history of everyday life*. Princeton University Press, 2018. P. 169–197.
- Kidd D. *Pop culture freaks: Identity, mass media, and society*. New York: Routledge, 2018.

References

- Almond, G.A., & Verba, S. (2010). Civic Culture (An Approach to the Study of Political Culture). *Journal of political philosophy and sociology of politics "Polity. Analysis. Chronicle. Forecast"*, 2(57), pp. 122–144 (In Russian).
- Belyantsev, A.E., & Gershtein, I.Z. (2010). The image of the country through a computer game: historical and political aspect. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky*, 6, 279–283. (In Russian).
- Berger, P., & Luckman, T. (1995). *The Social Construction of Reality. Treatise on the sociology of knowledge*. Moscow: Medium (In Russian).
- Devine, D.J. (2013). *America's Way Back: Freedom, Tradition, Constitution*. Wilmington: ISI Books.

- Donovan, T. (2010). *Replay: The History of Video Games*. East Sussex, England: Yellow Ant.
- Duverger, M. (2011). Political institutions and constitutional law. *Sociology of power*, 5, 206–217 (In Russian).
- Easton, D. (2015). An approach to the analysis of political systems. *Bulletin of Moscow University. Series 12: Political Sciences*, 5, 17–37 (In Russian).
- Eco, U. (1985). On the divisions of the cinematic code. *The structure of the film. Some problems in the analysis of screen works* (pp. 79–101). Moscow: Raduga. (In Russian).
- Furman, D., & Musgrave, P. (2017). Synthetic experiences: How popular culture matters for images of international relations. *International Studies Quarterly*, 61, 503–516.
- Lawler, J., & Smith, S. (2021). Reprogramming the history of video games: A historian's approach to video games and their history. *International Public History*, 1, 47–54.
- Lotman, Yu.M. (1992). Memory in cultural studies. In Yu.M. Lotman, *Selected essays*. (pp. 200–202). Tallin. (In Russian).
- Lotman, Yu.M. (1973). *Semiotics of cinema and problems of film aesthetics*. Tallin: Eesti Raamat. (In Russian).
- Parsons, T. (1997). *The System of Modern Societies*. Moscow: Aspect-Press (In Russian).
- Ryabov, O.V. (2023). Film images of the enemy in the legitimation of power. In “*Enemy number one*” in the symbolic politics of cinematography of the USSR and the USA during the Cold War (pp. 162–197). Moscow. (In Russian).
- Schütz, A. (2004). *Favorites: A world glowing with meaning*. Moscow: ROSSPEN (In Russian).
- Wertsch, T. (2019). The endless war with echoes and ghosts: Collective memory, national identity, and the new frontier of american films and video games. *Historical Expertise*, 4(21), 25–41. (In Russian).
- Yudin, K.A. (2021). Chords of the Cold War: Music as a resource for representing the “image of the other” in Anglo-American cinema. *Izvestiya of Saratov University. History. International relations*, 21(3), 353–358. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-353-358>

Сведения об авторе:

Белов Сергей Игоревич — доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник отдела политической науки, Институт общественной информации по общественным наукам Российской академии наук (e-mail: Belov2006s@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-1464-040X)

About the author:

Sergey I. Belov — Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; Leading Researcher of Science Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (e-mail: Belov2006s@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-1464-040X)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-263-276
EDN: NMSUTM

Научная статья / Research article

Аксиологические основы российской государственности: свобода и правда в идейно-политическом дискурсе XI–XVII вв.

А.Б. Страхов^{1,2} , А.Р. Боронин²

¹Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва,
Российская Федерация

²Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

 falconian@yandex.ru

Аннотация. Понятия правды и свободы, будучи значимыми для современных российских граждан ценностными категориями, имеют глубокие исторические корни. Поэтому важно рассмотреть их историческое содержание и эволюцию. В связи с этим целью исследования является реконструкция смысла правды и свободы как ценностных категорий. Основные выводы статьи были сделаны в ходе изучения сочинений русских авторов XI–XVII вв. на основе поисковой базы Национального корпуса русского языка. В результате контент-анализа и сравнительного анализа были сделаны следующие выводы. Оба этих понятия, обладая, на первый взгляд, большим количеством разных смыслов, определяются в первую очередь православным христианским содержанием, что позволяет реконструировать их единое общеупотребимое определение. Концепт свободы в текстах XI–XVII вв. во многом напоминал свое современное употребление и был связан с политической независимостью государства или народа, однако в изрядной части документов встречалось понимание свободы как христианского дара, во многом напоминающего понимание благодати и спасения. Понятие свободы наполнялось христианским пониманием свободы от смерти, от греха и Божьего гнева, таким образом, определяя и необходимую практику осуществления самой свободы. Концепт правды, который в современной науке или редуцируется до узкого понимания как права или справедливости, или распадается на значительное количество автономных понятий, также определялся именно христианским содержанием. Несомненно, являясь атрибутом властных отношений, правда выводится из человеческого измерения, а ее носителем является не абстрактный или конкретный князь, не конкретный светский или духовный правитель, а Господь Бог. И частная жизнь, и государственное управление, подчиняясь требованиям правды, приводят к возникновению на земле Божественных установлений и спасению как отдельного человека, так и целого народа.

© Страхов А.Б., Боронин А.Р., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: свобода, правда, духовно-политические ценности, аксиологические основы, российская государственность

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта № FZNF-2022-0004 «Аксиологические основы российской государственности: история и современность» реализованного в ФГБОУ ВО «Государственный академический университет гуманитарных наук» по итогам отбора научных проектов, проведенных Министерством высшего образования и науки РФ и ЭИСИ.

Для цитирования: *Страхов А.Б., Боронин А.Р.* Аксиологические основы российской государственности: свобода и правда в идейно-политическом дискурсе XI–XVII вв. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 263–276. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-263-276>

Axiological foundations of Russian statehood: freedom and truth in the ideological and political discourse of the 11–17th centuries

Aleksandr B. Strakhov^{1,2} , Artyom R. Boronin²

¹*State Academic University for Humanities, Moscow, Russian Federation*

²*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

 falconian@yandex.ru

Abstract. The concepts of truth and freedom, being important value categories for modern Russian citizens, have deep historical roots. Therefore, it is important to consider their historical content and evolution. In this regard, the purpose of the article is to reconstruct the meaning of truth and freedom as value categories. The main conclusions of the article were made during the study of the works of Russian authors of the 11–17th centuries on the basis of the search database of the National Corpus of the Russian language. As a result of the content analysis and comparative analysis, the following conclusions were drawn. Both of these concepts, having, at first glance, a large number of different meanings, are determined primarily by the Orthodox Christian content, which makes it possible to reconstruct their unified commonly used definition. The concept of freedom in the texts of the 11–17th centuries in many ways resembled its modern usage and was associated with the political independence of the state or people, however, in a fair part of the documents there was an understanding of freedom as a Christian gift, in many ways resembling the understanding of grace and salvation. The concept of freedom was filled with the Christian understanding of freedom from death, from sin and God's wrath, thus defining the necessary practice of exercising freedom itself. The concept of truth, which in modern science is either reduced to a narrow understanding as law or justice, or breaks up into a significant number of autonomous concepts, was also determined precisely by the Christian content. Undoubtedly being an attribute of power relations, truth is deduced from the human dimension, and its bearer is not an abstract or specific prince, not a specific secular or spiritual ruler, but the Lord God. Both private life and public administration, obeying the demands of truth, lead to the establishment of Divine institutions on earth and the salvation of both an individual and an entire nation.

Keywords: freedom, truth, spiritual and political values, axiological foundations, Russian statehood

Acknowledgements: The reported study was funded by the research project no. FZNF-2022-0004 “Axiological Foundations of Russian Statehood: History and Modernity” implemented at the State Academic University of Humanities based on the results of the selection of scientific projects conducted by the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation and the EISR.

For citation: Strakhov, A.B., & Boronin, A.R. (2024). Axiological foundations of Russian statehood: Freedom and truth in the ideological and political discourse of the 11–17th centuries. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 263–276. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-263-276>

Введение

Определение и осмысление ценностных оснований российской государственности во всем ее многообразии давно находятся в фокусе внимания исследователей, а сегодня являются особенно актуальной научной задачей. Среди таких ценностей особое место занимают свобода и правда, поскольку на русской почве они приобретают свое специфическое содержание, что даже затрудняет их соответствующий перевод на иностранные языки.

Социологические опросы и исследования показывают, что ценности свободы и справедливости являются значимыми для российских граждан, в том числе молодых [Шестопал 2011; Петухов 2011; Евгеньева, Евгеньев 2023; Евгеньева, Селезнева, Скипин, Тулегенова 2023]. При этом и свобода, которую зачастую представляют исключительно либерально-демократической ценностью, и правда во взаимосвязи со справедливостью имеют глубокие исторические корни. В связи с этим возникает потребность их глубокого историко-политологического анализа, а именно — поиска ответов на вопросы о том, какое содержание ценности свободы и правды имели в прошлом, как изменилось их значение по сравнению с идейно-политическим дискурсом XI–XVII вв. и почему данные аксиологические категории сохраняют свою важность в современном обществе.

В политической науке категории правды и свободы изучаются либо в структуре партийно-идеологического дискурса, либо в массовом сознании граждан. Однако эти исследовательские ракурсы ограничены тем, что в них ведется речь о современном понимании указанных ценностей. Тогда как в контексте решения государственной задачи по укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей, поставленной в Указе Президента № 809 от 09.11.2022, необходимо опираться на традиционные толкования рассматриваемых категорий, результаты анализа которых представлены в данной статье.

Теоретико-методологические основания исследования

Настоящее исследование выполнено в рамках консервативно-традиционалистской методологии, которая позволяет преодолеть односторонность и иные ограничения либерального понимания отечественного исторического процесса и отразить в большей полноте панораму интеллектуального

развития российской цивилизации [Перевезенцев, Пучнина, Страхов, Шакирова 2021b]. Категории правды и свободы в исследовании обозначаются в качестве российских базисных традиционных ценностей, а под ними понимаются «ценности, выработанные в результате многовекового исторического и духовно-политического развития российского народа в сложившихся природно-климатических, географических, конкретно-исторических, духовно-нравственных и социальнополитических условиях, и являющиеся неременным фактором формирования общенациональной и политической идентичности народа» [Перевезенцев и др. 2021b: 122–123]. С помощью поисковой базы Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ)¹ было исследовано более 200 текстов XI–XVII вв., на основе чего с помощью историко-политического и политико-текстологического методов были реконструированы основные смыслы категорий правды и свободы. Статья продолжает серию работ, представляющих материалы большого научного исследования аксиологических оснований российской государственности [Перевезенцев и др. 2021a; Перевезенцев и др. 2021c; Перевезенцев 2021; Перевезенцев, Сорокопудова 2022; Перевезенцев, Ананьев 2023; Сорокопудова, Миронов 2023].

«О свободе христианстей крепце мужестве подвизаяся»: духовно-политическое содержание ценности свободы

В результате исследования было выяснено, что концепт свободы в большинстве случаев был связан с политической независимостью государства или народа, то есть в этом отношении приближался к современному пониманию. Как будет показано ниже, в то же время у свободы имелись и другие оттенки, которые со временем исчезли совершенно или же стали менее заметными. Однако в текстах исследуемого периода существовали значения концепта свободы, которые пусть и происходили от изначального слова, но получили крайне самостоятельное применение. Так, свобода нередко могла означать привилегию (например, в Новгородской первой летописи старшего извода по синодальному списку пишется: «Приде князь Михаил из Чернигова в Новгород... и вда свободу смердам на 5 лет дании не платити...»²) или разрешение (в «Путешествии стольника П.А. Толстого по Европе 1697–1699» можно встретить: «...а осмотря тот кавалер моих проезжих листов, дал мне свободу итти с фильги в город Мисину...»³). Из этого же значения концепта свободы как некоторой льготы происходит слово «слобода», которое в древнерусских источниках писалось именно как «свобода», то есть территория с населением, имеющим определенную привилегию.

Если же рассуждать о свободе в пределах ее привычных интерпретаций, то представляется интересным посмотреть на значение свободы, связанное

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12.11.2022).

² Новгородская первая летопись старшего извода // Полное собрание русских летописей. Т. 3. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950. С. 274.

³ Путешествие стольника П.А. Толстого по Европе: 1697–1699. М.: Наука, 1992. С. 150.

с избавлением (освобождением) от чего-либо. В XI–XVII вв. такое избавление чаще всего было представлено в трех смыслах: христианская свобода от греха (группа, включающая свободу от гнева Божьего, греха и смерти), свобода от бедствий (группа, включающая болезни, войны, плен, притеснения и т.д.) и свобода от обязанностей (группа, в которой подразумевается свобода от дел, налогов и личная свобода в качестве социального положения). При этом если вторая и третья группы являются достаточно разнородными в своем составе, так как при их составлении все употребления сводились к некоей общей категории в виде «бедствий» или «обязанностей», то для первой группы общая категория не потребовалась. Это объясняется тем, что все указанные значения «христианской свободы» крайне взаимосвязаны и отчасти взаимозаменяемы, что может говорить о существовании устоявшегося содержания за концептом «христианской свободы». Также на это может указывать то, что группа «христианской свободы» по объему примерно равна оставшимся двум группам по отдельности, а также достаточно слабо сводится к какой-либо из них. Таким образом, около трети всех употреблений в древнерусских источниках занимает именно «христианская свобода», что, возможно, помогает лучше понять взаимосвязь между политической свободой (независимостью) и свободой от греха, на которую указывали авторы времен ордынского ига и эпохи Смуты.

Сам концепт «христианской свободы» часто употребляется в значении освобождения от «горькой работы тления», то есть освобождения от смерти через спасение и жизнь вечную, что навеяно словами из Послания апостола Павла к римлянам: «...Что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих» (Рим. 8:21). Именно в такой форме понимается свобода в Послании о неблагоприятных днях и часах старца Филофея (где имеется ссылка на послание апостола Павла к римлянам)⁴, Домострое⁵ (где свобода — это прощение грехов), Изборнике 1076-го г. (где говорится о свободе от греха)⁶, Повести о приходе Стефана Батория на град Псков⁷, Сказании Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря⁸. В двух последних текстах почти дословно повторяется предложение: «Кая бо полза человеку возлюбити тму паче света и преложити лжу на истину и честь на безчестие, и свободу на горкую работу?», то есть свобода противопоставляется «горькой работе», рабству, но едва ли в тексте подразумевается утрата политической независимости, так как рассуждение о свободе находится в контексте

⁴ Послание о неблагоприятных днях и часах // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); под. ред. Д.С. Лихачева и др. Т. 9: Конец XV — первая половина XVI века. СПб.: Наука, 2000. С. 295.

⁵ Домострой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2000. Т. 10: XVI век. С. 116–215.

⁶ Из Изборника 1076 г. // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 2: XI–XII века. СПб.: Наука, 1999. С. 481.

⁷ Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 13: XVI век. СПб.: Наука, 2005. С. 588.

⁸ Сказание Авраамия Палицына об осаде Троице-Сергиева монастыря // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 14: Конец XVI — начало XVII века. СПб.: Наука, 2006. С. 254.

противопоставления христианства и его предательства (в данном случае приводится отрывок ответа русских войск на предложение сдать город иноверцам), а сама свобода находится в одном ряду со светом и истиной, которые соответственно противопоставляются тьме и неправде, отчего «несвобода», по всей видимости, пугает авторов не столько утратой независимости, сколько грехом и, а потому гибелью души. Мысль освобождения от смерти в несколько ином виде звучит в «Хождении Богородицы по мукам», где от лица Бога говорится: «...И вознесохся на крест, да свобожу ся от работы и от первыя клятвы»⁹. Под «первой клятвой» здесь подразумевается проклятие неотвратимости смерти, произнесенное при изгнании из Эдема, но, так как Бог «создал человека для нетления и сделал его образом вечного бытия Своего» (Прем. 2:23), такое состояние в христианском сознании не могло восприниматься естественным, отчего смерть представлялась заточением и искажением изначального замысла (отчасти такое восприятие возвращения утраченной свободы отображают строки из Послания Климента Смолятича: «И уже не теснится в Законе человечество, но в Благодати пространно ходит»¹⁰), а вечная жизнь — освобождением и истиной. Важным здесь является то, что такие смыслы у данного концепта проявились достаточно рано: в «Памяти и похвале князю русскому Владимиру» при описании Крещения Руси говорится, что князь «...и весь дом свой святым крещением просвети, и свободи всяку душу, мужеск пол и женеск, святого ради крещения»¹¹, отчего весь русский народ получил подобную «христианскую свободу».

В то же время существовали и совершенно оригинальные использования слова «свобода», когда под свободой понималось «стремление, пожелание, веление». Так, в Летописце начала царства имеются строки: «...И тмочисленное множество христьянского плена... от поганых рук с радостью возвращахуся во свояси, никимже возбраняеми, но Божьею милостью и государською свободою и вашим мужеством и храбростью»¹² [Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича 1965: 75]. Однако следует сказать, что в этом случае концепт свободы также может означать «способность», что, впрочем, видится менее вероятным, так как Божьей воли и одной только «способности» монарха для освобождения христиан представляется недостаточным — «способность» не означает желания монарха к подобным свершениям, а указывает только на потенциал.

Другое уникальное применение этого слова в выражении «дать в свободу» в духовной грамоте у Антония Римлянина: «А се поручаю Богу

⁹ Хождение Богородицы по мукам // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 3: XI–XII века. СПб.: Наука, 1999. С. 320.

¹⁰ Послание Климента Смолятича // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); под. ред. Д.С. Лихачева и др. Т. 4: XII век. СПб.: Наука, 1997. С. 128.

¹¹ Память и похвала князю русскому Владимиру // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII век. СПб.: Наука, 1997. С. 318.

¹² Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича // Полное собрание русских летописей. Т. 29. 1-е изд. М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1965. С. 75.

и Святей Богородицы и крестьяном, и даю в свободу, и се поручаю место се на игуменство»¹³. По всей видимости, под свободой здесь понимается некоторое отречение, сложение обязанностей, отчего свобода от одного распорядителя не означает свободы от другого, но, наоборот, предполагает переход от одного управляющего к другому, то есть от одной «несвободы» к другой.

Таким образом, если отсечь подобные аномальные трактовки свободы, употребленные лишь у единичных авторов и в ряде случаев сводимые к более общим категориям «освобождения» и «возможности», то получится следующая картина: концепт свободы в текстах XI–XVII вв. нередко напоминал свое современное употребление, однако в изрядной части документов встречалось понимание свободы как христианского дара, во многом напоминающего понимание благодати и спасения. Почти треть всех употреблений в проанализированных текстах была связана именно с христианской свободой от смерти, что, впрочем, также означало свободу от греха и Божьего гнева. Подобная связь значений внутри «христианской свободы» в совокупности с высокой частотой употребления и достаточной древностью (появления имеются уже в XI в.) позволяет говорить о сформированности и укорененности подобных коннотаций в отношении концепта свободы, происхождение которых прямым образом связано с текстом Ветхого и Нового Завета.

«Бог на правду зрит»: духовно-политическое содержание ценности правды

Другой ценностью, определявшей политическое поведение и политическую культуру допетровской России, была правда. Правда — одно из самых сложных понятий русской культуры, давно попавшее в поле зрения исследователей [Черников¹⁴; «Правда» 2011 и др.] и нашедшее отражение в большом количестве текстов. Так, поисковая база НКРЯ только за период 1401–1700 гг. содержит 519 текстов с употреблением слова «правда», не считая однокоренных. Анализ данных текстов показал, что это понятие вбирает в себя целый комплекс других, однако также дал возможность к реконструкции единого определения термина. Примечательно, что он всегда имеет конкретное содержание и фактически не употребляется в отвлеченном художественном смысле.

Современные словари указывают, что под правдой в первую очередь понималась справедливость [Савельев 2012: 640]. А.М. Селищев в своем словаре дал более широкую трактовку — под правдой понимается не только справедливость, но и право [Селищев 1952: 43]. Однако и это определение не может претендовать на то, чтобы раскрыть весь спектр смыслов, которые вкладывали в него

¹³ Духовная грамота Антония Римлянина // Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л.: Академия наук СССР, 1949. С. 160.

¹⁴ Черников М.В. Философия Правды в русской культуре: дис. ... д. филос. н. Воронеж: ВГУ, 2002.

до XVIII столетия. Авторы «Словаря русского языка XI–XVII вв.» предлагают семнадцать определений правды¹⁵.

Тем не менее представляется, что правда в допетровской мысли выступала как единое понятие. Например, в «Домострое», памятнике первой половины XVI в., правда выступает и как справедливость¹⁶, и как радение в службе¹⁷, и как суд, включая и домашний¹⁸, и как невиновность¹⁹. Разумеется, правда обозначала и просто истину, реальное отражение действительности. В связи с этим видится, что правда одинаково выражает все эти и множество других смыслов, но при этом объединяет, интегрирует их в некоторый духовно-политический комплекс.

Не вызывает сомнения формально-правовое содержание правды, уже хорошо и подробно рассмотренное исследователями²⁰. Первый письменный свод законов на Руси так и назывался — Русская правда. Однако само слово «правда» является частью установленных юридических формулировок. Так, в жалованных грамотах XV–XVI вв., в которых правители или другие светские собственники жаловали монастырям имения, встречается одна и та же фраза, разделяющая компетенции духовного лица и светского управляющего: «А прав ли будет, виноват ли игуменов монастырской человек, ино в правде и в вине игумену, а волостели нерехотские и их тиуни в монастырского человека не вступают»²¹. Здесь правда однозначно выступает как невиновность, при этом невиновность устанавливается или княжеским чиновником, или священнослужителем, хотя сама по себе она присуща конкретному человеку.

Примечательно еще одно определение правды, присущей более XVII в., которое можно было бы выразить как досудебное мирное соглашение,

¹⁵ Словарь русского языка XI–XVII вв. Выпуск 18 (Потка–Преначальный). М.: Наука, 1992. 288 с. С. 96–99.

¹⁶ Домострой // Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2000. Т. 10: XVI век. С. 116.

¹⁷ Там же. С. 122.

¹⁸ Там же. С. 162.

¹⁹ Там же. С. 166.

²⁰ См., напр.: *Уткин Г.Н.* Идея правды в отечественной правовой мысли: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2008. 150 с.; *Ячменев Ю.В.* Генезис философии права в России: IX — начало XX в.: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2002. 449 с.; *Яшин А.Н.* Философия русского правосудия: генезис и эволюция идей (IX–XIX вв.): дис. ... д-ра филос. наук. 09.00.03. Мытищи, 2019. 403 с.

²¹ Жалованная несудимая и льготная грамота в. кнг. Софии Витовтовны Тр.-Сергиева м-ря иг. Зиновию на пуст. Федоровскую и сц. Юринское, в Нерехот. вол. Костром. у // Акты социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 1 / отв. ред. акад. Б.Д. Греков. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 101. Аналогично см.: Жалованная грамота, тарханно-несудимая, оброчная и льготная, кн. Василия Ярославича митрополиту Ионе на селе Аксиньинское и Грибаново, в Звенигородском у. // Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 92–93; Жалованная грамота, тарханно-несудимая и с другими привилегиями, в. кн. Ивана Васильевича митрополиту Геронтию на владения церкви в Уноражи, в Ликуржской волости, Костромского у. // Там же. С. 215–216.

примирение сторон: «И ныне мы сироты ваши сыскавъ, межъ себя правду, помирились» (сентябрь 1686 г.)²²; «я сирота ваша Офимьица, договорясь съ нимъ Гришкою, сыскавъ межъ себя въ сердцахъ прав [ду], до вершения того судного дела помирились» (7 ноября 1686 г.)²³. Правда уже не предстает невинностью, ведь одна из сторон действительно может быть виновной, но важно, что правда выступает точкой примирения, некой синергией, внутренним «сердечным» признаком. В христианской же традиции сердце есть орган Божественного чувства: «любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым» (Рим. 5:5), то есть правда совмещается с Божественным установлением.

Правдой называли также клятву, присягу, причем как сам документ, так и соблюдение его условий. Например, царь Иван IV Васильевич в 1570 г. так писал английской королеве Елизавете I про переговоры с послом Энтони Дженкинсоном: «Мы, чаючи того, что он у тебя в жалованье, его есмь привели х правде»²⁴. Соблюдение правды-присяги является юридическим основанием для требования покорности царю: «И предъ дворяниномъ нашимъ предъ Иваномъ Кондыревымъ намъ, великому государю, ты, Иштерекъ князь, з братьею, и з детьми, и съ племянники, и съ лутчими улусными людьми правду давали, на куране шерть учинили на томъ, что быти вамъ подъ нашею царскою высокою рукою на веки неотступнымъ» (18 марта 1614 г.)²⁵. Примечательно, что ровно через 26 лет по тому же поводу — верности ногайцев русскому царю — царь Михаил Федорович пишет казакам другую грамоту, предлагая те же два синонима присяги, что и ранее: «они, помня къ себе наше царское жалованье и свою прежнюю правду и шерть, были подъ нашею царскою высокою рукою по-прежнему»²⁶. Шерть — это специфический вид присяги, которую русским правителям давали кочевые народы, чаще мусульманские, однако независимо от религии «правду» давали все.

Раскрыть внеконфессиональное содержание правды помогут более ранние авторы, которые выстраивали особую ее социально-политическую концепцию. Федор Иванович Карпов (ок. 1475/80 — не ранее 1539), один из образованнейших людей первой половины XVI в., в своем послании

²² Мировая запись между крестьянами деревни Комаровой // Кунгурские акты XVII века (1668–1699 г.). СПб., 1888. С. 65.

²³ По жалобе стрелецкой жены на крестьянина об оскорблении чести ее непотребными словами и действиями // Кунгурские акты XVII века (1668–1699 г.). СПб., 1888. С. 114.

²⁴ Иван Грозный. Послание английской королеве Елизавете I // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 11: XVI век. СПб.: Наука, 2001.

²⁵ Царская грамота нагайскому князю Иштереку о посылке ему жалованья с дворянином Иваном Кондыревым // Русская историческая библиотека. Т. XVIII. Донские дела. Кн. 1. СПб., 1898. Стлб. 86–87.

²⁶ Царская грамота донским казакам с похвалою за переход нагайских мурз в холопство государя и с увещанием перезывать остальных нагайских мурз и продолжать свою службу, охраняя украинны от набегов крымцев, турок и нагайцев // Русская историческая библиотека. Т. XVIII. Донские дела. Кн. 1. СПб., 1898. Стлб. 1001.

митрополиту Даниилу писал: «Правда есть потребна во всякомъ градскомъ деле и царстве къ прибытию царства, по ней же единому комуждо еже свое есть въздается, свято и праведно живется, тогда хвала трпениа погигнетъ»²⁷. Правда по Карпову является синонимом справедливости и противопоставляется терпению, которое должно быть присуще монахам. Именно поэтому справедливость становится важнейшей задачей мирского правителя, ведь «за тая ответъ въздати велиему Судьи должень»²⁸. Значит, Господь устанавливает содержание справедливости, ее краеугольное значение для земного политического бытия, а законы становятся выражением правды: «Потребна суть во всякомъ гражаньстве правда и законы ко исправлению неустроинныхъ»²⁹. Концепция Карпова стройна и непротиворечива, а также позволяет связать абстракцию правды-справедливости с ее конкретным приложением-законом христианского государства.

Дальше в своих рассуждениях идет младший современник Карпова Иван Семенович Пересветов, который ставит правду выше веры. Будучи убежденным, что «коли правды нетъ, ино то и всего нету»³⁰, Пересветов утверждает, что «Богъ не веру любит, правду»³¹, а потому Бог может помогать даже иноверцам-туркам, установившим в своем государстве правду.

И у Карпова, и у Пересветова понятие правды-справедливости шире, чем простое воздаяние или честный суд. Правда является Божественным предположением, Божественным логосом, который на государственном уровне требует защиты мудрого христианского правителя.

Примечательно, что в русских источниках встречается еще один аспект правды-справедливости — справедливость историческая. В царской грамоте к датскому королю Христиану IV от 18 февраля 1620 г. Михаил Федорович предлагает «рубежь учинити по правде, какъ изстари достойно»³². Порядок, установленный традицией и обычаем, а также предыдущими крестными целованиями, фактически клятвами перед Богом, тоже является правдой.

На данных примерах видно, что, несмотря на изобилие определений, зависящих от контекста, у всех употреблений термина «правда» есть общие реконструируемые черты. Правда так или иначе выступает атрибутом властных отношений, но носителем правды является не абстрактный или конкретный князь, не конкретный светский или духовный правитель, а Господь Бог, именем Которого правда наполняется смыслом и содержанием. Люди в частной жизни,

²⁷ Карпов Ф.И. Послание митрополиту Даниилу // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9: Конец XIV — первая половина XVI века. СПб.: Наука, 2000. С. 352.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. С. 354.

³⁰ Пересветов И.С. Большая челобитная // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9: Конец XV — первая половина XVI века. СПб.: Наука, 2000. С. 440.

³¹ Там же. С. 446.

³² Царская грамота к датскому королю Христиану IV, в которой опровергается предложение датского правительства по лапландскому вопросу [...] // Русская историческая библиотека. Т. XVI. СПб., 1897. Стлб. 537.

руководствуясь правдой, подчиняются Божественному замыслу; лица, облеченные властью, руководствуясь правдой, выстраивают богоугодную систему социальных отношений, которая приводит подданных к спасению, и именно наличие правды становится критерием деятельности правителя как перед людьми, так и перед Богом.

В XVIII в. в связи с секуляризацией мышления и культуры понятие правды уступает свое место другим, а религиозный, духовно-политический смысл постепенно вымывается из его содержания.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что аксиологические понятия свободы и правды являлись одними из важнейших в идейно-политическом дискурсе России XV–XVII вв. В основе их понимания лежало глубокое религиозное чувство, поэтому и свобода, и правда представлялись Божественными установлениями, а задачей государства в таком случае становилось их сбережение и строгое следование принципам, которые они порождали.

Свобода наполнялась особым христианским смыслом, пониманием ее как особого Божественного дара и освобождения от смерти через благодать и спасение. При этом одна из традиционных трактовок как независимого действия воплощается в современном ее понимании российскими гражданами. Например, для молодежи «семантическую основу концепта (свобода. — *Прим. авт.*) составляют значения независимости, проявления индивидуальности, отсутствия внешнего давления и принуждения» [Селезнева, Скипин, Турков 2023: 64].

Правда в русской духовно-политической мысли, источником которой выступал Бог, содержала значение истинности, причем истинности не только в межличностном общении, но и во властных отношениях. В этом смысле она воспроизводится и сегодня, например, в представлениях молодых российских граждан о справедливости [Селезнева 2022]. Ценность правды соотносится с существующим у молодежи запросом на искренность и честность, так как «высокой значимостью для молодых людей обладает правдивость информации, предоставляемой им политиками» [Селезнева, Скипин, Турков 2023: 63].

В завершении следует отметить, что материалы статьи могут быть полезны современным исследователям для расширения научных знаний о правде и свободе, позволяют проследить духовно-политическое содержание данных категорий в политическом сознании современного российского общества и оценить их значимость в текущих социально-политических реалиях.

Поступила в редакцию / Received: 09.11.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 20.04.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2024

Библиографический список

- Евгеньева Т.В., Евгеньев В.А.* Политические представления и ценности российской молодежи в контексте их историко-культурных оснований // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. №3. С. 94–100. <http://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-3-94-100>.
- Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Скипин Н.С., Тулегенова Д.Д.* Запрос на патернализм: идея и ценность государства в сознании российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 1. С. 233–251. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-233-251>.
- Перевезенцев С.В., Ананьев Д.А.* Аксиологические основы российской государственности: «правда» и «справедливость» в отечественном идейно-политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. № 1. С. 21–37. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-21-37>
- Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А.* «Государствуем от великаго Рюрика...»: К вопросу о формировании единого духовно-политического аксиологического комплекса «Русская земля — Российское государство — Российское царство» // Тетради по консерватизму. 2021а. №3. С. 245–262. <http://doi.org/10.24030/24092517-2021-0-3-245-262>.
- Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А.* К вопросу о методологических принципах изучения российских базисных традиционных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2021б. Т. 27. № 4. С. 113–133. <http://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4-113-133>.
- Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А.* «Отечество находится не в географии...»: К вопросу об эволюции традиционных духовно-политических ценностей российской цивилизации // Тетради по консерватизму. 2021с. №3. С. 263–283. <http://doi.org/10.24030/24092517-2021-0-3-263-283>.
- Перевезенцев С.В., Сорокопудова О.Е.* Петр I как политический мыслитель: традиционные ценности и идеологические новации // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2022. №3. С. 50–73.
- Перевезенцев С.В.* К вопросу о духовно-политических ценностях российской цивилизации // SCHOLA-2021: сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова / под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Ширинянца. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2021. С. 199–205.
- Петухов В.В.* Ценностная палитра современного российского общества: «Идеологическая каша» или поиск новых смыслов? // Мониторинг общественного мнения. 2011. № 1 (101). С. 6–23.
- «Правда»: дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории. М.: Ключ-С, 2011. 368 с.
- Савельев В.С.* Словарь // Ремнева М.Л. и др. Старославянский язык. М.: Издательство Московского университета, 2012. С. 594–670.
- Селезнева А.В., Скипин Н.С., Турков Е.А.* Ценностно-смысловые доминанты политической морали российской молодежи: политико-психологический анализ // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2023. №2. С. 60–70. <http://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-2-60-70>.
- Селезнева А.В.* Политическая мораль современной российской молодежи: ценности, представления, установки // Научный результат. Социология и управление. 2022. №3. С. 47–60. <http://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-4>.
- Селищев А.М.* Старославянский язык. Ч. 2: Тексты. Словарь: очерки морфологии. М.: Учпедгиз, 1952. 215 с.

Сорокопудова О.Е., Миронов Д.В. Исследование аксиологических оснований российской государственности: перспективы использования метода политико-текстологического анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. № 2. С. 455–470. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-455-470>.

Шестопал Е.Б. Представления, образы и ценности демократии в российском обществе // Полития. 2011. № 3 (62). С. 34–47. <http://doi.org/10.30570/2078-5089-2011-62-3-34-47>.

References

- Evgenieva, T.V., & Evgeniev, V.A. (2023). Political Perceptions and Values of the Russian Youth in the Context of Their Historical and Cultural Foundations. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 3, 94–100. (In Russian). <http://doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-3-94-100>
- Evgenieva, T.V., Selezneva, A.V., Skipin, N.S., & Tulegenova, D.D. (2023). Request for paternalism: The idea and value of the state in the minds of Russian youth. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 233–251. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-233-251>
- Perevezentsev, S.V., & Ananyev, D.A. (2023). Axiological foundations of Russian statehood: “Truth” and “justice” in the domestic ideological and political discourse. *RUDN Journal of Political Science*, 25(1), 21–37. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-21-37>
- Perevezentsev, S.V., Puchnina, O.E., Strakhov, A.B., & Shakirova, A.A. (2021c). “The Fatherland is not in geography...”: On the issue of the evolution of traditional spiritual and political values of Russian civilization. *Essays on Conservatism*, 3, 263–283. <http://doi.org/10.24030/24092517-2021-0-3-245-262>
- Perevezentsev, S.V., Puchnina, O.E., Strakhov, A.B., & Shakirova, A.A. (2021b). On the methodological principles of studying Russian basic traditional values. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. Vol. 27, no. 4. pp. 113–133. (In Russian).
- Perevezentsev, S.V., Puchnina, O.E., Strakhov, A.B., Shakirova, A.A. (2021a). “We rule from the great Rurik...”: On the issue of the formation of a single spiritual-political axiological complex “Russian land — Russian state — Russian kingdom”. *Essays on Conservatism*, 3, 245–262. (In Russian).
- Perevezentsev, S.V., & Sorokopudova, O.E. (2022). Peter I as a political thinker: Traditional values and ideological innovations. *The journal Moscow University Bulletin. Series 12. Political Science*, 3, 50–73. (In Russian).
- Petukhov, V.V. (2011). The value palette of modern Russian society: “Ideological mess” or the search for new meanings? *Monitoring of Public Opinion*, 1(101), 6–23. (In Russian). *Pravda.; Discourses of justice in Russian Intellectual history*. (2011). Moscow: Klyuch-S. (In Russian).
- Savelyev, V.S. (2012). Dictionary. In M.L. Remneva & et al. (Eds.), *The Old Slavonic Language* (pp. 594–670). Moscow: Moscow University Press. (In Russian).
- Selezneva, A.V., Skipin, N.S., & Turkov, E.A. (2023). Value-semantic dominants of political morality of Russian youth: Political-psychological analysis. *Bulletin of Perm University. Political Science*, 2, 60–70. (In Russian). <http://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-2-60-70>
- Selezneva, A.V. (2022). Political morality of modern Russian youth: Values, ideas, attitudes. *Research Result. Sociology and management*, 3, 47–60. (In Russian). <http://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-3-0-4>
- Selishchev, A.M. (1952). *Old Slavonic language. Part 2: Texts. Dictionary. Essays on morphology*. Moscow: Uchpedgiz. (In Russian).
- Shestopal, E.B. (2011). Representations, images and values of democracy in Russian society. *Politeia*, 3(62), 34–47. (In Russian). <http://doi.org/10.30570/2078-5089-2011-62-3-34-47>

Sorokopudova, O.E., & Mironov, D.V. (2023). Study of the axiological foundations of Russian statehood: Prospects for using the method of political-textological analysis. *RUDN Journal of Political Science*, 2, 455–470. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-455-470>

Сведения об авторах:

Страхов Александр Борисович — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Научно-проектного отдела Научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук; специалист по учебно-методической работе кафедры истории социально-политических учений факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: falconian@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-4663-7739)

Боронин Артем Романович — студент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: boronin.artemm@gmail.com)

About the authors:

Aleksandr B. Strakhov — PhD in Political Science, Leading Researcher of the Scientific and Design Department of the Scientific and Innovative Management, State Academic University of Humanities; Specialist in Educational and Methodical work of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: falconian@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-4663-7739)

Artyom R. Boronin — Student of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: boronin.artemm@gmail.com).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПОЛИТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ: СМЫСЛОВЫЕ ОСНОВАНИЯ И ИНСТРУМЕНТЫ РЕАЛИЗАЦИИ

POLITICAL IDENTITY AND IDENTITY POLICIES: SEMANTIC FOUNDATIONS AND IMPLEMENTATION TOOLS

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-277-291
EDN: NJDGXY

Научная статья / Research article

Кризис российской национально-государственной идентичности в конце XX — начале XXI в.: факторы, специфика, репрезентации

С.В. Расторгуев , В.В. Титов

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

Москва, Российская Федерация

 SRastorguev@fa.ru

Аннотация. Актуальность исследования связана с незавершенным характером формирования российской национально-государственной идентичности. Модель национально-государственной идентичности, существующая в современной России, носит фрагментированный и отчасти аморфный характер, во многом наследуя смысловые и структурные особенности, кристаллизовавшиеся ранее — на кризисном (1992–2000) и посткризисном (2001–2008) этапах ее становления. Новые геополитические вызовы, адресованные российскому государству и обществу в начале 2020-х гг., также свидетельствуют о необходимости переоценки недавнего, во многом противоречивого опыта формирования общенациональных идентификационных ориентиров в постсоветской России. Цель исследования состоит в научно-политическом осмыслении факторов и специфики формирования национально-государственной идентичности России на кризисном и посткризисном этапах (1992–2008 гг.). Теоретико-методологические основания исследования опираются на сочетание политико-психологического подхода и современных социально-конструктивистских теорий. Эмпирическую базу исследования составляют результаты социологических опросов, проводимых ведущими российскими академическими (ИС РАН) и исследовательски-аналитическими (ВЦИОМ, Левада-центр (Автономная некоммерческая организация «Аналитический Центр Юрия Левады» включена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента)) организациями, а также данные, полученные в ходе реализации ряда научно-исследовательских проектов политико-психологического характера. Зафиксировано, что всеобъемлющий кризис национально-государственной

© Расторгуев С.В., Титов В.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

идентичности в 1992–2000 гг. был обусловлен не только институциональными и ценностно-идеологическими, но и психоэмоциональными факторами, среди которых особое место занимают массовая фрустрация и атомизация социального пространства России. Отмечается, что базовым фактором поэтапного преодоления кризиса российской национально-государственной идентичности явилось выстраивание персоналистской модели власти, подкрепляемой снижением остроты идейно-политических конфликтов. Двумя определяющими тенденциями посткризисного этапа развития российской национально-государственной идентичности выступали реставрация в политическом сознании общества устойчивых представлений о России как о великой державе и политическая консолидация большей части общества на основе «путинских консенсусов».

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, кризис идентичности, посткризисный этап, образ власти, образ «значимого другого», образ пространства

Благодарности: Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

Для цитирования: *Расторгуев С.В., Титов В.В.* Кризис российской национально-государственной идентичности в конце XX — начале XXI в.: факторы, специфика, репрезентации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 277–291. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-277-291>

The Crisis of Russian National-state Identity in the Late 20th — Early 21st Centuries: Factors, Specifics, Representations

Sergey V. Rastorguev , Viktor V. Titov

Financial University under the Government of the Russian Federation

Moscow, Russian Federation

 SRastorguev@fa.ru

Abstract. The relevance of the study is related to the unfinished nature of the formation of the Russian national-state identity. The model of national-state identity that exists in modern Russia is fragmented and somewhat amorphous, largely inheriting the semantic and structural features that crystallized earlier — at the crisis (1992–2000) and post-crisis (2001–2008) stages of its formation. The new geopolitical challenges addressed to the Russian state and society in the early 2020th also testify to the need to reassess the recent, largely contradictory experience in the formation of national identification landmarks in post-Soviet Russia. The purpose of the article is to provide a scientific and political understanding of the factors and specifics of the formation of the national-state identity of Russia in the crisis and post-crisis stages (1992–2008). Theoretical and methodological foundations of the study are based on a combination of a political and psychological approach and modern social constructivist theories. The empirical base of the study is the results of sociological surveys conducted by leading Russian academic, research and analytical organizations, as well as data obtained during the implementation of a number of research projects of a political and psychological nature. It is recorded that the crisis of national-state identity in 1992–2000 was determined not only by institutional and value-ideological, but also by psycho-emotional factors, among which a special place is occupied by mass frustration and atomization of the social space of Russia. It is noted that the basic factor in the gradual overcoming of the crisis of the Russian national-state identity was the building of a personalist

model of power, supported by a decrease in the severity of ideological and political conflicts. The two defining trends of the post-crisis stage in the development of the Russian national-state identity were the restoration in the political consciousness of society of stable ideas about Russia as a great power and the political consolidation of most of society based on «Putin's consensuses».

Keywords: national-state identity, identity crisis, post-crisis stage, image of power, image of «significant other», image of space

Acknowledgements: The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state assignment of the Financial University.

For citation: Rastorguev, S.V. & Titov, V.V. (2024). The crisis of Russian national-state identity in the late 20th — early 21st centuries: Factors, specifics, representations. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 277–291. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-277-291>

Введение

Проблематика российской идентичности, ее формирования и содержательных особенностей занимает одно из ведущих мест в системе приоритетов отечественной политической науки. Если в 1990-е гг. исследователи лишь периодически использовали словосочетание «российская идентичность» (понимая под ней, — как правило, некоторую устойчивую или даже константную макрополитическую конструкцию — условный исторический или цивилизационный «код» России), то в 2000-е гг. наметилась ярко выраженная тенденция популяризации данного понятия, причем как в научной, так и в политико-публицистической литературе. Обратной стороной такой популярности и массовой востребованности стало предельное размывание данного термина, его активная метафоризация [Малахов 2003]. Этому способствовало в том числе и распространение так называемых релятивистских («постмодернистских») подходов, делающих акцент на подвижность самоидентификации человека, неустойчивость и ситуативную обусловленность идентификационных конструктов — и личностных, и социальных [Bell 2003; Best 2011; Agiely 2012].

Закономерно, что в 2010-е гг. российская политическая наука обратилась к проработке теории политических идентичностей. На первый план вышли уже не вопросы «утраты», «поиска», «восстановления» российской идентичности (как некой ценностно-символической «матрицы» — первоосновы развития), а проблемы ее критериальной определенности, внутренней структуры, содержательного и динамического осмысления [Морозова 2012, Попова 2020; Семенов, Лапкин, Пантин 2010; Федеева 2011]. По нашему мнению, такое развитие событий стало возможно вследствие того, что конец 2000-х — первая половина 2010-х гг. были в целом периодом весьма благоприятным и с точки зрения идентификационной динамики российского общества.

Немаловажным обстоятельством, способствовавшим детализации «теории российской идентичности», стало поэтапное дистанцирование современного политического знания от радикальных методологических диспозиций. С одной стороны, подверглись некоторому смягчению концепции, рассматривавшие национальную идентичность в сугубо статическом, инвариантном ключе. С другой

стороны, стала очевидна и явная ограниченность агрессивных конструктивистских интерпретаций, в логике которых национальная идентичность — исключительно инструментальный «проект» властвующих элит [Титов 2016b].

Цель исследования состоит в научно-политическом осмыслении факторов и специфики формирования национально-государственной идентичности России на кризисном и посткризисном этапах (1992–2008 гг.).

Теоретико-методологические основания исследования построены на сочетании политико-психологического подхода и современных социально-конструктивистских теорий, рассматривающих «конструирование» идентичности не как производство государственного «нарратива», а как полицентричный процесс вызревания идентификационных установок и образов массового сознания на основе существующих в обществе культурно-исторических предпосылок.

Эмпирическую базу исследования составляют результаты социологических опросов, проводимых ведущими российскими академическими (ИС РАН) и исследовательско-аналитическими (ВЦИОМ, ФОМ, Левада-центр¹) организациями, а также данные, полученные в ходе реализации ряда лонгитюдных проектов политико-психологического характера [Шестопап 1995; Евгеньева, Титов 2010; Евгеньева, Селезнева 2013].

Определение, структура и этапы формирования российской национально-государственной идентичности

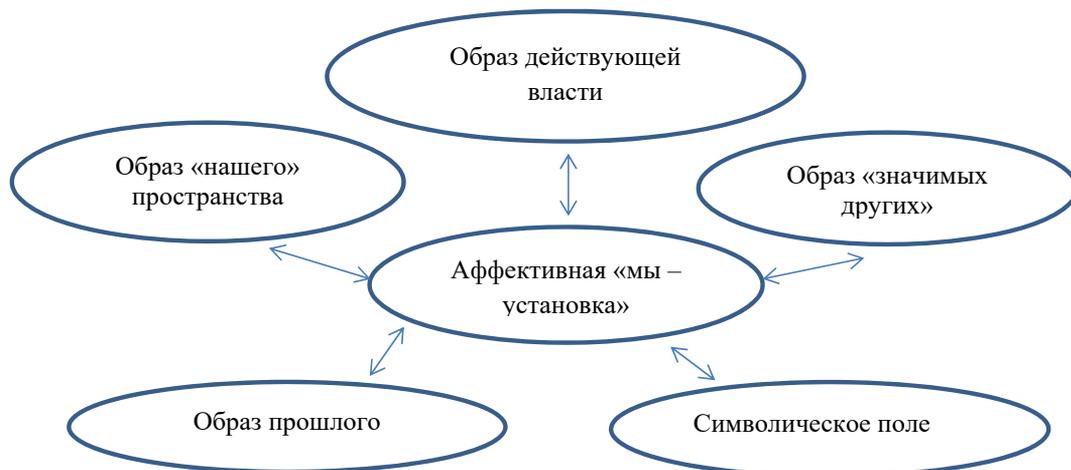
Одной из базовых проблем изучения российской национально-государственной идентичности сегодня является вопрос выработки ее развернутого определения. В данном случае особый интерес представляют работы О.Ю. Малиновой [Малинова 2010], Е.В. Морозовой [Морозова 2012], О.В. Поповой [Попова 2020], В.С. Комаровского [Комаровский 2015] и ряда других российских исследователей. На наш взгляд, в данном случае одним из наиболее приемлемых является подход, основанный на понимании данного феномена сквозь призму макрополитической идентичности. Развернутое определение последней дает О.Ю. Малинова. Согласно ее мнению, макрополитическая идентичность «охватывает все основания идентификации рассматриваемого сообщества, присутствующие в публичном дискурсе, позволяя анализировать возникающие между ними смысловые конфликты» [Малинова 2010: 6].

Детализированное структурно-иерархическое понимание национально-государственной идентичности предлагает В.С. Комаровский. Он выделяет три базовых композиционных блока идентичности: «мы-уровень», в основании которого лежит самоидентификация с определенными ценностями и значимыми политическими представлениями, «значимые другие» как совокупность представлений о «друзьях» и «врагах» России, и историческое прошлое с сопутствующими ему образами и установками массового сознания [Комаровский 2015: 22–25].

¹ Автономная некоммерческая организация «Аналитический Центр Юрия Левады» включена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

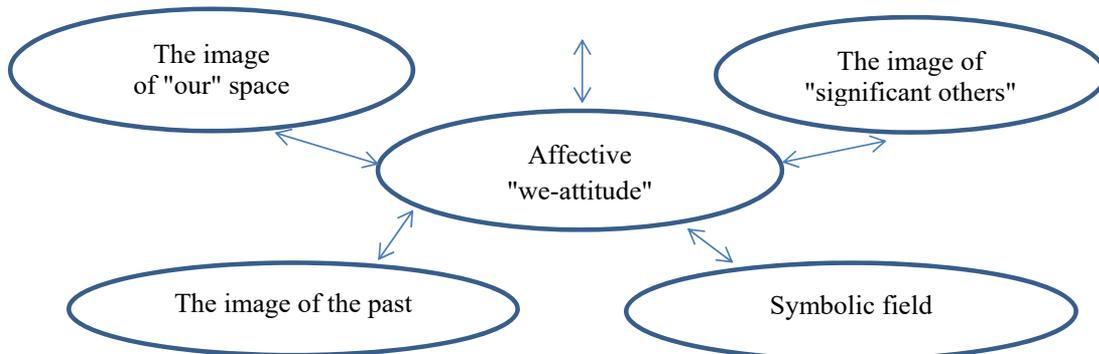
По нашему мнению, рассматривая национально-государственную идентичность с позиции синтеза ее макрополитического понимания и структурного подхода, можно определить ее как как интегративный «мы-образ», многомерное представление о «нас» как о политико-историческом сообществе в различных его проекциях: темпоральной, пространственной, социально-повседневной, институционально-политической [Титов 2016а]. Можно констатировать, что национально-государственная идентичность представляет собой *сложный, эволюционирующий конструкт, сложившийся и видоизменяющийся в массовом политическом сознании российских граждан. Он включает в себя как устойчивые, медленно трансформирующиеся историко-культурные составляющие (язык, традиции и т. д.), так и более подвижные элементы — образы наиболее значимых социально-политических субъектов.*

Опираясь на приведенное выше понимание национально-государственной идентичности, можно предложить следующую ее структурную композицию (рис.).

Структурное измерение национально-государственной идентичности

Источник: составлено авторами по материалам: [Малинова 2010; Попова, 2020; Комаровский 2015; Титов 2017].

Structural dimension of national-state identity

Source: compiled by the authors based on materials: [Malinova 2010; Popova 2020; Komarovskiy 2015; Titov 2017].

Важно отметить, что вопрос периодизации процесса формирования национально-государственной идентичности в современной (начиная с 1992 г.) России по-прежнему сохраняет дискуссионный характер. На наш взгляд, можно контурно выделить следующие этапы его трансформации: *кризисный* («ельцинский», 1990-е гг.); *посткризисный, реставрационный* («первый путинский», 2000–2013 гг.); *консолидационный* («второй путинский», «крымский», 2014–2021 гг.). По нашему мнению, также представляется возможным отдельно выделить текущий, мобилизационный этап трансформации российской национально-государственной идентичности, начавшийся в 2022 г. на фоне резкого обострения геополитического противостояния с «коллективным Западом».

Кризисный этап формирования российской идентичности в 1990-е гг.: ценностная фрагментация и политическое отчуждение

Отечественные исследователи справедливо сходятся во мнении, что базовым фактором кризиса российской национально-государственной идентичности явились негативные политико-психологические последствия распада СССР, предопределившие, в первую очередь, ценностно-смысловой и символический вакуум политического сознания в российском обществе. Граждане Российской Федерации, оказавшись в принципиально новой социально-политической реальности, были вынуждены ситуативно адаптироваться к кризисной социально-экономической и политической динамике и одновременно искать новые ориентиры собственной макрополитической самоидентификации [Ядов 1994; Шестопал 1995]. Важнейшей тенденцией того времени стало становление России как общества «всеобщего риска», пронизанного высокой конфликтностью и тотальной ценностно-смысловой неопределенностью [Яницкий 2001: 81]. Указанная негативная тенденция проявляла себя в атомизации социально-политического пространства, преобладании ситуативно обусловленных, теневых и деструктивных социальных практик, преимущественно локального характера.

Еще одним фактором, способствовавшим углублению кризиса российской национально-государственной идентичности в начале — середине 1990-х гг. явились острые идеологические размежевания и конфликты, сопутствовавшие институциональному становлению политической системы «новой России». Причем указанные конфликты на ограничивались текущей борьбой за политическую власть и конкуренцией политических стратегий дальнейшего развития страны. Они имели отчетливо выраженный историко-смысловой профиль: речь шла, с одной стороны, о «разрыве» с советским прошлым и фактическом отрицании политических ценностей «великодержавности», а с другой — о необходимости неосоветской реставрации, возвращения к ценностно-символическому наследию СССР [Евгеньева, Селезнева 2013].

Характеризуя специфику эволюции «властного» компонента российской национально-государственной идентичности, следует отметить, что еще в начале — середине 1990-х гг. в российском обществе (наряду с усилившимся неприятием политической ценности демократии) произошел заметный рост

патерналистских настроений: на первый план вышли вертикально-иерархические установки массового сознания. Так, согласно данным социологических исследований, приводимых учеными Института социологии РАН, за период с 1989 по 1996 г. доля респондентов, выступавших за сосредоточение власти в «сильных руках», выросла с 42 до 68 %, а доля тех, кто высказывался против этого, уменьшилась с 45 до 18 % [Вебер, Галкин, Красин 2001: 181]. При этом запрос на «сильную руку» коррелировал с тенденцией нарастающей ностальгии по советскому прошлому: например, доля россиян, считавших И.В. Сталина наиболее выдающимся историческим деятелем России, выросла с 20 % в 1994 г., до 35 % — в 1999 г.²

Безусловно, одной из наиболее значимых репрезентаций кризиса российской национально-государственной идентичности в 1990-е гг. стал распад ее символического пространства. Российское общество, по существу, утратило не только собственный «пантеон героев» (поскольку советский пантеон был частично девальвирован, в том числе в ходе целенаправленной информационной политики, проводимой тогда государством), но и лишилось базовых моральных координат исторической оценки прошлого и настоящего. Это выразилось не только в полярных «черно-белых» оценках тех или иных персоналий и событий российского прошлого, но и в нарастающей символической эклектике коллективного сознания. Например, по данным «Левада-центра»³, в 1994 г. на роль выдающейся личности и знаковой фигуры мировой истории, по мнению российских граждан, могли в примерно одинаковой мере претендовать Екатерина II, Л.Н. Толстой и А. Гитлер⁴.

Показательно, что такая ценностно-символическая фрагментация сопровождалась явным нарастанием депрессивно-негативных оттенков массового сознания, стремлением всё более часто воспринимать российское прошлое сквозь призму «коллективной трагедии»: репрессий, тоталитаризма, военных поражений и т.д. Естественно, что подобная смена доминантного фрейма восприятия не только привела к деформации общенационального образа прошлого, но и к росту массовой фрустрации, испытываемой относительно будущего, ускорению и без того интенсивных процессов «атомизации» социума — и политической, и на уровне пространств социальной повседневности.

Политико-психологические исследования 1990-х гг. убедительно свидетельствуют, что тремя определяющими чертами образа действующей на тот момент российской власти в представлениях россиян являлись вопиющая слабость, оторванность от интересов населения и нарастающая непредсказуемость [Шестопал 1995]. Слабость находила свое выражение в неспособности решать фундаментальные задачи социально-экономического и политического

² Кого россияне считают самым выдающимся человеком в истории? URL: <https://www.levada.ru/2021/06/21/samyey-vydayushhiesya-lichnosti-v-istorii/> (дата обращения: 23.01.2023).

³ Автономная некоммерческая организация «Аналитический Центр Юрия Левады» включена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

⁴ Кого россияне считают самым выдающимся человеком в истории? URL: <https://www.levada.ru/2021/06/21/samyey-vydayushhiesya-lichnosti-v-istorii/> (дата обращения: 27.08.2021).

развития страны, гарантировать целостность и устойчивость государства. Оторванность от интересов граждан — в закрытости и коррумпированности, стремлении к личному обогащению, индифферентном отношении к тем социально-экономическим проблемам, с которыми сталкивались граждане России. Непредсказуемость проявляла себя и в непоследовательном характере принимаемых политических решений, и в нарастающих волюнтаристских, агрессивных акцентах (что особенно ярко проявилось и во время политического кризиса 1993 г., и в ходе президентской кампании 1996 г., и с началом первой чеченской войны).

Знаковой и, безусловно, деструктивной тенденцией, характеризующей политическую самоидентификацию россиян в кризисные 1990-е гг. стало смещение образа «значимого другого» внутрь социально-политического пространства России. По существу, произошел перенос центра тяжести идентификационных расколов из геополитической плоскости в этнополитическое и стратификационно-политическое ее измерения. В этом плане показательно исследование ВЦИОМ, проведенное в апреле 1996 г. Согласно его результатам, российские граждане, в первую очередь, считали «врагами России» организованную преступность (35 %), коррумпированных чиновников и бюрократов (21 %) и «Чечню, Дудаева, чеченцев» (17 %). При этом доля респондентов, указавших «Запад» в качестве «врага» (9 %), была, например, вполне сопоставима с долей тех, кто считал врагами России «кавказцев» (5 %)⁵.

По нашему мнению, указанная тенденция переноса фокуса внимания на «внутреннего врага», ярко проявившаяся в первое постсоветское десятилетие, была предельно деструктивной с точки зрения формирования российской национально-государственной идентичности, предопределяла подчеркнуто конфликтный профиль самоидентификации российского общества в целом, серьезно сдерживала перспективы выстраивания конвенциональной модели национально-государственной идентичности гражданского типа. В дальнейшем, уже в 2010-е гг. в совокупности с разбалансированным, противоречивым и всё более подверженным негативизации (с точки зрения массового восприятия) образом российской власти, она препятствовала формированию общероссийской национально-государственной идентичности в полномасштабном ее понимании [Титов 2021].

В таких условиях политическая архитектура «новой России» в представлениях большинства граждан олицетворяла собой не устойчивую ценностно-политическую конфигурацию (подразумевающую наличие позитивных ценностно-смысловых ориентацией массового сознания и мотивов социальной консолидации), а некоторое аморфное и переходное политическое состояние. Полярными альтернативами этому кризисному состоянию на рубеже 1990–2000-х гг. выступали дальнейший распад

⁵ Есть ли у России враги? Если такие враги существуют, то с Вашей точки зрения, кто это в первую очередь. URL: https://bd.wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=453&q_id=35327&date=15.04.1996 (дата обращения: 23.09. 2022).

России как политико-территориального образования либо «консолидация через силу» — антикризисная по своей сути, персоналистская модель новой, «постъельцинской» власти, эффективной в решении насущных социально-политических задач и способной предложить внятные смысловые опоры общероссийской идентичности.

Посткризисный этап формирования российской идентичности (2001–2008 гг.): на перекрестке реставрации и консолидации

Рассматривая процессы формирования российской национально-государственной идентичности в начале 2000-х гг., следует особо отметить тот момент, что решающим фактором, предопределившим новый этап в ее развитии, стал симбиоз двух элементов — политических изменений во власти, совпавших с массовым запросом на «сильную руку» во главе страны. Таким образом, проявилось общеизвестное «парадоксальное соответствие» трендов политического и социально-психологического развития России: политические элиты, страдавшие в конце 1990-х гг. очевидным дефицитом мотивационно-волевого компонента, но поддержавшие В.В. Путина, оказались адекватны массовым ожиданиям, ориентированным на стабилизацию политической ситуации [Шестопап 2019].

Можно отметить, что запрос на стабилизацию и предсказуемость, который смог удовлетворить В.В. Путин в первой половине 2000-х гг., стал отправной точкой дальнейшей реконструкции смыслового пространства общероссийской идентичности. Речь шла о поэтапном «возвращении» государства в пространства исторической и символической политики, выстраивание принципиально новой модели геополитической субъектности России и макрополитической самоидентификации российского общества.

Указанная модель, при всей ее новизне, безусловно, не являлась «вакуумной» по своему смысловому наполнению, а опиралась на идеи реставрации конвенциональности как на базовые принципы дальнейшего выстраивания российской государственности. В ее основе лежал императив минимизации исторической конфликтности, отказ от «негативного» профиля государственной политики идентичности образца 1990-х гг., поиск взаимоприемлемой «примирительной» тональности политического диалога [Титов 2016а]. И, что крайне существенно, российское общество (значительная часть которого продолжала испытывать эффект ностальгии по советскому прошлому) оказалось в полной мере готово к таким изменениям [Бызов 2019].

Однако в 2000–2008 гг. по-прежнему была четко заметна тенденция серьезной фрагментации символического профиля российской национально-государственной идентичности, в котором переплетались (сосуществуя, но далеко не всегда органично сочетаясь и выстраиваясь в единую композицию) символические реминисценции «имперского» и советского периодов российской истории [Евгеньева, Титов 2010]. Указанные реминисценции актуально «накладывались» на текущую политическую повестку, стереотипизированные представления о России и ее прошлом, также образуя весьма

своеобразные смысловые линии идентичности (например, представление о В.В. Путине как «наследнике» имперской и советской державных традиций одновременно — «продолжателе дела» великих правителей России — Петра I, Екатерины II, И.В. Сталина).

Во многом аналогичную фрагментацию испытывал и образ «нашего» политического пространства. Как показывают политико-психологические исследования того периода, его смысловую трансформацию в поле национально-государственной самоидентификации определяло параллельное существование условных «имперских», интеграционистских и прагматических сюжетов массового сознания. Фактически на тот момент в российском обществе четко обозначились кластеры «империалистов», реконструировавших в своем сознании территориальные образы Российской империи — СССР, «интеграционистов», выступавших за объединение с Украиной, Беларусью, и, возможно, Казахстаном и «прагматиков», ориентированных на последовательное восприятие «страны России» в ее актуальных территориальных границах (табл. 1).

Таблица 1

Образ «нашего» политико-исторического пространства в сознании российских граждан

Кластер	Установки	Социально-демографические характеристики	Мотивационные основания
«Империалисты»	Акцент на территориальную экспансию и максимально возможное расширение России (до границ бывшего СССР)	10–15 %: люди старшего возраста, часть молодежи	Иррациональные импульсы и постсоветская ностальгия
«Интеграционисты»	Акцент на возможное вхождение Украины, Беларуси и Казахстана в состав России.	25–30 %: люди среднего и часть людей старшего возраста	Рационализация постсоветской ностальгии, «русская аккультурация»
«Реалисты»	Полное «принятие» России в существующих территориальных границах	35–40 %: молодежь, люди среднего возраста	Политический прагматизм, акцент на социально-экономическое благополучие

Источник: составлено авторами по материалам: [Евгеньева, Титов, 2010; Титов 2012; Титов 2017].

Table 1

The image of «our» political and historical space in the minds of Russian citizens

Cluster	Attitudes	Socio-demographic characteristics	Motivational grounds
The «Imperialists»	Emphasis on territorial expansion and the maximum possible expansion of Russia (to the borders of the former USSR)	10–15 %: Older people, some of the youth	Irrational impulses and post-Soviet nostalgia
The «Integrationists»	The emphasis is on the possible entry of Ukraine, Belarus and Kazakhstan into Russia	25–30 %: middle-aged and some older people	Rationalization of post-Soviet nostalgia, «Russian acculturation»
The «Realists»	Full «acceptance» of Russia within the existing territorial borders	35–40 %: young people, middle-aged people	Political pragmatism, emphasis on socio-economic well-being

Source: compiled by the authors on materials [Evgenieva, Titov 2010; Titov 2012; Titov 2017].

Еще одной важной тенденцией, характеризующей эволюцию российской национально-государственной идентичности в 2000–2008 гг., явились поэтапная прагматизация «коллективного Запада» и нарастающие негативные оттенки в восприятии западного мира. В российском обществе прочно утвердился лейтмотив цивилизационной идентификации России как принципиально «не западного» общества, ориентированного на «особый» путь исторического развития. При этом, по мнению исследователей, на тот момент идея всеобъемлющего и тотального по своей сути ценностно-смыслового конфликта с «коллективным Западом» ни в коей мере не являлась преобладающим трендом российского массового сознания. Как справедливо отмечает Л.А. Андреев, «первоначально эти сдвиги в массовом сознании имели характер внутреннего самоутверждения и не несли в себе собственно антизападной направленности» [Андреев 2007: 41]. Однако постепенно в 2000-е гг. вследствие целого ряда геополитических событий, прежде всего «оранжевой революции» на Украине и «пятидневной войны» с Грузией, «образ Запада в сознании большинства российских граждан получил прочную смысловую связку с фактором угрозы» [Андреев 2007: 41]

Тем не менее весьма очевидно, что на посткризисном этапе (2001–2008 гг.) российская национально-государственная идентичность не может квалифицироваться как исключительно «негативная», базирующаяся в своем смысловом и аффективном содержании преимущественно на «образе врага». Речь шла в большей степени не о конфликте, а о закономерной прагматизации и фундаментальной переоценке сложившихся геополитических реалий: сложных по своей сути попытках российского общества осмыслить «страну Россию» в контекстах новой глобальной реальности начала третьего тысячелетия.

Пожалуй, наиболее серьезные и форсированные трансформации в посткризисный период претерпел *образ российской власти*. Еще в самом начале 2000-х гг. (2000–2003 гг.) он радикально изменился: на смену преобладавшим во второй половине 1990-х гг. негативно-депрессивным и дисперсным сюжетам «слабой», аморфной и неэффективной власти («олигархи», «Ельцин», «семья», «криминальные группировки») пришла моноцентричная персоналистски-ориентированная модель, в центре которой находилась фигура В.В. Путина [Шестопад 2019]. Указанная моноцентричная модель являлась важной в том смысле, что обеспечивала первичные психологические условия политической консолидации общества, открывала возможности для реализации государством полномасштабной и продуктивной политики идентичности, нацеленной на пересмотр негативного тренда фрагментации образа прошлого [Титов 2016а]. Немаловажно, что российская власть в середине первого десятилетия XXI в. попыталась воспользоваться открывшимся «окном возможностей»: приступила к выработке приоритетов и механизмов формирования конвенциональной модели общероссийской идентичности [Малинова 2010: 25].

Однако необходимо понимать, что такая модель государственной политики идентичности подразумевала не только обращение к историческим реминисценциям, ситуативное использование ностальгических сюжетов, но и, что крайне важно, опиралась на высокий личный рейтинг доверия В.В. Путину со стороны

россиян. Ее фундаментальным основанием являлись социально-экономические факторы «второго путинского консенсуса» — рост материального благосостояния основной части российских граждан, функциональность базовых институтов государственного управления, предсказуемость проводимого политического курса [Бызов 2019]. Поэтому уже к концу 2000-х гг. стало весьма очевидно, что дальнейшее эффективное развитие и совершенствование конвенциональной модели российской национально-государственной идентичности возможно лишь в ситуации сочетания двух факторов: сохранения политической преемственности при обеспечении институциональной экономико-технологической и управленческой модернизации российского общества.

Заключение

Можно отметить, что формирование российской идентичности в 1992–2008 гг. происходило в условиях нарастания, кульминации и преодоления наиболее серьезных симптомов постсоветского идентификационного кризиса, носившего тотальный и деструктивный характер. Указанный кризис ярко проявился в 1990-е гг., был связан с разрушением ценностно-смыслового фундамента советского общества. Он характеризовался такими негативными тенденциями, как рост идеологической конфликтности, массовая фрустрация и последующая за ней «атомизация» социального пространства России. Параллельно происходили негативизация и фактическое разрушение образа прошлого, всплеск ксенофобских установок массового сознания и формирование образов «внутреннего врага» в лице разнообразных этнических «чужих», негативное преломление образа российской власти — ее доминирующее восприятие как слабой и неэффективной.

Логика посткризисного этапа трансформации российской национально-государственной идентичности (2001–2008 гг.) была во многом обусловлена фактором «путинских консенсусов» и опиралась на персоналистскую конфигурацию политической власти. Основными тенденциями данного этапа были активизация государственной исторической политики — попытка реконструкции образа прошлого на основе конвенционального подхода, сохранившая фрагментарность символического поля идентичности, прагматизация образов пространства и «значимого другого» в политическом сознании российских граждан.

Поступила в редакцию / Received: 11.09.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 24.11.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2024

Библиографический список

- Андреев А.Л.* Образ России в сознании россиян: международные аспекты // Мониторинг общественного мнения. Экономические и социальные перемены. 2007. № 4. С. 40–52.
- Бызов Л.Г.* Ценностная эволюция «путинского консенсуса» в первый год последнего президентского срока // Общественные науки и современность. 2019. № 4. С. 42–56. <https://doi.org/10.31857/S086904990005815-8>

- Вебер А.Б., Галкин А.А., Красин Ю.А. Тенденции политического развития // Россия трансформирующаяся / под ред. В.А. Ядова. М., 2001. С. 180–198.
- Евгеньева Т.В., Титов В.В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С. 122–134.
- Евгеньева Т.В., Селезнева, А.В. Политические представления в контексте исторической памяти: обращение к прошлому в ситуации кризиса идентичности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2013. № 3–1. С. 158–167.
- Комаровский В.С. Формирование национально-государственной идентичности в России: вызовы и риски // Власть. 2015. № 3. С. 20–27.
- Малахов В.С. Неудобства с идентичностью // Идентичность: хрестоматия / сост. Л.Б. Шнейдер. М., 2003. С. 26–45.
- Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России: символическая политика в трансформирующейся публичной сфере // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. Т. 6. № 1. С. 5–28.
- Морозова Е.В. Сложноставная идентичность как объект политологического анализа // Человек. Сообщество. Управление. 2012. № 1. С. 60–66.
- Попова О.В. О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. 2020. № 4. С. 86–110. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>
- Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Идентичность в системе координат мирового развития // Полис. Политические исследования. 2010. № 3. С. 40–59.
- Титов В.В. Трансформация «политики идентичности» в постсоветской России (1992–2015) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016а. № 10. Т. 22. С. 73–82. <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2016-22-10-73-82>
- Титов В.В. Национально-государственная идентичность: проблема интерпретации понятия в политической науке // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2016б. № 3. С. 92–102.
- Титов В.В. Национально-государственная идентичность как пространство политических смыслов и образов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2017. № 1. С. 42–54.
- Титов В.В. Российская национально-государственная идентичность: логика конструирования и кризисные тенденции // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 4 (93). С. 26–29. <https://doi.org/10.24158/per.2021.4.4>
- Шестопал Е.Б. Образ власти в России: ожидания и реальность (политико-психологический анализ) // Полис. Политические исследования. 1995. № 4. С. 86–97.
- Шестопал Е.Б. Проект длиною в четверть века. Исследование образов власти и лидеров в постсоветской России (1993–2018) // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 9–20. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.02>
- Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 35–52.
- Яницкий О.Н. Россия как «общество риска»: контуры теории // Россия трансформирующаяся / под ред. В.А. Ядова. М., 2001. С. 21–44.
- Ariely G. Globalisation and the decline of national identity? An exploration across Sixty three countries // Nations and nationalism. 2012, no.18 (3). P. 461–482. <https://doi.org/10.1111/J.1469-8129.2011.00532.X>
- Bell D. Mythscapes: Memory, Mythology, and National Identity// British Journal of Sociology. 2003. № 1. P. 63–81. <https://doi.org/10.1080/0007131032000045905>
- Best H. The Elite-Population Gap in the Formation of Political Identities // A Cross-Cultural Investigation. Europe and Asia Studies. 2011. № 6. P. 995–1009. <https://doi.org/10.1080/09668136.2011.585751>

References

- Andreev, A.L. (2007). The image of Russia in the minds of Russians: international aspects. *Monitoring of public opinion. Economic and social changes*, 4, 40–52, (In Russian).
- Ariely, G. (2012). Globalisation and the decline of national identity? An exploration across sixty three countries. *Nations and nationalism*, 3(18), 461–482. <https://doi.org/10.1111/J.1469-8129.2011.00532.X>
- Bell, D. (2003). Mythscapes: Memory, mythology, and national identity. *British Journal of Sociology*, 1, 63–81. <https://doi.org/10.1080/0007131032000045905>
- Best, H. (2011). The elite-population gap in the formation of political identities. *A Cross-Cultural Investigation. Europe and Asia Studies*, 6, 995–1009. <https://doi.org/10.1080/09668136.2011.585751>
- Byzov, L.G. (2019). The value evolution of the «Putin consensus» in the first year of the last presidential term. *Social sciences and modernity*, 4, 42–56. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S086904990005815-8>.
- Evgenieva, T.V., & Titov, V.V. (2010). Formation of national and state identity of Russian youth. *Polis. Political studies*, 4, 122–134. (In Russian).
- Evgenieva, T.V., & Selezneva, A.V. (2013). Political representations in the context of historical memory: an appeal to the past in a situation of identity crisis. *News of Tula State University. Humanities*, 3–1, 158–167. (In Russian).
- Komarovsky, V.S. (2015). Formation of national and state identity in Russia: challenges and risks. *Vlast'*, 3, 20–27. (In Russian).
- Malakhov, V.S. (2003). Identity: a textbook. In L.B. Schneider (Ed.), *Inconveniences with identity* (pp. 26–45). Moscow. (In Russian).
- Malinova, O.Y. (2010). The construction of macropolitical identity in post-Soviet Russia: Symbolic politics in the transforming public sphere. *Political expertise: POLITEX*, 6, 5–28. (In Russian).
- Morozova, E.V. (2012). Composite identity as an object of political analysis. *Man. Community. Management*, 1, 60–66. (In Russian).
- Popova, O.V. (2020). On unsolved problems of the theory of state identity policy in Russian political science. *Political science (RU)*, 4, 86–110. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>
- Semenenko, I.S., Lapkin, V.V., & Pantin, V.I. (2010). Identity in the coordinate system of world development. *Polis. Political studies*, 3, 40–59. (In Russian).
- Titov, V.V. (2016). Transformation of «identity politics» in post-Soviet Russia (1992–2015). *Bulletin of the Trans-Baikal State University*, 10, 73–82. (In Russian). <https://doi.org/10.21209/2227-9245-2016-22-10-73-82>
- Titov, V.V. (2016). National-state identity: The problem of interpretation of the concept in political science. *Locus: People, society, cultures, meanings*, 3, 392–402. (In Russian).
- Titov, V.V. (2017). National-state identity as a space of political meanings and images. *News of the Tula State University. Humanitarian sciences*, 1, 42–54. (In Russian).
- Titov, V.V. (2021). Russian national-state identity: The logic of construction and crisis trends. *Society: politics, economics, law*, 4, 26–29. (In Russian). <https://doi.org/10.24158/pep.2021.4.4>
- Shestopal, E.B. (1995). The image of power in Russia: Expectations and reality (political and psychological analysis). *Polis. Political studies*, 4, 86–97. (In Russian).
- Shestopal, E.B. (2019). A quarter-century-long project. The study of images of power and leaders in post-Soviet Russia (1993–2018). *Polis. Political studies*, 1, 9–20. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.02>
- Weber, A.B., Galkin, A.A., & Krasin, Yu.A. (2001). Transforming Russia. In V.A. Yadov (Ed.), *Trends in political development* (pp. 180–198). Moscow. (In Russian).
- Yadov, V.A. (1994). Social identification in a crisis society. *Sociological Journal*, 1, 35–52. (In Russian).

Yanitsky, O.N. (2001). Russia is transforming. In V.A. Yadov (Ed.), *Russia as a «risk society»: Contours of the theory* (pp. 21–44). Moscow. (In Russian).

Сведения об авторах:

Расторгуев Сергей Викторович — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (e-mail: SRastorguev@fa.ru) (ORCID: 0000-0003-1185-9374)

Титов Виктор Валериевич — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (e-mail: titov-msu@mail.ru). (ORCID: 0000-0002-9518-2171)

About the authors:

Sergey V. Rastorguev — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: SRastorguev@fa.ru). (ORCID: 0000-0003-1185-9374)

Viktor V. Titov — Doctor of Political Sciences, Leading Researcher, Institute for Humanitarian Technologies and Social Engineering, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: titov-msu@mail.ru). (ORCID: 0000-0002-9518-2171)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-292-305
EDN: NBLJSP

Научная статья / Research article

Образы «своих» и «чужих» как фактор самоидентификации граждан в условиях реинтеграции Республики Крым и города Севастополя в Российскую Федерацию

Т.В. Евгеньева ^{1,2}, Н.В. Смутькина²

¹ Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

² МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

 etv133@mail.ru

Аннотация. Вопрос о научном осмыслении особенностей реинтеграции Республики Крым и города Севастополя в социокультурное и идентификационное пространство Российской Федерации является актуальным с точки зрения использования этого опыта в интеграционных процессах, происходящих сегодня на новых российских территориях. В качестве концептуального основания исследования были взяты теоретические подходы современных российских и западных авторов, посвященных идентификационной стороне интеграции на примере формирования Евросоюза, реинтеграции востока и запада Германии, а также вхождения Крыма в состав Российской Федерации. Исследование опиралось на сочетание количественных и качественных методов сбора и анализа данных. Прикладная часть проводилась в Севастопольском федеральном университете. Анализ полученных данных позволил сделать несколько выводов. В формировании российской национально-государственной идентичности жителей регионов присутствуют некоторые разнонаправленные тенденции. Большинство жителей Республики Крым и города Севастополя в целом идентифицируют себя с Россией, видят свои регионы как ее часть. Основанием для этого они считают общее пространство, историю, культуру, традиции. Эти же факторы в значительно большей степени, чем политическая или гражданская составляющие, они считают основанием патриотизма. Среди названных факторов значительную роль играет память об исторических событиях разных периодах, воспринимаемых как часть единой российской истории. Одновременно с этим в системе пространственных и исторических образов присутствует тенденция к регионоцентричному восприятию страны, желание выделить, подчеркнуть особую значимость своей территории как в истории, так и в современном пространстве Российской Федерации. Значимым стало выраженное в различных формах желание сохранить единство и сплоченность народов страны. Здесь есть некоторое отличие от результатов общероссийских исследований — представители других национальностей воспринимаются при этом гораздо более нейтрально и спокойно, чем в целом по России. В качестве «чужих», врагов или конкурентов

© Евгеньева Т.В., Смутькина Н.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

выступают зарубежные страны. При этом образы этих стран слабо конкретизированы и отражают скорее поверхностное воспроизводство медийной информации, чем результат собственного осмысления событий.

Ключевые слова: национально-государственная идентичность, реинтеграция, образ страны, новые регионы РФ, свои и чужие

Для цитирования: Евгеньева Т.В., Смутькина Н.В. Образы «своих» и «чужих» как фактор самоидентификации граждан в условиях реинтеграции Республики Крым и города Севастополя в Российскую Федерацию // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 292–305. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-292-305>

Images of “Us” and “Others” as a Factor in the Identification of Citizens in the Context of the Reintegration of the Republic of Crimea and the City of Sevastopol into the Russian Federation

Tatiana V. Evgenieva ^{1,2}, Natalia V. Smulkina²

¹ *Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

² *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

 etv133@mail.ru

Abstract. The question of scientific understanding of the features of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol reintegration into the sociocultural and identification space of the Russian Federation is relevant from the point of view of using this experience in the integration processes taking place today in new Russian territories. The theoretical approaches of modern Russian and Western authors devoted to the identification side of integration using the example of the formation of the European Union, the reintegration of East and West Germany, as well as the entry of Crimea into the Russian Federation were taken as the conceptual basis for the study. The study relied on a combination of quantitative and qualitative data collection and analysis methods. The applied part was carried out at Sevastopol Federal University. Analysis of the data obtained allowed us to draw several conclusions. There are some multidirectional trends in the formation of the Russian national-state identity of residents of the regions. The majority of residents of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol generally identify themselves with Russia and see their regions as part of it. They consider common space, history, culture, and traditions to be the basis for this. They consider these same factors, to a much greater extent than the political or civil components, to be the basis of patriotism. Among these factors, a significant role is played by the memory of historical events of different periods, perceived as part of a single Russian history. At the same time, in the system of spatial and historical images there is a tendency towards a region-centric perception of the country, a desire to highlight and emphasize the special significance of its territory both in history and in the modern space of the Russian Federation. The desire to preserve the unity and cohesion of the peoples of the country, expressed in various forms, became significant. There is some difference here from the results of all-Russian studies — representatives of other nationalities are perceived much more neutrally and calmly than in Russia as a whole. Foreign countries act as “others”, enemies or competitors. At the same time, the images of these countries are poorly specified and reflect the superficial reproduction of media information rather than the result of one’s own understanding of events.

Keywords: national-state identity, reintegration, image of the country, new regions of the Russian Federation, us and aliens

For citation: Evgenieva, T.V., & Smulkina, N.V. (2024). Images of “us” and “others” as a factor in the identification of citizens in the context of the reintegration of the Republic of Crimea and the City of Sevastopol into the Russian Federation. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 292–305. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-292-305>

Введение

Процесс постепенного возвращения «русских» территорий в состав России поставил перед государством и обществом много проблем, связанных с их интеграцией в единое российское пространство. В политической сфере — проблема встраивания органов политического управления территорией в политическую систему РФ и предупреждение потенциальных политических конфликтов на уровне элит и общества. В социальной сфере — проблема предотвращения социальных расколов в обществе и адаптации «старых» элит к «новой» социальной реальности с учетом этноконфессионального многообразия. В культурно-духовной сфере — проблема переориентации идентификационной политики на российскую систему ценностно-смысловых и образно-символических координат.

В этом контексте возникает необходимость научного осмысления опыта социокультурной реинтеграции Республики Крым и города Севастополя в Российскую Федерацию, которая происходит с 2014 г. в условиях сложных геополитических реалий.

Целью исследования, результаты которого представлены в статье, является анализ влияния как исторически сложившихся, так и вновь формируемых образов «своих» и «чужих» на идентификационные процессы на территории Крымского полуострова, на формирование российской национально-государственной идентичности.

Современные подходы к исследованию процесса реинтеграции

Концептуальным основанием исследования является концепция реинтеграции территории, понимаемая как возврат территории, по каким-либо причинам ранее вышедшей из состава государства, обратно. В рамках политической науки термин «реинтеграция» может быть применен при исследовании объектов, способных осуществлять повторное вовлечение в себя ранее отторгнутых частей. Крым и Севастополь попадают под это определение в силу того, что в 1954 г. вышли из состава РСФСР, а через шестьдесят лет — вернулись в состав РФ. В контексте исследования идентичности нами была выделена такая специфическая черта реинтеграции (в отличие от интеграции как более широкого понятия), как наличие в массовом сознании своеобразной «памяти» о предшествующем периоде единства как факторе, влияющем на протекание процесс интеграции. В процессе конструирования идентичности фактор памяти играет важную роль.

Если попытаться выявить современные теоретические подходы к анализу процессов реинтеграции, можно обратить внимание, что исследований, посвященных специфике именно реинтеграции, чрезвычайно мало. Анализируя западный опыт, можно заметить, что основное внимание в нем уделяется тематике интеграции как процесса взаимодействия на уровне «государство—государство» в рамках Евросоюза. Кроме того, большинство исследователей, придерживающихся постструктуралистского подхода, в первую очередь обращают внимание на ее социально-экономические и политические аспекты [Marks 2012; Hooghe, Lenz, Marks 2019; Rosamond 2000] и в меньшей степени на проблемы, касающиеся самоидентификации¹.

Достаточно большая часть исследований, имеющих политико-психологическую ориентацию, направлена на поиск путей интеграции внутренних мигрантов в государствах Европы [Garcés-Mascareña, Penninx 2016; *Creating Transnational Conditions...* 2021].

В центре внимания прикладных исследований процесса реинтеграции европейских ученых находятся два кейса: вхождение Восточной Германии в состав ФРГ и начало процедуры вхождения Гонконга в состав КНР. Их авторы также анализируют экономические, политические и демографические факторы, реже обращаясь к политико-психологической стороне процесса [Lang 1999].

В контексте заявленной цели исследования следует также обратить внимание на работы российских ученых, посвященные теме вхождения Крыма и города Севастополя в состав Российской Федерации в 2014 г.

В российской социогуманитарной науке накоплен определенный опыт изучения процессов реинтеграции. Во-первых, это теоретико-методологические вопросы политической реинтеграции [Эбзеев 2010; Караткевич 2009]. Во-вторых, это анализ реинтеграции в международном контексте, в том числе и на постсоветском пространстве [Бабуханян 2021; Беляев, Подковальников, Чудинова 2021; Янчук 2019]. В-третьих, это внутривнутриполитические и социальные аспекты реинтеграции [Коломийцев 2013; Ядранский 2018; Труфанов 2018]. Как и в западноевропейских исследованиях, акцент в них сделан на экономические и социально-политические аспекты процесса реинтеграции. В то же время в последние годы появляется все больше публикаций, написанных по результатам исследований идентичности [Гапизов 2021; Баранов, Васюк 2022; Егорова 2019], в том числе отдельных этнических групп, в частности крымских татар [Мукомель, Хайкин 2016; Егорова 2019].

Методы исследования

Прикладная часть исследования проводилась в Севастопольском государственном университете в 2023 г.

¹ *Pentland C.Ch.* The Dimensions of Political Integration. M.A. Thesis. The University of British Columbia: 1966. P. 8–10.

В исследовании было использовано сочетание количественных и качественных методов сбора и анализа данных, поскольку первые позволяют зафиксировать состояние изучаемой проблемы в количественных показателях, а вторые — дают возможность выявить субъективные смыслы, неосознаваемые аспекты и социокультурные и психологические причины изучаемых явлений.

Анкетный опрос был направлен на исследование особенностей трансформации социальных идентичностей жителей Республики Крым и города Севастополя, их интеграции в пространство общероссийской национально-государственной идентичности. Опросный лист был составлен таким образом, чтобы включенные в него вопросы соответствовали системе заявленных параметров.

Для написания статьи был использован не весь массив данных опроса, а лишь часть заложенных в него параметров, имеющих отношение к вопросу об образах «своих» и «чужих» в сознании жителей регионов. Выводы, представленные в статье, были основаны на анализе следующих параметров исследования: образ пространства (территория); образ времени (прошлое); образы героев; образы «своих» и «чужих»; символы; а также часть вопросов посвященных этнической и конфессиональной самоидентификации граждан.

В структурном отношении в опросные листы были включены преимущественно закрытые вопросы, предполагающие разные техники работы (простой выбор, прямое ранжирование, проективные методики).

Опрос проводился по репрезентативной для двух регионов выборке. Всего было опрошено 2100 респондентов (700 жителей Севастополя и 1400 жителей Республики Крым). Была использована стратифицированная территориальная выборка, составленная в соответствии с квотным распределением по гендерному и возрастному признакам.

Результаты исследования

Анализ полученных данных позволяет говорить о некоторой размытости идентичности жителей Республики Крым и города Севастополя, определяющей неоднородность восприятия не только себя, но и своей страны, «своих» и «чужих» (друзей и врагов). Отвечая на вопрос «С кем Вы себя отождествляете?», большинство выбрало в качестве приоритетного ответа утверждение «со своей страной». Однако представленное большинство оказалось не так уж и велико, составив лишь 31,2%. Отождествление с регионом было актуально для 18,5% опрошенных, менее значимыми было отождествление себя с национальностью (8,9%), идеологией (7,6%), миром в целом (6,2%). Респонденты относили себя более всего к профессиональной группе (40,3%), к нации (27,3%), к религии (6,3%). Оценивая свою национальность, 83,4% опрошенных назвали себя русскими; 5,2% — татарами; 4,1 — украинцами; 0,8% — болгарами.

Готовность подтвердить свое позитивное отношение к «своим» нередко трактовалась респондентами через призму понятия патриотизм. Согласно опросу, патриотизм и любовь к Родине для наибольшего числа респондентов выражается в готовности гордиться победами предков (50,6%), беречь родные

языки (37,6 %). Обращали значительное внимание опрашиваемые и на готовность защищать слабых, стремиться к справедливости (32,8 %), бережно и уважительно относиться к традициям страны и ее народов (32,2 %). Быть причастным к великой культуре было менее значимо для респондентов, проживающих в Севастополе, они чаще говорили о необходимости соблюдать законы страны. Вопрос гражданского самоопределения также был актуален в большей мере жителям Севастополя (37 % против 26 % у жителей Республики Крым). Региональное самоопределение было более актуально для крымчан. Можно предположить, что формируемая национально-государственная идентичность жителей Республики Крым в большей мере опирается на символы культурной идентификации, объединения, чем на символы идентификации политической, гражданской.

Называя россиян «своими», респонденты при этом оценивали себя отличными от остальных (что вполне логично, но требует внимания в контексте процесса реинтеграции). Так, например, восприятие темы взаимоотношения народов на территории своего региона как более отличной от всей остальной России было характерно для жителей и Республики Крым, и города Севастополя. Респонденты чаще отмечали, что в их регионе народы имеют большую возможность сохранить свой язык, традиции и культуру (84,4 %), оценивая ситуацию в России по данному параметру, чаще упоминалось сомнение в возможностях этого (80,6 %). «Остальной России» респондентами чаще приписывались проблемы неравного доступа народов к экономическим ресурсам, несоблюдение равенства прав между народами «де-факто». Можно сделать вывод, что респонденты воспринимают свой регион более монолитным, единообразным с позиции культурных и социально-экономических характеристик, чем Россию, большую, более неоднородную, не до конца еще понятую.

Некоторая размытость представлений о «своих» заметна и по разбалансированным пространственным образам в сознании респондентов. Пытаясь описать пределы России, большая часть опрашиваемых указывала нынешние границы страны как приоритетные (50,3 %). Однако в ответах нередко наблюдалась тенденция сужения символистического пространства, заметное число респондентов говорили, что для них Россия ограничивается пределами места, где они живут (12 %) или пределами своего региона (9 %). До постсоветского пространства пределы России расширились в ответах 12,6 % опрошенных жителей Республики Крым и города Севастополя.

С какой эпохой отождествляют крымчане и севастопольцы свою историю? Оценить это нам позволили упоминания исторических событий, которые вызывали у опрашиваемых гордость и стыд. Следует отметить, что значительное число российских исторических событий вызывали гордость в оценках респондентов. Приоритетными здесь были события периода Великой Отечественной войны (54 %). Вторым по популярности событием, вызывающим гордость, была «Русская весна» (для 25 % севастопольцев и 12 % крымчан). Помимо этого, значимыми позитивными событиями называли шаги к освоению космоса, спортивные победы, принятие Русью православия, строительство крымского моста.

О чувстве разочарования и стыде респонденты говорили, вспоминая, прежде всего, распад СССР. Интересно, что для севастопольцев данная тема была менее значима, 20 % обратили внимание на это событие (в случае крымчан — 30 %), однако именно для них наиболее болезненно воспринимался факт «Хрущевского подарка» Украине (5 %), расстрел царя Николая II (11 %). Жители Республики Крым чаще вспоминали период сталинских репрессий и голодомор 1930-х гг. (7 и 3 % соответственно). 8,5 % отметили, что испытывают разочарование относительно СВО. Негативные эмоции испытывали респонденты и относительно Русско-японской войны и войны в Афганистане. Наблюдаемые различия в восприятии исторических событий севастопольцами и крымчанами могут быть обусловлены различиями в социальной мобильности жителей данных регионов, а также различиями в семейной исторической памяти. Жители Крыма чаще отмечали, что бережно относятся к семейным архивам, изучают историю семьи (30 % против 18 % Севастопольцев). Причины могут быть связаны и с характером социальной активностью жителей данных регионов, их политической субъектностью в новой и новейшей истории.

Рассмотрение феномена образов «своих» и «чужих» невозможно без оценки векторов восприятия респондентами места России в мире. Полученные данные позволили утверждать, что недоверие к другим странам в сфере международных отношений свойственно и крымчанам и севастопольцам. Данную тенденцию, однако, нельзя назвать специфичной. Скорее она соответствует тенденциям общероссийского восприятия. Тема масштаба, богатства ресурсов, самодостаточности России нередко сочетается с восприятием чужих как замотивированных, если и не на конфликт, то на конкуренцию с Россией. Данный тезис подтверждает тот факт, что 35,2 % респондентов, выполняя проективное задание, в качестве важнейшего выбрали утверждение: *«Во всем свете у нас только два верных союзника — наша армия и флот. Все остальные, при первой возможности, сами ополчатся против нас».*

Отвечая на открытый вопрос, респонденты называли врагами России прежде всего США (57,9 %), Украину (17,6 %), Европу (12,2 %), реже упоминались конкретные страны Запада — Великобритания, Польша, Германия. Сопоставление результатов исследования с эмпирическими данными, полученными в результате общероссийского исследования, проведенного в рамках проекта «Представления граждан России о сценариях будущего развития страны» в ИНИОН РАН, позволяет говорить о более осторожных, умеренных оценках других стран относительно статуса «свой—чужой». Респонденты, проживающие в Республике Крым и городе Севастополе, реже готовы говорить о вражеской роли других стран (см. табл. 1). Сопоставление данных позволило утверждать, что Латвия и Литва подвергаются более пристальному вниманию со стороны крымчан и севастопольцев, чем в целом по России. Наблюдаемая осторожность в оценках может быть вызвана менее тесными контактами жителей Крыма и Севастополя с представителями европейских стран, особенностями территориального расположения и их меньшей включенностью в текущий

внешнеполитический и медийный контекст, в котором происходит формирование современных политических оценок и взглядов в сфере международных отношений.

Согласно результатам опроса, Россия должна стремиться к сотрудничеству, прежде всего, с Китаем (46,0 %), Белоруссией (10,7 %), Индией (8,8 %), Японией (6,9 %), Турцией (6,7 %), КНДР (6,2 %), Германией (2,8 %), Казахстаном (2,7 %). К приоритетным для сотрудничества международным объединениям прежде всего относили СНГ (3,7 %) и БРИКС (2,3 %). Можно предположить, что данный перечень связан с коммуникативной стороной политического дискурса в разные периоды политической социализации респондентов.

Складывается впечатление, что риски распрей внутри страны, опасность радикального национализма пугают опрошенных не менее (а в некоторых случаях и более), чем внешнеполитические угрозы. «Свои» находятся сейчас в фокусе внимания крымчан и севастопольцев. Их сплоченность необходимо беречь, о климате внутри сообщества «своих» беспокоиться. Результаты исследования предоставляют возможность говорить о том, что неосознанно именно внутренние раздоры респонденты относят к важнейшим опасностям. Выполняя проективное задание, 39,4 % отметили в качестве приоритетного утверждение: *«Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать; по крайней мере, этого нельзя сделать... силами современных европейских государств... Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием внутренних».*

Таблица 1

Ответы на вопрос «Есть ли у России враги? Если да, то кто?» опрашиваемых в 2023 г. в Крыму и Севастополе по отношению к респондентам в остальной России, %

Вариант ответа: страна, воспринимаемая в качестве врага	Респонденты из Крыма и Севастополя	Респонденты из остальной России
США	57,9	61,1
Украина	17,6	28,9
Великобритания	8,5	16,7
Польша	7,1	11,1
Германия	2,6	9,4
ЕС	6	8,9
Европа	12,2	7,2
Франция	2,4	6,7
НАТО	9	5,6
Западные страны	1,3	5
Канада	0,2	3,9
Китай	0,4	2,2
Латвия	2,5	0
Литва	3	1,6

Источник: составлено авторами на базе проведенного исследования.

Answers to the question “Does Russia have enemies? If so, who?” of respondents in Crimea and Sevastopol in 2023 in relation to respondents in the rest of Russia, %

Answer option: a country perceived as an enemy	Respondents from Crimea and Sevastopol	Respondents from other territories of Russian Federation
USA	57.9	61.1
Ukraine	17.6	28.9
Great Britain	8.5	16.7
Poland	7.1	11.1
Germany	2.6	9.4
EU	6	8.9
Europe	12.2	7.2
France	2.4	6.7
NATO	9	5.6
Western countries	1.3	5
Canada	0.2	3.9
China	0.4	2.2
Latvia	2.5	0
Lithuania	3	1.6

Source: compiled by the authors.

На осознаваемом уровне восприятия респонденты демонстрируют скорее отстраненное отношение к теме межнациональных/межэтнических взаимодействий. Отвечая на вопрос «*В какой форме Вы готовы принять присутствие людей другой национальности и культуры в вашей жизни?*», опрошиваемые чаще всего отмечали свое равнодушие (ответ «мне все равно» — 33,1 %). Готовность принять людей других национальностей в качестве своих друзей, коллег была актуальна для 23,8 %, соседями готовы их были видеть 26,8 % опрошенных крымчан и севастопольцев. Разобщают народы, по мнению респондентов, политика, религия (более актуально для Крыма), национализм, и разрозненность взглядов.

Полученный проективный материал позволил заметить позитивную оценку дружественного отношения россиян к соседям, стремление к договору, консолидации. 39,5 % опрошенных выбрали приоритетным утверждение: «*Надо отдать должное уму и такту наших предков... Они относились к окрестным народам как к равным, пусть даже непохожим на них. И благодаря этому они устояли в вековой борьбе, утвердив как принцип не истребление соседей, а дружбу народов*» (самый популярный выбранный вариант ответа). К главным объединяющим народы факторам сейчас респонденты отнесли, прежде всего, историю, территорию, культуру, любовь к родному региону. Тема патриотизма была более значима для севастопольцев, а территориальная общность как стабилизирующий фактор чаще упоминалась крымчанами.

Выводы

Анализ полученных в исследовании данных позволяет сделать некоторые общие выводы об особенностях социальной идентичности жителей Республики Крым и города Севастополя и о месте в ее формировании образов «своих» и «чужих».

Результаты исследования позволяют говорить о том, что жители этих регионов в целом стремятся воспринимать свой регион как часть российского пространства, видят остальных россиян «своими». Вопрос социокультурного сплочения называется в качестве актуального. Идентификация со «своими» — своим народом, своей историей, своей культурой и традициями — у большинства респондентов лежит в основе представлений о патриотизме. Еще одним фактором, выделяемым респондентами, является своеобразная гордость своей территорией, богатой ресурсами и позволяющей быть самодостаточными. Можно отметить, что формирование и российской национально-государственной идентичности и российского патриотизма опирается в большей степени на символы, связанные с историей и культурой, чем на политическую или гражданскую самоидентификацию. Чуть в большей степени эта тенденция проявляется у жителей Республики Крым, но сама тенденция в целом сохраняется.

При наличии общей тенденции к формированию российской идентичности обращает на себя внимание склонность к регионоцентричному восприятию страны. Об этом свидетельствуют системы пространственных и временных (исторических) образов. В ответах наблюдается сужение символического пространства России, хотя и характерное не для большинства, но для значимой части респондентов. Что касается истории, то, если Великая Отечественная война находится на первом месте для большинства респондентов, то из остальных исторических событий они выделяли те, которые непосредственно коснулись «своих», своего региона. В этом контексте второе место по значению занимает возвращение Крыма и Севастополя в состав Российской Федерации («Русская весна»). Интересно, что в других регионах России чаще встречается словосочетание «крымская весна». Таким образом крымчане и севастопольцы подчеркивают значимость для них самого факта присоединения к России. В качестве события, вызывающего разочарование, помимо распада СССР, они называли передачу Крыма Украине («хрущевский подарок»). При этом более значимым это событие было названо жителями Севастополя. Можно предположить, что здесь имеет значение сложный для жителей опыт существования Севастополя в качестве части Украины и одновременно базы российского флота.

Жители Республики Крым и города Севастополя всерьез озабочены сохранением единства и сплоченности среди граждан России, которых они идентифицируют в качестве «своих». При этом большинство из респондентов считают, что наиболее значимыми факторами этого сплочения являются общая территория, история, культура и любовь к родному региону. То есть определенная часть под сплоченностью понимает сплоченность на региональном уровне, связанная,

прежде всего, с территорией, что особенно значимо для респондентов крымчан. В качестве враждебных большинство воспринимает не конкретных «чужих», а всё (в том числе и людей), связанное с политикой, религией и национализмом (скорее как политическим явлением). При этом к представителям других национальностей отношение в целом нейтральное — не как к враждебным «чужим», а к безразличным «другим».

В целом образ «чужих» связан для жителей Республики Крым и города Севастополя, прежде всего, с зарубежными государствами. При этом сравнение с результатами аналогичных исследований по Российской Федерации в целом позволяет говорить, что в исследуемых регионах образ «чужого» по отношению к большинству этих государств менее конкретизирован (например, большинство называет Европу в целом) и менее эмоционально окрашен. Другие государства воспринимаются именно как «чужие», «другие», а не очевидные враги. Ближе к образу опасного врага находятся США, Украина и уже названная обобщенная Европа. Остальные чаще ассоциируются с конкурентами. Одновременно часть респондентов обращает внимание на дружественные отношения с соседями, скорее абстрактными, чем конкретизированными. Можно предположить, что подобное восприятие зарубежных государств является следствием более слабых контактов жителей территорий с зарубежными государствами или их представителями, а также может быть связано с уже упоминавшимся своеобразным регионоцентризмом.

Таким образом, можно еще раз подчеркнуть наличие некоторых разнонаправленных тенденций в процессе формирования российской национально-государственной идентичности. С одной стороны, желание жителей Республики Крым и города Севастополя идентифицировать свои регионы с Россией как страной с единой историей, культурой и традицией, с другой — тенденцией, часто до конца не осознаваемой, выделить, подчеркнуть особую значимость своей территории как в истории, так и в современном пространстве Российской Федерации.

Поступила в редакцию / Received: 11.12.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 23.01.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2024

Библиографический список

- Бабуханян А.Б.* Евразийская цивилизация: идеология, реинтеграция и развитие // *Международная жизнь*. 2021. № 12. С. 38–43.
- Баранов А.В., Васюк С.В.* Этнические и профессиональные отношения как фактор этнополитического процесса в Крыму (по материалам опросов) // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2022. № 15 (4). С. 88–96. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-4-88-96>

- Беляев Л.С., Подковальников С.В., Чудинова Л.Ю. Электроэнергетическая реинтеграция России со странами Центральноазиатского и каспийского регионов // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2021. № 1 (35). С. 32–43. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-01-32-43>
- Гапизов З.Р. Цивилизационный идентитет населения Крыма как фактор интеграции в российское пространство // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 85. С. 189–210. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-85-189-210>
- Егорова Л.Г. Крымская идентичность в медийной картине мира // Вопросы теории и практики журналистики. 2019. Т. 8, № 2. С. 373–387. [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8\(2\).373-387](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8(2).373-387)
- Караткевич А.Г. Реинтеграция как фактор социотрансформации и противовес глобализации // Этносоциум и межнациональная культура. 2009. № 5 (21). С. 80–89.
- Коломийцев Е.С. Реинтеграция субъектов Российской Федерации на Северо-Кавказе: политический аспект // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2013. № 3 (36). С. 359–368.
- Мукомель В.И., Хайкин С.Р. Крымские татары после «Крымской весны»: трансформация идентичностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2016. № 3. С. 51–68. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.04>
- Труфанов А.Ю. Реинтеграция Крыма в Россию. Взгляд из провинции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4 (70). С. 258–259.
- Эбзеев А.А. Политическая реинтеграция: методологические и теоретические проблемы // Власть. 2010. № 2. С. 68–71.
- Ядранский Д.Н. Групповая и индивидуальная реинтеграция в Россию: сравнительный анализ жизненных стратегий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4 (70). № S2. С. 325–330.
- Янчук В.А. Реинтеграция Республики Беларусь и Российской Федерации в Союзное государство: этапы и противоречия политического и экономического взаимодействия // Право. Экономика. Психология. 2019. № 2 (14). С. 60–68.
- Creating Transnational Conditions for Return and Reintegration // Avenir Suisse fifth Annual Think Tank Summit: “Migration Policies towards Refugees and Asylum Seekers and Their Impact on the Labour Market, Social Systems and on National Security”. International Centre for Migration Policy Development, 2021.
- Garcés-Mascareña B., Penninx R. (Ed.) Integration Processes and Policies in Europe. Contexts, Levels and Actors. Springer, 2016.
- Hooghe L., Lenz T., Marks G. A Theory of International Organization, Oxford: Oxford University Press, 2019.
- Lang C. Ostdeutsche Befindlichkeiten ein Jahrzehnt nach der Wende — Ambivalente Spuren des Umbruchs // Wirtschaft im Wandel. 1999. No. 16. S. 4–9.
- Marks G. Europe and its empires: from Rome to the European Union // Journal of Common Market Studies. 2012. Vol. 50, no. 1. P. 1–20.
- Rosamond B. Theories of European Integration. New York: St. Martin’s Press, 2000.

References

- Babukhanyan, A.B. (2021). Eurasian civilization: ideology, reintegration, and development. *The International Affairs*, 12, 38–43. (In Russian).
- Baranov, A.V., & Vasyuk, S.V. (2022). Ethnic and confessional relations as a factor in the ethnopolitical process in Crimea (based on survey materials). *Bulletin of Perm University. Political science*, 15(4), 88–96. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2021-4-88-96>

- Belyaev, L.S., Podkovalnikov, S.V., & Chudinova, L.Yu. (2021). Electric power reintegration of Russia with the countries of the Central Asian and Caspian regions. *Eurasian integration: Economics, law, politics*, 1(35), 32–43. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2021-01-32-43>
- Creating, Transnational Conditions for Return and Reintegration* (2021). Avenir Suisse fifth Annual Think Tank Summit: “Migration Policies towards Refugees and Asylum Seekers and Their Impact on the Labour Market, Social Systems and on National Security”. International Centre for Migration Policy Development.
- Ebzeev, A.A. (2010). Political reintegration: Methodological and theoretical problems. *Vlast'*, 2, 68–71. (In Russian).
- Egorova, L.G. (2019). Crimean identity in the media picture of the world. *Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 8(2), 373–387. (In Russian). [https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8\(2\).373-387](https://doi.org/10.17150/2308-6203.2019.8(2).373-387).
- Gapizov, Z.R. (2021). Civilizational identity of the population of Crimea as a factor of integration into the Russian space. *Public Administration. E-journal (Russia)*, 85, 189–210. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-85-189-210>
- Garcés-Mascareña, B., & Penninx, R. (Ed.) (2016). Integration processes and policies in Europe. *Contexts, Levels and Actors*. Springer.
- Hooghe, L., Lenz, T., & Marks, G. (2019). *A Theory of International Organization*. Oxford: Oxford University Press.
- Karatkevich, A.G. (2009). Reintegration as a factor of sociotransformation and a counterweight to globalization. *Ethnosocium and interethnic culture*, 5(21), 80–89. (In Russian).
- Kolomiytsev, E.S. (2013). Reintegration of the constituent entities of the Russian Federation in the North Caucasus: Political aspect. *Caspian region: politics, economics, culture*, 3(36), 359–368. (In Russian).
- Lang, C. (1999). Ostdeutsche Befindlichkeiten ein Jahrzehnt nach der Wende — Ambivalente Spuren des Umbruchs. *Wirtschaft im Wandel*, 16, 4–9.
- Marks, G. (2012). Europe and its empires: from Rome to the European Union. *Journal of Common Market Studies*, 50(1), 1–20.
- Mukomel, V.I., & Khaikin, S.R. (2016). Crimean Tatars after the “Crimean Spring”: Transformation of identities. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 3, 51–68. (In Russian). <https://doi.org/10.14515/monitoring.2016.3.04>
- Rosamond, B. (2000). *Theories of European Integration*. New York : St. Martin’s Press.
- Trufanov, A.Yu. (2018) Reintegration of Crimea into Russia. A view from the province. *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology*, 4(70), 258–259. (In Russian).
- Yadransky, D.N. (2018) Group and individual reintegration into Russia: Comparative analysis of life strategies. *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology*, 4(70), S2, 325–330. (In Russian).
- Yanchuk, V.A. (2019) Reintegration of the Republic of Belarus and the Russian Federation into the Union State: stages and contradictions of political and economic interaction. *Law. Economy. Psychology*, 2(14), 60–68. (In Russian).

Сведения об авторах:

Евгеньева Татьяна Васильевна — кандидат исторических наук, профессор кафедры политологии, факультет политических наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, доцент кафедры социологии и психологии политики, факультет политологии, МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: etv133@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-4711-5476)

Смутькина Наталья Валентиновна — кандидат политических наук, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: smulkina@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6691-5372)

About the authors:

Tatiana V. Evgenyeva — Candidate of Historical Science, Professor of the Department of Political Science, Faculty of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation; Associate Professor of the Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: etv133@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-4711-5476)

Natalia V. Smulkina — Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: smulkina@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6691-5372)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-306-324

EDN: MYRGAC

Научная статья / Research article

Воображая российскую нацию: кто, с точки зрения жителей России, является частью российского общества и можно ли стать его частью?

Е.А. Варшавер^{1, 2, 3} , Н.С. Иванова^{1, 2} , Т.Д. Егорова²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Российская Федерация

² Группа исследований миграции и этничности, Москва, Российская Федерация

³ Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, Москва, Российская Федерация

 varshavere@gmail.com

Аннотация. Представлены результаты исследования, посвященного представлениям жителей России о членстве в российской нации/российском обществе. Эти представления были эксплицированы посредством интервью (100) и фокус-групп (40), проведенных в 5 регионах России. Основным методологический прием исследования состоял в том, что вопросы задавались о членстве в российском обществе и возможности вступления в него разного типа мигрантов, и за счет ответа на этот вопросы эксплицировались представления о принципах членства в российской нации/российском обществе в целом, в том числе применительно к тем, в отношении кого этот вопрос обычно не ставится. Согласно результатам, есть два типа членства: «органическое» и «приобретенное». «Органическое» членство атрибутируется общественным сознанием тем, кто родился в России и/или чьи родственники по восходящей линии родились в России. Последняя характеристика часто обобщается с помощью национальных категорий, в результате чего наиболее типичным членом российского общества является русский, родившийся в России, однако в «органическом» членстве в российском обществе не отказывается и представителям «народов России». Они, впрочем, являются менее типичными представителями российского общества. Эта совокупность конструктов, кроме того, различается в «национальных» регионах России и не имеющих такой специфики. «Приобретается» членство в российском обществе посредством удовлетворения ряду критериев, в частности — знание российской (и/или региональной) культуры, желание принадлежать к российскому обществу и проч. Можно, однако, совершить по-разному понимаемый подвиг и не соотнобразовываться с этими критериями. Люди с «приобретенным» членством, кроме того, могут перестать быть частью российского общества, что

© Варшавер Е.А., Иванова Н.С., Егорова Т.Д., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

практически исключено в случае «органических» членов, если только они не совершат «предательство». Результаты помещаются в контекст исследований гражданства, и делается предположение, что описанные в статье конструкты являются источником института гражданства, а не наоборот, а также в контекст когнитивного поворота, происходящего в настоящий момент в исследованиях этничности.

Ключевые слова: этничность, нация, конструктивизм, воображение, российское общество

Благодарности: Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда (проект РНФ № 22-78-10038) «Когда мигранты становятся местными? Представления об интеграции мигрантов, распространенные среди представителей принимающего общества». Авторы статьи выражают благодарность Ю.В. Гупаловой, А.А. Орловой и И.С. Савину за участие в сборе данных; сотрудникам Центра гуманитарных исследований Министерства культуры Республики Башкортостан Р.М. Каримовой и Р.Р. Яппаровой, доценту Исторического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова А.И. Яковлеву и доценту кафедры социологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова В.В. Загребину за помощь с организацией сбора данных.

Для цитирования: Варшавер Е.А., Иванова Н.С., Егорова Т.Д. Воображая российскую нацию: кто, с точки зрения жителей России, является частью российского общества и можно ли стать его частью? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 306–324. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-306-324>

Imagining the Russian Nation: Who, According to the Residents of Russia, Constitute Russian Society, and Can an Outsider Become its Member?

Evgeni A. Varshaver^{1,2,3} , Nataliya S. Ivanova^{1,2} , Tatiana D. Egorova²

¹ *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation*

² *Group for Migration and Ethnicity Research, Moscow, Russian Federation*

³ *Higher School of Economics University, Moscow, Russian Federation*

 varshavere@gmail.com

Abstract. This article presents the outcomes of a study that investigates the perceptions among residents of Russia regarding their membership in the Russian nation or society. The study employs interviews (100) and focus groups (40), carried out across five regions of Russia, as its primary data collection methods. The key methodological approach was to pose questions about societal membership and the integration of various migrant types into Russian society, thus revealing underlying beliefs about the criteria for belonging to the Russian nation or society. This approach was especially insightful for understanding perceptions about groups that are typically not questioned about their societal membership. The study identifies two distinct types of societal membership: “organic” and “acquired”. Organic membership is socially ascribed to individuals born in Russia or those with ancestors born in Russia. This category often overlaps with national identity, rendering ethnic Russians born in Russia the quintessential members of Russian society. However, organic membership is not exclusively reserved for ethnic Russians; it extends to other ethnic groups considered part of “the peoples

of Russia”, though they are seen as less typical members. Interestingly, the perception of these membership categories varies between regions with distinct national identities and those without such distinctions. Acquired membership, on the other hand, is contingent upon fulfilling specific criteria, such as familiarity with Russian (or regional) culture and a desire to be part of Russian society. Exceptionally, notable achievements can override these criteria. Unlike organic members, individuals with acquired membership can lose their societal status, except in cases of betrayal, which is nearly impossible for organic members. The findings are contextualized within citizenship studies, positing that the described constructs serve as a foundation for the institution of citizenship rather than the converse. Additionally, the study contributes to the ongoing cognitive turn in ethnicity research, offering new insights into the conceptualization of national and societal belonging.

Keywords: ethnicity, nation, constructivism, imagination, Russian society

Acknowledgements: The study is supported of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-78–10038) “When do migrants become local? Ideas about the integration of migrants, common among representatives of the host society.” The authors of the article express their gratitude to Yu.V. Gupalova, A.A. Orlova and I.S. Savin for their participation in data collection; to the staff of the Center for Humanitarian Studies of the Ministry of Culture of the Republic of Bashkortostan R.M. Karimova and R.R. Yapparova, Associate Professor of the Faculty of History of the Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov A.I. Yakovlev, and Associate Professor of the Department of Sociology of Yaroslavl State University The University named after P.G. Demidov V.V. Zagrebin for help with the organization of data collection.

For citation: Varshaver, E.A., Ivanova, N.S., & Egorova, T.D. (2024). Imagining the Russian nation: Who, according to the residents of Russia, constitute Russian society, and can an outsider become its member? *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 306–324. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-306-324>

Введение

Хотя долгое время исследования этничности и исследования национализма развивались параллельно, почти не пересекаясь, теория этничности «после когнитивного поворота» [Brubaker, Loveman, Stamatov 2004] все отчетливее приходит к тому, что в той мере, в какой этничность — это классификаторный феномен, национальное — это этническое на глобальном уровне, или, проще говоря, нации — это те же этнические категории, но классификация, в рамках которых они существуют, носит глобальный характер и очерчивает все человечество [Wimmer 2013].

В этой связи значительный инструментарий, накопленный в исследованиях этничности, оказывается возможно «опрокинуть» и на «нации», которые до настоящего момента изучаются преимущественно в группистском ключе. Даже при том, что символом конструктивизма в исследованиях этничности является работа «Воображаемые сообщества» Б. Андерсона, посвященная нациям и национализму, до сих пор в их фокусе редко оказывается процесс и результат категоризации (а значит — и правила, согласно которым осуществляются эти категоризации), а типичным их объектом являются коллективные *imaginaries*

некоторого фиксируемого и редко обсуждаемого множества людей, «осознающих» свою «общность» посредством разного рода инструментов (классическая триада «перепись — карта — музей»). Однако представление о том, что такие *imaginaries* могут существовать только в связи с такими же *imaginaires* относительно «соседних» наций и что все эти образы — наряду с образами, в которых эти нации рядопологаются, среди которых флаги, развевающиеся над штаб-квартирой ООН, или чемпионат мира по футболу, — присутствуют в литературе, посвященной национализму, значительно реже.

Когнитивный, классификаторный поворот в исследованиях этничности применительно к нациям и национализму позволяет, кроме того, изменить ракурс на такое явление, как членство в нации, которое в литературе чаще всего оказывается тождественно гражданству, однако в той мере, в какой этничность — это перманентное классифицирование людей, и, соответственно, «скрипты» и представления, позволяющие отнести одних людей к одной категории, а других к другой — переописывается и природа членства в национальных категориях. В этом ракурсе это не гражданство как таковое, а вернакулярные представления людей о членстве в национальных категориях, о природе этого членства, а также о правилах его «выдачи» и «отзыва».

В этой статье — на обширном полевом материале — демонстрируются коллективные представления жителей России о членстве в российской нации/российском обществе, при этом основным инструментом, посредством которого эти представления выявлялись, стали вопросы про мигрантов и их возможность «стать частью российского общества». Такой — оригинальный — подход позволил идентифицировать до того редко обсуждавшиеся в российской литературе на эту тему представления простых людей о границах российского общества, правилах в нем нахождения и — в конечном счете — о его природе. Этот подход до того не использовался в таком преломлении в связи с тем, что напрямую задавать такие вопросы бессмысленно, и только косвенные вопросы типа: «Может ли мигрант с такими-то характеристиками стать частью российского общества и что ему для этого надо?» — позволяют пролить свет на этот вопрос.

В целом, таким образом, переописание национального как классификаторного феномена (что сразу же ставит вопрос о правилах отнесения к той или иной категории и — эмпирически — «тянет за собой» вопрос включения мигрантов в общество) является теоретико-методологической инновацией в исследованиях «российской национальной идентичности». Ниже будет представлен более подробный теоретический контекст и, в частности, будет описан идущий в данный момент когнитивный поворот в исследованиях этничности, переописывающий объект исследований и стягивающий в единую рамку племена, этнические группы, расы и нации, затем описана методология исследования, осуществленного в 5 регионах России методами глубинного интервью (100) и фокус-групповой дискуссии (40), затем приведены основные результаты и описаны представления людей о российском обществе, затем — показано, как эти результаты ложатся в канву соответствующих

международных исследований, и продемонстрировано, что представления о российской нации на международном фоне — достаточно гибкие и инклюзивные.

Перед этим, однако, необходимо сделать одно теоретико-методологическое пояснение, объясняющее, почему в статье понятия «российское общество» и «российская нация» концептуально рядопологаются и синонимизируются. Согласно используемому подходу, который будет подробно описан в следующих разделах, современная социальная наука постепенно отказывается от концептуализации социальных агрегатов, вставая на позиции так называемого методологического индивидуализма. В результате такие понятия, как «нация» и «общество», перестают использоваться в научных описаниях реальности и из концептуального объекта исследования переходят в разряд элемента изучаемой дискурсивной реальности. Иначе говоря, ранее социальные науки изучали нации и общества как реально существующие вещи, теперь они изучают их как элементы описания реальности простыми (и непростыми) людьми. Согласно результатам пилотной части исследования, для информантов идеи нации и общества были в значительной степени рядоположены, использовались взаимозаменяемо и очерчивали сходный круг менее абстрактных явлений. При этом, в сравнении с «российской нацией», словосочетание «российское общество» им было понятнее и было в большей степени «вплетено» в их описания реальности. В той мере, в какой было необходимо принять решение об одном словосочетании, которое должно было стать триггером для обсуждения, — было решено использовать словосочетание «российское общество». Это, однако, не означало, что обсуждается именно «российское общество» — это означало, что обсуждается семантическое поле, описывающее разнообразные идеи вокруг элементов глобальной классификации по обществам/странам/нациям, и именно в этом и состоит базовый, сознательный теоретико-методологический принцип, который используется в этой работе. В этой же связи используется категория «членства». В той мере, в какой информанты и участники фокус-групп в понятном для себя режиме говорили об «обществах», в той же мере они — в режиме взаимозаменяемости — говорили о возможности стать «членом»/«частью» российского общества. Этот вернакуляр был включен в гайд интервью, вокруг него строилось обсуждение, и затем — он был вынесен в название.

Теоретическая рамка и обзор литературы

Долгое время исследования национализма и этничности лежали в разных теоретических и дисциплинарных плоскостях, и атеоретичный ассоциативный ряд связывал первые с государством, а вторые — с внутригосударственными различиями. В некотором смысле эти явления стали пересекаться в связи с работами Энтони Смита, заявившего об «этнических корнях наций», однако это не было теоретической конвергенцией в полном смысле

слова [Smith 1986]. В этот период, кроме того, и в том и в другом направлении исследований доминировал группистский подход, в рамках которого в качестве объекта исследования заявлялись по-разному называемые общности — нации или этнические группы. Конструктивистский подход в социологии, связываемый в первую очередь с именами Джорджа Герберта Мида [Mead 1934], Питера Бергера и Георга Лукманна [Бергер, Лукман 1995], однако, во-первых, напрямую восходящий к классической европейской социологии начала XX в., а во-вторых, являющийся производной от работ целого сонма послевоенных социологов (самым крупным из которых можно считать Пьера Бурдьё [Bourdieu 2018]), стал проникать в исследования этничности и национализма начиная с 1960-х. В рамках исследований этничности ключевой фигурой стал норвежский антрополог Фредрик Барт [Barth 1998], выпустивший в 1969 г. сборник статей «Этнические группы и границы», для вторых сакраментальным стал 1983 г., когда вышло целых три крупные работы, посвященные нациям и национализму и написанные с конструктивистских позиций: «Нации и национализм» Эрнста Геллнера [Геллнер 1991], «Изобретение традиции» Эрика Хобсбаума и Теренса Рейнджера [Hobsbawm, Ranger 2012], но прежде всего «Воображенные сообщества» Бенедикта Андерсона [Anderson 2006].

В этих исследованиях в фокусе оказывались механизмы и способы воображения этнических общностей и прежде всего — в русле дюркгеймианской традиции — символы, вокруг которых организовано это воображение. Позже в социологический обиход вошел концепт *imaginary*, до настоящего момента не переведенный адекватным образом на русский язык, но обозначающий объекты разного рода, посредством которых воображаются общности, лучшей иллюстрацией (и, скорее всего, источником) чего стала известная «триада» Андерсона: перепись, карта, музей. Нации в этой логике существовали, однако, в отрыве одна от другой и таким образом и изучались. Работы Роджерса Брубекера [Brubaker 2006], опубликованные в начале 2000-х, а также его последователей [Wimmer, Glick Schiller 2002] заставили проблематизировать объект исследований этничности и национализма.

Если нации и этнические группы — плод воображения, не являемся ли мы «рабами» этого воображения и не следует ли сместить фокус на другие, более существенные вещи. Какие? Рецепт был найден в когнитивных исследованиях, по многим важным вопросам сходящихся с социологическим конструктивизмом. В фокус исследований оказались помещены категории и сам процесс категоризирования [Brubaker, Loveman, Stamatov 2004], который — за счет действия социальной машинерии — реифицирует, овеществляет для человеческого сознания продукты категоризации и люди начинают «верить» в нации и этнические группы. Последние 15 лет все больше крупных ученых из области социальных наук на этих основаниях приходят к выводу, что не существует отдельной этнической, национальной или расовой реальности, а существует перманентная категоризация других людей по типам, которая по-разному в разных местах и контекстах

институционализируется, а результаты этой классификации оказываются доступны под разными «лейблами»: нации, этнические группы, расы и проч. [Wimmer 2013; Chandra 2012]. В общий фокус же исследований должны быть помещены как процесс категоризирования, так и категоризация как его результат. В том числе в этом и состоит «когнитивный поворот», частью провозглашенный, частью — диагностированный Брубекером, который концептуализируется сейчас и в российской науке [Варшавер 2023]. Когнитивный поворот в исследованиях этничности позволяет обратить внимание на до того находившиеся в тени явления. Одно из этих явлений — правила членства в этнических категориях, и в частности в нациях. До того эти вопросы ставились в области, которую можно обозначить как исследования гражданства [Isin, Turner 2002], и, фокусируясь на формальных правилах членства, эти исследования почти не касались представлений рядовых членов общества о природе и критериях этого членства. В той мере, однако, в какой этничность — это категоризация, в которую призваны поверить и которую призваны научиться осуществлять простые люди, поскольку именно наличие тех или иных представлений в их сознании и является индикатором существования тех или иных феноменов — именно эти, вернакулярные, представления и должны стать приоритетным объектом анализа. А в той мере, в какой этничность — это классификаторный феномен, в фокус должны быть помещены вернакулярные представления о членстве, потому что именно они и руководят реальным, а не формальным отнесением людей к нации или отказу от квалификации людей в качестве ее членов. Исследования, которые бы следовали этой логике, в международной науке встречаются редко, в российском же поле — богаты на исследования в том числе и представлений о российской нации [Тишков 2008; Дробижева 2020], выполненные в конструктивистском ключе, — исследований вернакулярных концепций членства в нации обнаружить не удалось. Этим объясняется новизна осуществленного исследования.

Методология исследования

Ключевой методологический ход исследования состоял в том, чтобы для исследования представлений «местных» о природе и критериях членства в российской нации — обратиться к их представлениям об интеграции мигрантов в российское общество. Расчет состоял в том, что разговоры о возможности членства в обществе мигрантов неизбежно выйдут на тему членства в обществе вообще, что эти представления будут, как минимум частично, «фреймированы» в национальных терминах, и таким образом можно будет реконструировать разнообразие представлений о нации и членстве в ней. Этот подход контрастирует с в основном используемыми подходами для исследования вернакулярных концепций национального, где в фокусе находятся различные символы, организующие представление о нации простых людей.

Исследование было осуществлено в 5 регионах России, методами, использовавшимися для сбора данных, были интервью и фокус-групповые дискуссии, работа с уже собранными данными осуществлялась посредством осевого кодирования и дискурс-анализа. Всего было собрано 100 интервью и проведено 40 фокус-групповых дискуссий. Регионы, включенные в исследование, были следующие: Москва, Ярославская область, Свердловская область, Республика Саха (Якутия) и Республика Башкортостан. Выборка регионов осуществлялась исходя из предполагаемых различий в представлении о членстве в российской нации между многонациональной столицей, регионами, в которых численно и символически доминирует русское население, и «национальными» регионами. Внутри региона осуществлялась выборка населенных пунктов, в рамках которой в модельном случае бралась столица, малый город и сельский населенный пункт.

Информанты для интервью и участники фокус-групп рекрутировались разными способами — через интернет, с помощью рекрутеров, методом «снежного кома», а также на улицах и в торговых центрах. Для их отбора использовались квотный метод (пол, возраст, этническая идентификация), а также метод максимального разнообразия по указанным и иным критериям. Среднее количество участников фокус-групп составило 8 человек, средняя длительность фокус-группы составила 93 минуты, средняя длительность интервью составила 25 минут.

Гайд интервью и сценарий фокус-групп тематически совпадали. Среди ключевых тем, присутствовавших как в интервью, так и в фокус-группах, были, во-первых, отношение к мигрантам, во-вторых, возможность включения в российское общество новых членов, в-третьих, атрибуты, которые облегчают/осложняют/делают невозможным такое включение, в-четвертых, правила и «маршруты» такого включения. Кроме того, информантам предлагались виньетки — «портреты» людей, в отношении которых нужно было вынести суждения, является ли изображенный на них частью российского общества и почему.

Все интервью фиксировались на аудионоситель, все фокус-групповые дискуссии фиксировались на видео- и аудионосители, все записи транскрибировались. Транскрипты были перенесены в программу для анализа качественных данных Atlas, в этой программе была создана система кодов, позволявшая выделять тематические фрагменты. Фрагменты анализировались авторами статьи, и ниже представлены результаты этого анализа.

Перед тем как перейти к описанию результатов, однако, необходимо сделать важное теоретико-методологическое замечание. Само по себе словосочетание «российская нация» является менее распространенным элементом актуального дискурса интервьюируемых, чем словосочетание «российское общество». В случае когда «российская нация» оказывалась в языке информантов, это понятие и понятие «российское общество» оказывались рядоположены и взаимозаменяемы примерно в следующем ключе: *«То есть, что значит влиться в российское общество? Стать частью, наверное, российского социума, российской нации» (м, 24, Дуртюли, РБ).*

В результате гайд интервью и сценарий фокус-групповой дискуссии строились вокруг словосочетания «российское общество». Это оказалось хорошим решением: сочетание «российского общества» и «мигрантов» в формулировке проблемы в большинстве случаев этнизировало дискуссию и позволяло напрямую и в удобном для информантов ключе выйти на вопросы членства в российской национальной категории. Последняя, однако, в языке информантов могла звучать по-разному — «россияне», «русские» и проч. Это было ожидаемо — и из теоретических соображений, в рамках которых люди общаются посредством символов (в частности — слов), которые означают разное для разных людей, однако это не является ограничением для коммуникации, и из соображений эмпирических — в российском контексте нет урегулированности терминологического ряда, связанного с обозначением российской общности/общества.

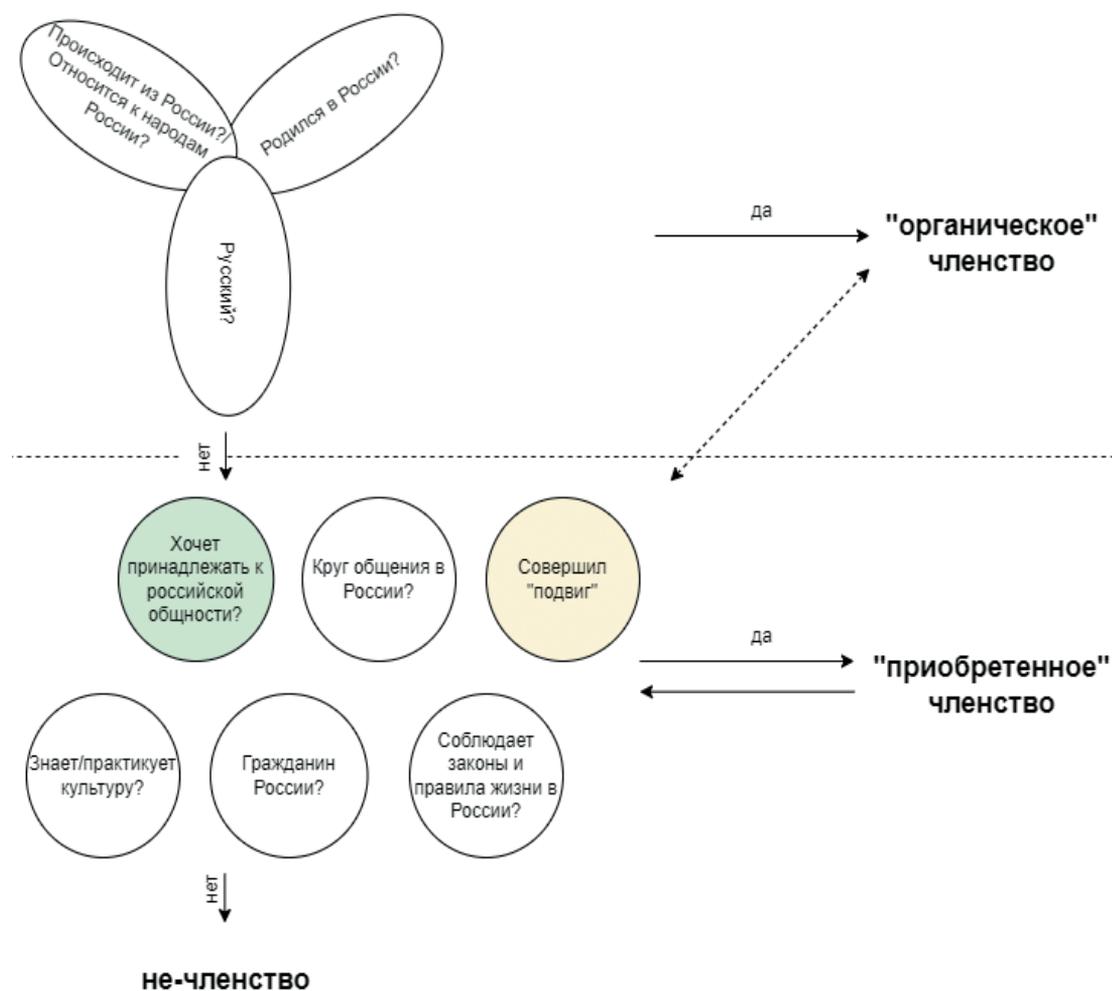
Результаты исследования

Анализ показал, что российское общество и членство в нем конструируется участниками исследования посредством двух рядов критериев. Первый ряд критериев отделяет людей, обладающих «органическим» членством в российском обществе от всех остальных, второй — применяется ко всем людям, не являющимся «органическими» членами российского общества, которые, удовлетворяя им, также могут стать частью российского общества, но такое членство будет иного порядка, нежели «органическое» (в рамках исследования оно получило название «приобретенное»), и то, насколько они удовлетворяют этим критериям, будет продолжать «проверяться» на протяжении их жизни. Второй ряд критериев по умолчанию не используется для оценки членства в российском обществе «органических» его членов, однако, если некоторые из этих критериев явственно нарушаются, «органическое» членство может быть «отозвано». Факт классификации человека как «органической» части российского общества или носителя «приобретенного» членства влияет на отношение и практики в отношении соответствующего человека и является имплицитной частью конструкции этничности в России. Более того, как первый, так и второй ряд критериев — в разной степени и в разном смысле — оказываются конституирующими для конструкта «российское общество». Представим ход мысли информантов в виде схемы (рис.) и разберем основные ее компоненты.

«Органическое» членство

Членством в российском обществе, не вызывающим сомнений ни у кого, обладают люди, удовлетворяющие одновременно двум критериям — «родился в России» и «русский». Русские, родившиеся в России, — это своего рода ядро российского общества, с точки зрения информантов. Прямых текстовых указаний на это мало, потому что интервью и дискуссии были

посвящены различным маргинальным случаям, но иногда — «от обратного» — информантами формулировались следующие мысли: «...Но факт есть факт — они родились в России, в русской семье, они говорят по-русски, они являются русскими. И отказать им (в членстве в российском обществе. — Прим. авт.) только потому, что у них какое-то самоощущение есть — ну, это было бы неправильно» (м, 25, М¹).

Критерии членства в российском обществе
 Источник: составлено автором.

¹ Здесь и далее используются следующие сокращения регионов: М — Москва, РБ — Республика Башкортостан, СО — Свердловская область, ЯО — Ярославская область, РСЯ — Республика Саха (Якутия)

В отдельности эти критерии также могут отсылать к «органическому» членству, однако здесь такого однозначного консенсуса уже не наблюдается, и герой одной из виньеток — русский, родившийся в Латвии и учащийся в России в университете — одними информантами однозначно классифицировался как часть российского общества, другие же уточняли, насколько он планирует жить в России после окончания учебы, отчего его членство переставало быть естественным и однозначным: *«Так как он приехал на учебу, но не ради того, чтоб отучиться и обратно уехать туда. Он, скорее всего, приехал, чтобы приехать, получить российское образование и дальше здесь уже проживать. Скорее всего, так. Тогда можно»* (м, 35, Уфа, РБ).

Несколько различалась ситуация в зависимости от этнической принадлежности говорящего и типа региона, где проводилось интервью или фокус-группа. В «национальных» регионах, и, если информант/участник фокус-группы не относится к категории «русский», в связке «русский — родился в России» в качестве индикатора «естественного» членства критерий «русский» дополняется/заменяется критерием «относится к народам России»: *«У нас же есть такие республики, вот даже Республика Саха-Якутия, да, можно и ее тоже, вот Республика Дагестан, Республика Саха-Якутия, там Черкесия, да, Чечня, допустим, Ингушетия. Это республики с очень яркой национальной колоритностью. Там есть свой язык, правила поведения. И вот они же тоже часть российского общества, они интересные, они говорят и на своем языке, и на русском языке»* (ж, 30, Алдан, РСЯ).

Это «относится к народам России», и в целом национальный нарратив, скорее всего, является выражением более общей идеи, согласно которой «органической» частью российского общества являются люди, родственники которых по восходящей линии родились в России. Если родители, дедушки/бабушки и далее предки человека родились в России, а сам человек — нет, полностью из российского общества он не выпадает, а «народы России» — это «прокси», индикатор того, что кто-то из этих родственников родился и жил в России.

Модератор: Можно ли считать Эдуарда частью российского общества? <...>

Участник 1: Родители русские. Он же живет, общается, собирается работать официально.

Участник 2: У него есть желание, у него корни есть. Если у него родители русские, почему нет?

(ж, 42, ж, 38, Ишимбай, РБ)

Русские же в этом отношении — это те, родственники кого по восходящей линии без сомнения родились и жили в России, и именно такая интуиция и руководит распространенным представлением о том, что герой винетки, родившийся в Латвии, — часть российского общества. В целом, однако, в рамках той же логики, ни у кого не вызывает вопросов членство в российском обществе якутов, башкир и представителей прочих «народов России» в случае, если они родились в России. Вероятно, впрочем, что якута, родившегося в другой стране, будут реже классифицировать как часть российского общества именно в связи

с тем, что ассоциация «якуты — Россия» является менее стереотипической, чем «русские — Россия». Однако вероятно и то, что о нем будут уточнять, насколько он «происходит» из России, и, если да, классифицировать его в качестве части российского общества. Это, впрочем, вопрос дальнейшего исследования.

Верно, однако, и то, что как будто бы все те, кто не соответствует идеальному типу «русский, родившийся в России», в части воображения российской общности, в целом будут выпадать из ядра конструкта «российское общество», и даже если человек родился в России и относится к «народам России», в «русских» регионах народное сознание в меньшей степени будет относить его к российскому обществу, нежели в «национальных»². И в этом отношении к таким людям будут применяться критерии членства другого порядка, характерные для тех, кто не «родился» в российском обществе, но как бы «постучался» в него в рамках тех или иных жизненных сюжетов. Об этих критериях будет сказано во второй части результатов, здесь же важно подытожить, что «естественное» членство в российском обществе отводится общественным сознанием людям, которые родились в России русскими или (в меньшей степени это характерно для «национальных» регионов) представителями «народов России». Случаи, которые не вписываются в эти критерии полностью, оцениваются частью на их основании, частью — на основании другого набора критериев, о которых будет сказано ниже.

«Приобретенное» членство

«Органическое» членство, как было показано выше, не является в чистом виде членством по рождению, потому что, с точки зрения информантов, можно быть «частью российского общества» и не родившись в России и, в свою очередь, общественное сознание не «выдает билет» в органическое членство просто по факту рождения, примером чего могут быть мигранты второго поколения, то есть дети тех, кто не родился в России.

[Конец обсуждения виньетки про Алибека] ...Если даже они станут [частью российского общества], я думаю, только в третьем поколении. Мне так кажется, ну мое мнение.

(м, 63, Ирбит, СО)

Тем не менее в общественных представлениях существует и другой тип членства в российском обществе, который был обозначен как «приобретенный». Этот тип членства может быть применен к тем, кто не является «органической»

² Хотя большинство информантов и участников фокус-групп принимали конструкт «российское общество», который предлагался им исследователями, в «национальных» регионах, а также информанты и участники фокус-группы, не относившие себя к категории «русские» иногда проблематизировали этот конструкт, говоря о том, что российского общества как такового не существует, а существуют региональные общества, различающиеся между собой и имеющие собственные правила членства и вступления.

частью российского общества, но в отношении кого по тем или иным причинам вопрос о членстве в российском обществе может встать. Прежде всего речь идет о по-разному определяемых мигрантах. Не обладая безусловными критериями членства, описанными выше, такие люди базово не включаются информантами в «российское общество», однако удовлетворение нескольким критериям из перечисленных ниже может сделать такого человека частью российского общества, с точки зрения информантов. Эти критерии также указаны на схеме. Приведем для каждого иллюстрацию из нарративов информантов/участников фокус-групп.

Знает и практикует культуру: *«Один из признаков принадлежности к обществу, является владение культурой и языком. Если он не знает языка, он не может быть нашим»* (м, 65, Ярославль, ЯО).

Является гражданином России: *«Если получит паспорт или документ, он будет частью Российской Федерации. А если нет, то нет»* (м, 60, 1-й Хомустанский Наслег, РСЯ).

Есть круг общения в России:

Модератор: Он влился в российское общество, по вашей версии?

Участник 1: Да, да.

Модератор: А за счет чего?

Участник 1: За счет того, что он ведет активную жизнь именно с русскими, не закрываясь с другими экспатами. То есть он общается с русскими, он ведет тот же самый образ жизни, который ведем мы...

(ж, 39, М)

Соблюдает российские законы и правила жизни в России: *«Конечно, если он так подумал жить к нам приехал, к нам он должен с нами считаться, с нашими правилами, законами <...> Но главное, самое главное, доча, я не люблю непорядок, непорядочные были. А чтобы закон соблюдали, тогда почему бы нет? Пускай живут»* (ж, 75, Якутск, РСЯ).

Хочет жить в России/быть частью ее общества: *«Вы поймите, интеграция отдельного человека в новое общество возможна, если он в этом заинтересован. Он в этом заинтересован, когда он попадает в чужое общество и хочет в нем укорениться»* (м, 36, Екатеринбург, СО)».

Каждый из этих факторов «работает» в рамках следующей логики: да, изначально человек не является частью российского общества, но если он живет в России и знает язык, соблюдает правила общежития и законы, круг общения его в России, и он эксплицитно хочет жить в России, — он может стать/фактически является частью российского общества. Важно также отметить, что ни одно из этих условий не является врожденной, неизменяемой характеристикой. Специально для выяснения того, может ли человек, относящийся в представлениях людей к небелой расе, быть полноправным членом российского общества, в исследование была введена виньетка, главным героем которой был чернокожий житель региона, в котором проводилось исследование (Москвы в Москве, Якутии в Якутске и проч.) и который родился в России, знает русский

язык наравне с местными и по прочим критериям от них не отличается. Для абсолютного большинства герой виньетки был несомненной частью российского общества. Если бы он не родился в России и его ближайшие родственники по восходящей линии также родились бы в другой стране, стать частью российского общества он все равно смог бы, удовлетворив описанной совокупности условий. В этом смысле, таким образом, российское общество в какой-то мере инклюзивное, потому что не ставит непреодолимых барьеров на входе, в какой-то — эксклюзивное, потому что барьеров много, и далеко не все они могут быть преодолены только за счет желания.

Важно, однако, что в представлении жителей есть «ускоренный» путь к членству, не предполагающий обязательного удовлетворения прочих условий. Этот путь можно обозначить как «подвиг». Если не-член российского общества осуществит некоторое выдающееся действие «во благо» и «во имя» общества, к нему не будут применяться другие критерии членства для базово нечленов российского общества, желающих стать таковыми. Воспроизводились случаи, когда таким действием было участие в военных действиях в Украине: *«То есть, я думаю, что, наверное, чернокожему достаточно сложно искренне стать частью русской культуры. Но при этом, безусловно, в каких-то обстоятельствах, в каком-то отдельно взятом случае, он может это сделать. Потому что опять-таки главное — это величие духа и понимание того, что такое жизнь, и как можно жить. <...> Даже я знаю, что у Пригожина воевал чернокожий и погиб героически. Поэтому... Почему он не русский? <...> Безусловно. То есть, я думаю, что русский человек — это, прежде всего, готовность помочь в любой ситуации»* (м, 19, М).

Прекращение членства

Важно, кроме того, что, в отличие от «естественных» членов общества, «приобретенное» членство, согласно проанализированным представлениям, можно потерять, если человек перестанет удовлетворять некоторым критериям. Скажем, если человек с приобретенным членством уезжает из страны — через некоторое время он перестает быть частью российского общества.

Интервьюер: Понятно. Но для нас он должен что-то строить. То есть, он часть российского общества, правильно? Пока он здесь работает.

Информант: Да... На то время, пока он работает, он является частью.

(м, 52, Ярославль, ЯО)

То же касается нарушения закона — вряд ли конкретные люди, которые говорят о необходимости депортировать мигрантов, нарушивших законодательство, это те же люди, которые считают, что мигранты, работающие в России, — это часть российского общества, однако депортация как санкция для преступивших закон — это элемент общей логики дифференциации между «органическим» и «приобретенным» членством, частью которой является исключение из общества людей, приобретших членство, а затем совершивших преступление.

Участник 1: Неправильно сделал — пожалуйста, домой обратно.

Участник 2: Не надо их здесь оставлять, не нужно, зачем нам их кормить, зачем нам тратить деньги из бюджета?

(ж, 44, ж, 27, Ирбитский район, СО)

«Органическое» же членство посредством уезда или нарушения законодательства не потерять — даже преступники, осужденные на долгие сроки, остаются частью российского общества. Единственное, как, с точки зрения информантов, можно перестать быть частью российского общества, если человек в нем родился, — это или эксплицитно перестать хотеть быть его частью, или совершить действие, идентичное по модальности подвигу, но обратное по знаку, — предательство. Неудивительно, что в качестве примеров, которые приводились и обсуждались информантами, были известные люди, заявившие о своем несогласии с российской политикой и уехавшие из страны. В той мере, в какой это рассматривалось информантами как предательство, — в некоторых случаях это также рассматривалось как прекращение членства в российском обществе.

Участник 1: Нет, он не будет для меня частью моего общества. Если он уехал в тяжелое время из своей страны, он для меня останется никем.

Участник 3: И вот они приедут, и ты им скажешь потом... Ты не член моего общества?

Участник 1: Нет, я не буду его пускать. Нет.

(ж, 44, ж, 46, Дюртиули, РБ)

Впрочем, иногда даже в подобном случае такие люди оставались частью российского общества в представлениях информантов.

Модератор: Все про нее знают, поэтому очень легкий пример. Алла Пугачева для вас часть российского общества или нет?

Участник 1: Не знаю. Да, она здесь жила и работала. Русская, конечно, является. Для меня.

Участник 2: Я считаю, она часть. Конечно. Да.

(ж, 50, ж, 66, 1-й Хомустахский наслег, РСЯ)

Удовлетворяют ли критериям «приобретенного» членства «органические» члены российского общества?

Таким образом, членство в российском обществе бывает «органическое» и «приобретенное» и, если в «приобретенном» членстве также может быть отказано, лишиться «органического» членства можно только в экстраординарных случаях. Но можно ли говорить о том, что все люди, имеющие «органическое» членство, также удовлетворяют условиям «приобретенного»? Здесь кроется парадокс. Некоторые критерии действительно как будто бы удовлетворяются по факту рождения (например, знание культуры), некоторые (в частности, соблюдение законов и правил общежития) очевидно

соблюдаются не всеми членами, однако это для членства, как оно вообщается информантами, неважно — преступники и хулиганы являются частью российского общества, просто не очень «добропорядочной». И это еще одно указание на то, что «органическое» членство действительно обладает иной природой, нежели «приобретенное». Однако эти критерии — применительно к «органическим» членам российского общества — имеют характер неформальной нормативности, частью — оказываются предметом пристального внимания, если совершается «предательство» или же комплект критериев первого ряда вызывает сомнения. В частности, членство в российском обществе может быть поставлено под сомнение, если человек одновременно квалифицируется в качестве нерусского, его преимущественный круг общения за границей, и он имеет гражданство другой страны.

Институт гражданства как производная от представлений о членстве в обществе

Последним действием необходимо обсудить «гражданство» и позицию этого критерия среди других критериев членства в российском обществе. Казалось бы, — вот он, пусть и формализованный, но понятный критерий, к которому теоретически можно было бы свести все остальные критерии. Но информанты указывают «гражданство» как лишь один из критериев, но этот критерий далеко не единственный и в большинстве случаев он не является ни решающим, ни даже сколько-нибудь значимым. Вот редкие примеры того, как он ставится во главу угла: *«Ну, в принципе, если хочешь быть, хочешь быть частью, ты, разумеется, захочешь гражданство. Я думаю, сначала гражданство, потом частью. Я думаю так, да и то, это уже должно быть...»* (м, 63, Ирбит, СО).

Однако в большинстве случаев, если он упоминается, упоминается он в таком ключе: *«Можно быть гражданином какой-то страны по паспорту, но по духу ты можешь быть кем угодно. То есть, может быть, я в душе француз, откуда я знаю»* (м, 45, Переславль-Залесский, ЯО).

Тем не менее — результаты, изложенные выше, как будто описывают концептуальную основу, институт гражданства — в России и в других странах. Гражданство в большинстве стран приобретается или по факту рождения у граждан страны (в некоторых случаях — на территории страны), или посредством «натурализации»; «натурализация» — непростой процесс, в рамках которого надо пройти некоторое количество «испытаний»; более того — приобретенного гражданства проще лишиться. И здесь, переходя к дискуссии, можно предположить, что именно коллективные представления о членстве в обществе выражаются в институте гражданства, а не институт гражданства оказывается источником представлений о членстве в обществе. И именно эти представления — в той мере, в какой этничность на глобальном уровне — это классификация по нациям, а также в той мере, в какой они в такой логике

редко исследуются, — требуют первоочередного внимания. Как и за счет каких теоретико-методологических инструментов это может быть сделано, — будет описано в разделе «Дискуссия».

Заключение

Анализ интервью и фокус-групп позволил показать, что существуют устойчивые, воспроизводящиеся представления о членстве в российском обществе. Можно предположить, что эти представления являются фрагментом более широкой классификаторной картины, которая может быть описана следующим образом: все человечество делится на нации, они же общества, состоящие прежде всего из людей, «родившихся» в этих обществах, но также и из людей, перешедших из одного общества в другое. «Доступ» к этой картине люди получают посредством *imaginaries*, связанных с глобальным разнообразием (карта мира, чемпионат мира по футболу, и проч.), о которых в данной статье речь не идет, а также посредством интуиций, связанных с «российским обществом», «российской нацией» и прочими подобными конструктами, в отношении которых существуют представления о членстве и которым и посвящена данная статья. Резюмируя и продолжая эту мысль на языке исследований этничности «после когнитивного поворота», нации — это вернакулярный инструмент воображения этнических различий на глобальном уровне; нации рядоположены одна другой и образуют классификацию; существуют устойчивые представления о членстве в нациях, и эти представления — применительно к конструкту «российское общество» — были изучены. Впрочем, то, насколько представления о российском обществе — это действительно органический компонент этой — глобальной — картины (а не устроен ли «ландшафт» воображения иначе, менее линейно и просто) — это эмпирический вопрос и тема для более широкого исследования инструментов воображения разнообразия на глобальном уровне.

Важно, кроме того, вписать это исследование и описанный ракурс в литературу, посвященную гражданству. Исследования гражданства, фокусируясь на складывании соответствующего института [Magnette 2005] и пытаясь «разгадать» его логику, имеют и «вернакулярный» компонент, который касается соотношений между национальными конструктами и формальной категорией гражданства [Clarke 2014]. Выводы этих исследований в целом совпадают с периферийными выводами этого исследования — согласно им, гражданство действительно коррелирует с представлениями простых людей об общности, которая очерчивается этим институтом. Параллельный поток — прежде всего исторических — исследований касается того, как институт гражданства поддерживает интенсивно национализировавшийся последние 100 лет глобальный порядок [Glenn 2000]. Исследований же, в которых этот порядок изучался бы как перманентная категоризация людей, территорий и прочих явлений по национальной,

а фактически — этнической принадлежности, а гражданство бы исследовалось как инструмент осуществления этой классификации — насколько известно, до настоящего времени не проводилось. Вместе с тем гражданство является важным инструментом воображения различий на глобальном уровне и поддержания глобального порядка. И в той мере, в какой залогом существования глобального порядка являются способы его поддержания локального уровня, вернакулярные представления о членстве в национальных общностях/обществах являются важной темой для исследования.

Поступила в редакцию / Received: 02.11.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 28.11.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2024

Библиографический список

- Бергер П.Л., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995.
- Варшавер Е.А.* Интеграция мигрантов через призму конструктивистского подхода к этничности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 377–396. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-377-396>.
- Геллнер Э.* Нации и национализм / пер. Т.В. Бердиковой и М.К. Тюнькиной, под ред. И.И. Крупника. М.: Прогресс, 1991.
- Дробижева Л.М.* Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 37–50. <http://doi.org/10.31857/S013216250009460-9>
- Тишков В.* Российский народ и национальная идентичность // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6, № 3. С. 135–142.
- Anderson B.* Imagined communities: Reflections on the origin and spread of nationalism. London, New York: Verso, 2006.
- Barth F.* Ethnic groups and boundaries: The social organization of culture difference. Long Grove, Illinois: Waveland Press, 1998.
- Bourdieu P.* Cultural reproduction and social reproduction // Knowledge, Education, and Cultural Change. London, New York: Routledge, 2018. P. 71–112. <http://doi.org/10.4324/9781351018142>
- Brubaker R.* Ethnicity without groups. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2006. <http://doi.org/10.2307/j.ctv1nnwhvg>
- Brubaker R., Loveman M., Stamatov P.* Ethnicity as cognition // Theory and Society. 2004. No. 33. P. 31–64. <http://doi.org/10.1023/B:RYSO.0000021405.18890.63>
- Clarke J., Coll K., Dagnino E., Neveu C.* Imagining the ‘communities’ of citizenship // Disputing Citizenship. Bristol, Chicago: Policy Press, 2014. P. 107–168. <http://doi.org/10.2307/j.ctt9qgzqg>
- Constructivist theories of ethnic politics / ed. by K. Chandra. Oxford, New York: Oxford University Press, 2012. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199893157.001.0001>
- Glenn E.* Citizenship and inequality: Historical and global perspectives // Social Problems. 2000. Vol. 47, no. 1. P. 1–20. <http://doi.org/10.2307/3097149>
- Insin E.F., Turner B.S.* Citizenship studies: An introduction // Handbook of Citizenship Studies. London: Sage, 2002. P. 1–10. <http://doi.org/10.4135/9781848608276>

Magnette P. Citizenship: The history of an idea. Colchester: ECPR Press, 2005.

Mead G.H. Mind, self and society from the standpoint of a social behaviorist. Chicago: University of Chicago Press, 1934.

Smith A.D. The ethnic origins of nations. Oxford: Blackwell Publishing, 1986.

The invention of tradition / ed. by E. Hobsbawm, T. Ranger. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2012. <http://doi.org/10.1017/CBO9781107295636>

Wimmer A. Ethnic boundary making: Institutions, power, networks. Oxford, New York: Oxford University Press, 2013. <http://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199927371.001.0001>

Wimmer A., Glick Schiller N. Methodological nationalism and beyond: nation–state building, migration and the social sciences // *Global Networks*. 2002. Vol. 2, no. 4. P. 301–334. <http://doi.org/10.1111/1471-0374.00043>

Сведения об авторах:

Варшавер Евгений Александрович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики ИПЭИ РАНХиГС, руководитель Группы исследований миграции и этничности, доцент Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (e-mail: varshavere@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-5901-8470)

Иванова Наталия Сергеевна — магистр социологии, научный сотрудник Центра региональных исследований и урбанистики ИПЭИ РАНХиГС, ведущий исследователь Группы исследований миграции и этничности (e-mail: nataliya.ivanova.0709@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-1140-2334)

Егорова Татьяна Дмитриевна — магистр международных отношений, исследователь Группы исследований миграции и этничности (e-mail: egorovatatianad@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-0192-7062)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-325-340

EDN: MTHHC

Научная статья / Research article

Инструменты государственной политики идентичности в современном мире

О.В. Попова , Н.В. Гришин

*Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация*

*Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
Российская Федерация*

 pov_64@mail.ru

Аннотация. Изучено развитие и выявлена специфика использования инструментов государственной политики идентичности в современных условиях геополитических вызовов. Исследование вносит вклад в уточнение научных знаний о средствах решения органами государственной власти задач по конструированию идентичности. Практическая значимость исследования связана с необходимостью уточнения знаний об эффективности применения конкретных инструментов государственного управления в сфере конструирования идентичности. Выявлена дифференциация подходов отдельных государств в условиях современного геополитического противостояния. Исследование основано на применении комплексного подхода к определению содержания государственной политики идентичности. Эмпирическим источником исследования являются результаты проведенного осенью 2023 г. с участием авторов экспертного опроса ведущих отечественных исследователей в области изучения политики идентичности. В качестве метода обработки первичных данных использован дискурс-анализ. Выявлены основные тенденции развития инструментов государственной политики идентичности в условиях 2020-х гг. Наибольшая сложность в оценке инструментов государственной политики идентичности связана с проблемой измеримости поставленных задач и целей в этой сфере публичного регулирования. Для государственной политики идентичности характерны специфические комбинации традиционных типов инструментов государственной политики. Инструменты прямого регулирования применяются только в сдерживающих целях. Наибольшая роль принадлежит стимулирующим инструментам, которые, как правило, одновременно являются косвенными. Исследование позволяет уточнить знания об ограничениях и пределах эффективности деятельности государства в области конструирования государственной идентичности.

© Попова О.В., Гришин Н.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: идентичность, политика идентичности, государственная политика идентичности, государственная политика, символическая политика, конструирование идентичности, инструменты государственной политики

Благодарности: Представленное исследование проведено при финансовой поддержке ЭИСИ в рамках научно-исследовательского проекта № 123091200068–4 «Государственная политика идентичности в условиях новых геополитических вызовов», выполненного в ИНИОН РАН.

Для цитирования: *Попова О.В., Гришин Н.В.* Инструменты государственной политики идентичности в современном мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 325–340. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-325-340>

Instruments of State Identity Policy in the Contemporary World

Olga V. Popova , Nikolay V. Grishin

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russian Federation

 pov_64@mail.ru

Abstract. The article is devoted to studying the development and specifics of using instruments of state identity policy in modern conditions of geopolitical challenges. The study contributes to clarifying scientific knowledge about the means by which state authorities strive to achieve their goals in identity construction. The differentiation of approaches among particular states in the conditions of modern geopolitical confrontation has been established. The study is based on the application of a comprehensive approach to determining the content of state identity policy. The empirical source of the study is the results of an expert survey of leading domestic researchers in the field of identity politics conducted in the fall of 2023 with the participation of the authors. Discourse analysis was used as a method for processing primary data. The main trends in the development of instruments of state identity policy in the conditions of the 2020s have been identified. The study allows for the clarification of knowledge about the limitations and limits of the effectiveness of the state in the field of identity construction.

Keywords: identity, identity politics, state identity policy, public policy, symbolic politics, identity construction, public policy instruments

Acknowledgements: The reported study was funded by EISR according to the research project № 123091200068–4 “State identity policy in the context of new geopolitical challenges”, carried out at INION RAS.

For citation: Popova, O.V., & Grishin, N.V. (2024). Instruments of state identity policy in the contemporary world. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 325–340. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-325-340>

Введение

Изучение государственной политики в сфере конструирования идентичности является одним из динамично развивающихся в отечественной науке исследовательских полей [Попова 2020; Титов 2022]. Стремительный рост внимания российских ученых к вопросам государственной политики идентичности происходит с конца 2010-х гг. [Митрошенков 2016; Малинова 2017; Лубский 2018]. В настоящее время научные знания в этой области приобретают практическое значение и оказывают влияние на содержание государственной политики [Баранов 2019; Гришин 2020].

Одним из «белых пятен» в научном изучении государственной политики идентичности является вопрос об используемых инструментах в этой сфере государственного регулирования. В некоторых отраслях государственного управления инструменты реализации политики изучены весьма детально; сформированы подходы к классифицированию и оценке отдельных инструментов государственной политики [Lascoumes, Patrick 2007]. В настоящее время неясно, в какой мере эти научные представления применимы в отношении мер управленческих воздействий в сфере конструирования идентичности граждан с собственным государством. Требуется ответить на вопрос, применимы ли в отношении государственной политики идентичности общетеоретические представления об инструментах государственной политики, а также выяснить, дает ли практика государственной деятельности в сфере конструирования идентичности основания для уточнения научных знаний об инструментах государственной политики в целом.

В данном исследовании решаются задачи уточнения научно-теоретических знаний о специфике применения инструментов государственной политики в определенной локальной сфере публичного регулирования — конструирования идентичности и выявления особенностей применения данных инструментов современными государствами. Важнейшим источником статьи стали результаты экспертного опроса, проведенного авторами статьи в рамках реализации научного проекта «Государственная политика идентичности в условиях современных геополитических вызовов» в октябре-ноябре 2023 г. Экспертами выступили ведущие отечественные исследователи в области изучения политики идентичности; объем выборки — 20 человек. Метод сбора информации при проведении экспертного опроса — нестандартизованное интервью, метод обработки полученных первичных данных — дискурс-анализ. Респондентами выступили ведущие российские исследователи политики идентичности, что позволило авторам использовать результаты данного эмпирического исследования непосредственно для уточнения теоретических вопросов в выбранной области исследования.

Теоретические рамки исследования

В научной литературе инструменты государственной политики обычно рассматриваются в более широком контексте системных мер, но иногда связываются с конкретным инструментальным подходом [Hood, Margetts 2007]. Под

инструментами государственной политики традиционно понимается широкий спектр средств воздействия государства на искомый объект для достижения поставленных целей и задач, получения требуемого результата [Вельфенс 2002: 45].

Инструменты государственной политики всегда рассматриваются неотрывно от целей и задач, которые ставит государство [Гуцалов 2023]. При рассмотрении инструментов государственной политики почти всегда учитывается принцип соразмерности, который предполагает, что применяемые государством меры должны быть адекватны поставленным задачам. В этом состоит одна из главных сложностей, поскольку в современной науке задачи государственной политики в сфере конструирования идентичности трактуются в очень широком диапазоне — от задач в области исторического образования и патриотического воспитания [Лагутин 2019; Баранов 2023] до поддержания в обществе необходимых для обеспечения интеграции единых ценностей, символов и смыслов [Горшков 2016; Горлова, Зорин 2023].

Среди существующих в науке подходов к классифицированию инструментов государственной политики некоторые могут быть применены к политике в области конструирования идентичности.

Наиболее универсальным и распространенным подходом к классифицированию инструментов государственной политики вне зависимости от сфер управленческого воздействия является разделение на прямые и косвенные. Прямые инструменты являются адресными и направленными на определенный круг объектов, а условием их применения — непосредственное участие органов государственной власти, в то время как косвенные инструменты не являются адресными и используются в отношении всего возможного спектра объектов деятельности, формируя базовые правила и среду для деятельности. В отношении различных сфер государственного управления распространен тезис о том, что косвенные инструменты являются более эффективными, чем прямые [Salamon 2002: 57]. Очевидно, что данный тезис можно распространить и на политику государства в сфере конструирования идентичности граждан, поскольку применимость административных мер в этом направлении представляется сомнительной.

В зависимости от стадии выработки и реализации государственной политики идентичности инструменты делят на стимулирующие и сдерживающие. Данная классификация также может быть использована в отношении государственной политики идентичности при определенной корректировке дефиниций. В сфере государственной политики идентичности стимулирующими следует признать инструменты, направленные на развитие и укрепление осознания населением единства, поддержание способствующих интеграции ценностей, образов и смыслов. Сдерживающими могут считаться инструменты, предназначенные для защиты исторической памяти и важнейших для поддержания единства общества ценностей, образов и смыслов от деструктивного воздействия [Авксентьев 2018]. Считается, что в рамках государственной политики идентичности целесообразно применение как стимулирующих, так и сдерживающих инструментов. В частности, В.Ю. Зорин и А.В. Рудаков отмечают, что

«политика защиты... собственной идентичности в современных условиях вряд ли может носить оборонительный характер. Напротив, эффективность этой политики может быть обусловлена наступательным ее характером» [Зорин, Рудаков 2018: 63].

В зависимости от конкретной отрасли публичного регулирования исследователи, как правило, выделяют широкий диапазон специфических инструментов государственной политики. Аналитическая работа по их систематизации почти всегда отстает от исследований отдельных конкретных инструментов, следствием чего является неоправданно широкое применение данного термина в прикладных исследованиях.

Оценка экспертами особенностей инструментов государственной политики идентичности

Говоря об инструментах формирования идентичности, эксперты обращают внимание на то, что некоторые из видов социальной идентичности формируются самим социумом, традициями и, соответственно, специального вмешательства государства в этот процесс не требуют: *«Эти инструменты связаны с историческими традициями взаимодействия в обществе. Они есть как институционально оформленные, есть неформальная практика. Это традиции, какие-то нормы, обычаи... И у каждого народа, каждой социальной группы будут совершенно свои. Они сохраняются даже вопреки тому, что у нас XXI в.»* (м., д-р полит. наук, профессор).

Наглядно видно, как по-разному внутри одного государства живут и действуют разные сообщества. Например, во Франции есть сообщества, культивирующие модели идентичности тех стран, откуда они прибыли. Они живут в безусловно светском государстве, но не только сохраняют, а акцентируют свою религиозную идентичность. Сложность заключается в том, что при обсуждении инструментов формирования идентичности *«мы говорим как об исторических сообществах, так и об иноэтничных эмигрантах, которые прибывают и тоже организуют землячества, сохраняют свою идентичность благодаря тому, что поддерживают еще и связи с Родиной, со своими родственниками, перевозят родственников и друзей, организуют свои какие-то собственные центры взаимовыручки, взаимоподдержки. Это позволяет сохранять и воспроизводить нормы, формальные и неформальные практики»* (м., д-р полит. наук, профессор).

По мнению экспертов, когда государство пытается интегрировать всех в одно сообщество, оно, как правило, первоначально вводит целый комплекс запретительных мер. Например, во Франции *«была борьба с так называемыми региональными партикуляризмами, с региональными идентичностями вплоть до семидесятых — восьмидесятых годов XX в. и тогда, когда, казалось бы, уже никаких региональных особенностей не осталось, приехали эмигранты и возникла политика культурного плюрализма. Это было использовано и региональными историческими сообществами как основание для борьбы за свои права. Как писала*

одна из французских авторов, можно быть французом и арабом, но нельзя быть нормандцем и арабом. Оказалось, что региональная идентичность начала иметь какой-то особый вес, когда возник спор с какими-то другими пришлыми и эмигрантскими идентичностями, возник новый виток споров борьбы за эту идентичность историческую. Соответственно, нормандцы тогда вспомнили, что все-таки они нормандцы, что они бретонцы, когда, казалось бы, уже нет никаких особенностей и они были забыты» (м., д-р полит. наук, профессор).

На этом этапе возникает всплеск жесткой борьбы «именно за права этих идентичностей, которые проживают в этих регионах. В девяностые годы возникает практически повсеместно в Европе рост самопознания, самоидентификации, рост требований к центру, к центральной власти обеспечить права этих идентичностей» (м., д-р полит. наук, профессор). Эксперты считают, что политика культурного плюрализма не оправдала себя в отношении эмигрантского сообщества, но внесла большой вклад в самопознание, самоориентацию, самоидентификацию региональных сообществ. Создается большой объем практик, связанных с формированием в регионах институтов власти, с поддержкой региональных языков. Это связано с образовательными процессами, программами, публикацией учебников, учебных пособий. «Есть целые международные проекты, которые поддерживают этот процесс. В Европейском Союзе есть Хартия по поддержке региональных языков, есть Бюро мало употребляемых языков и так называемая программа „Евромозаика“, которая поддерживает редкие языки Европейского Союза и финансируют издания книг, учебников на этих языках. В общем сейчас политика, связанная с идентичностями, увязана в государственную политику децентрализации. Отсюда поддержка проектов, когда передаются компетенции именно историческим регионам, а они более активно себя проявляют <...> в рамках разных интеграционных проектов, когда практически могут привлекать инвестиции, формируют свои союзы, связи с регионами других государств, не только соседних; даже принимают по культурным мероприятиям делегации других государств, поэтому часто включаются в какие-то проекты на уровне самого государства» (м., д-р полит. наук, профессор).

Эксперты считают, что эти процессы заслуживают внимательного анализа, поскольку различные региональные движения могут становиться все более значимыми игроками в самой стране для практик государственного управления. Как правило, исторически воспроизводится одна модель взаимодействия центра с этими национальными регионами. Если раньше они воспринимались как возможности для сепаратистского протеста в регионах, то, как правило, центральная власть по-прежнему к ним и относится, что очень сильно влияет на результат: «Каким-то регионам, может быть, больше везет в том смысле, что они быстрее получают возможности институционализировать свои особенности, например, иметь свой парламент. Кто-то может получить национальную культурную автономию, но не удовлетворится этим и будет требовать и дальше каких-то изменений в конституционном статусе. Но центральная

власть, конечно, достаточно аккуратно к этим вопросам подходит» (м., д-р полит. наук, профессор).

Эксперты единодушны в том, что есть огромное количество инструментов государственной политики идентичности, которым органы власти и привлекаемые ими иные акторы активно используют. *«Они самые разнообразные. Это и политика памяти, символическая политика, это какая-то пропагандистская деятельность государства, это создание образа врага, образов друзей, это использование идеологем, мифов, мифотворчество. Опыт зарубежных стран в области формирования идентичности очень разнообразных существенно зависит от контекста, от того, в каких условиях это государство существует, как формируется эта идентичность. Она может формироваться двумя путями. Во-первых, сама собой, никто не ставит задачи по формированию какой-то там идентичности. Могут формироваться ценности, это происходит само собой. Во-вторых, государство заинтересовано в формировании определенных моделей идентичности» (м., д-р юрид. наук, профессор).*

Когда государство в процессе осуществления политики идентичности делегирует часть своих функций, финансовых ресурсов, символических ресурсов организациям гражданского общества, оно решает две задачи. С одной стороны, оно действительно передает часть своей ответственности тем гражданским организациям, которые более адресно, емко, конкретно и эффективно работают. Это — *«классическое дополнение институтами гражданского общества, заполнение тех лакун, которые государство не в силах выполнять в силу своей громадности и громоздкости»*. Но, с другой стороны, *«у государства есть задачи дополнительно показать, легитимировать себя: “Вот общество нас поддерживает, у нас есть другие акторы, не только государственные в этой среде”» (ж., канд. полит. наук, доцент).*

В ответах экспертов о приоритетных инструментах чаще всего звучала мысль, что в любом обществе основными инструментами формирования общей идентичности являются система образования, средства массовой информации и институты развития и воспроизводства культуры. Каждая из этих сфер берет ответственность за свою часть политики идентичности. Воспитанием гражданина занимаются, прежде всего, институты образования. Например, во Франции в средней школе есть специальный курс граждановедения; были попытки отказаться от него, но потом предмет в системе образования восстановили. Предметы истории, обществознания должны быть ориентированы на формирование гражданской идентичности, на демонстрацию исторической обусловленности единства.

Многообразие и инновационность инструментов государственной политики идентичности в оценках экспертов

Опрошенные эксперты отметили широкое многообразие применяемых в сфере конструирования идентичности инструментов и уникальность некоторых из них. Хотя декларируется, что объектом воздействия государственной

политики идентичности является все население страны, все граждане, в действительности чаще всего ставка делается на определенные возрастные группы, прежде всего на школьников и молодежь.

Часть экспертов на первый план поставила большие программы по различным направлениям госполитики в отношении молодежи, подчеркнув особую значимость проектов в области образования. *«Это, безусловно, самый главный канал, который государство реализует, оно озабочено общей идентичностью молодого поколения»* (ж., канд. полит. наук, доцент). Эксперты отмечают, что поколение в возрасте 40+ государству не интересно. *«Считается, что люди, успевшие побывать в пионерах, сами по себе уже правильные. Есть люди, которые социализировались позже, это «потерянное поколение», с ними уже ничего не сделать. И есть молодежь, с которой срочно нужно проводить мероприятия, чтобы ее не потерять. Мне кажется, это слишком упрощенческий подход. Ни на каких исследованиях этот вывод не основан»* (ж., канд. полит. наук, доцент). Система среднего образования отвечает за воспитание — от физического до морального и интеллектуального развития. В основном школа и отчасти вуз являются теми каналами, через которые государство работает с детьми и молодежью. Государство стремится к достаточно прозрачным решениям, делая ставку преимущественно на систему образования и культуры (очевидное направление — кинематограф). Существенные вложения и более сложная разветвленная система создаются по работе с исторической памятью.

Эксперт, специализирующийся на изучении КНР, отмечает, что в этой стране сформирована *«оптимальная, в какой-то степени авторитарная, но успешная система по формированию гражданской идентичности. КНР — многонациональная страна, где много народностей. И, наверное, в этих вопросах без авторитаризма на уровне государственных решений обойтись нельзя»* (ж., д-р полит. наук, профессор). Государственная политика идентичности пронизывает все сферы социальной жизни, начиная с образования, молодежной политики и семьи как института формирования ценностей. Эта система хорошо выстроена. Отдельного внимания заслуживает обсуждение роли религии в гражданской идентичности. Формально в многоконфессиональной стране роль религиозного фактора, с точки зрения формирования гражданской идентичности, прослеживается очень нечетко. Но *«если в Китае конфуцианство до сих пор сильно влияет на ценностную сферу человека, то в России такого значительного и массового воздействия религии на личность и на систему ценностей человека не прослеживается. Ну, это именно с точки зрения системности <...> эта тема очень слабо прописана»* (ж., д-р полит. наук, профессор). В Китае сильно уважение к истории страны, к исторической памяти. *«И, на самом деле, история страны, она сложная, и было много непростых событий, но эти события воспринимаются как должное и как то, что было, это часть нашей истории»* (ж., д-р полит. наук, профессор).

В России, как только событие или историческая эпоха уходят в прошлое, они становятся объектами критики. *«Критика исторического опыта страны, исторической памяти, она тоже влияет на формирование*

гражданской идентичности нашего молодого поколения» (ж., д-р полит. наук, профессор). Эксперт считает абсолютно нестандартным, неожиданным, но очень эффективным средством введение 9 ноября 2022 г. Указа Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». «Сейчас эти вещи начинают активизироваться, они действительно выстраивают позицию государства относительно политики, в том числе гражданской идентичности человека» (ж., д-р полит. наук, профессор).

Эксперты отмечают системную, глубокую работу с молодежью по формированию системы ценностей, выработке уважения к исторической памяти, символам государства, к важным элементам государственного политического курса: *«Мы можем увидеть, например, появление разговоров о важном, традиции поднятия флага и гимн в понедельник утром в каждой школе, каждом ВУЗе нашей страны. Но как это доносится, каким образом это организовывается, как выстраивается восприятие молодежью? Это уже отдельный момент, который нужно формировать, на который нужно обращать внимание... Это требует серьезной работы» (ж., д-р полит. наук, профессор).*

Различие подходов экспертов к набору инструментов осуществления государственной политики идентичности затрагивает взаимоотношения институтов власти с другими политическими и неполитическими акторами, которым органы государственной власти делегируют часть задач по формированию моделей политической идентичности и политизированных вариантов социальной идентичности с желательными для конкретного политического режима параметрами. Эксперты говорят о роли военной службы как инструмента государственной политики идентичности. Конфессии и НКО, связанные с определенными этническими группами или конфессиями, оцениваются в качестве исключительно важных институтов. Специально оговаривается роль публичных, общественных институтов-медиаторов. *«Это, бесспорно, воинская служба, это конфессии, инструменты публичной политики. Ну, например, взаимодействие государственной власти с общественными палатами или с этническими и конфессиональными НКО. Разного рода совещательные советы, консультативные структуры <...>. институты-посредники, институты-медиаторы <...> чем больше демократизма, тем более сложная система этих инструментов. И они носят не столько государственный, сколько общественный характер» (м., д-р полит. наук, профессор).*

Среди инструментов выделяются традиционные, казалось бы, институты, которые, как следует из классической теории политической социализации, работают на формирование норм, ценностей, представлений и политических предпочтений людей. Однако эксперты акцентируют внимание на том, что система образования должна функционировать на всех уровнях и для всех возрастных категорий, включая практики гражданского образования. *«Начиная с того, что является институтами и инструментами государственной политики*

идентичности, то это, конечно, система образования на всех ее уровнях, начиная от дошкольной и заканчивая образованием взрослых, так называемым гражданским» (м., д-р полит. наук, профессор).

При разнообразном арсенале инструментов осуществления государственной политики идентичности в настоящее время она *«проводится за счет информационного блока, который есть у каждого национального государства, который есть у территорий, которые претендуют на название хотя бы непризнанного государства. В том числе все неудавшиеся государства тоже пытаются это использовать, потому что если ты сегодня вне СМИ и информационных потоков, ты свою точку зрения просто не показываешь, не доказываешь, да и можно сказать даже радикально — она не существует»* (м., д-р полит. наук, профессор). Эксперты убеждены, что восприятие СМИ — от традиционных к онлайн-сервисам — в данном случае оказывается перевернутым, гораздо большее влияние на формирование государственной и гражданской идентичности или на их деформацию оказывают *«социальные сети, мессенджеры, затем сайты, новостные порталы какие-то и только в последнюю очередь традиционные СМИ в виде газет или там теле- и радиоканалов»* (м., д-р полит. наук, профессор).

На второе место по значимости, после образования или информационной политики, эксперты ставят символическую политику. Интересные кейсы проявляются в связи с изменением самоназвания государства. Эксперты обращают внимание на попытку переименования, точнее, изменение самоназвания Индии на Бхарат. *«Будет ли понимание в мире? Думаю, рано или поздно мы к этому придем, но для этого надо активно переделывать школьные учебники, карты на различных языках, в том числе в России. Для нас это будет непривычно, но точка зрения индийского правительства, индийской элиты правомерна; давайте будем называться по-другому, тем самым мы закроем определенную страницу нашей истории. Символизм — это очень важная вещь»* (м., д-р полит. наук, профессор).

В языковой политике приветствуются практики полилингвизма, т.е. закрепление равноправия различных языков (статус нескольких государственных языков или обеспечение справедливого равенства статуса региональных и локальных языков) на основе соответствующего международного права, в том числе и закрепленные по этому поводу нормы Конституции, выполняющие важную роли культурной интеграции различных этнических групп. В основном эта функция осуществляется через систему представительства в неправительственных организациях. В качестве примера можно привести позитивный опыт Финляндии, в которой при достаточно моноэтническом финском составе населения шведское меньшинство проживает в городе Турку и его окрестностях, в районе Хельсинки, Аландских островов. Статус Аландских островов закреплен законодательно, в том числе в международном праве, как статус демилитаризованной зоны и как местности, где используется в равной мере и шведский, и финский язык, хотя шведы и составляют очень скромный процент населения. Есть положительная

практика Финляндии, Норвегии и Швеции в отношении саамов (старое название — лапландцы). Положительный опыт Дании основан на широкой автономии Фарерских островов и Гренландии; проводимая политика вызывает неприятие только у узкой группы этнических активистов. *«Да, там тоже есть неправительственные организации, есть представительство, советательное, консультативное при парламентах и при земельных представительных структурах»* (м., д-р полит. наук, профессор). Эксперты отмечают, что в ряде восточноевропейских стран, например в Чехии и Венгрии, политика интеграции этнических меньшинств при сохранении их самобытности осуществляется достаточно эффективно. Однако в тех государствах, у которых небольшой опыт самостоятельного существования, *«меньше традиция национального государства, там, где оно было не достроено или создано с принуждением, с большими авторитарными практиками или где есть компактно проживающие меньшинства, там, конечно, проблем гораздо больше. Это Болгария, Румыния, Босния и Герцеговина, Сербия, Северная Македония, не говоря уже об Албании»* (м., д-р полит. наук, профессор).

По мнению экспертов, *«секулярная стратегия политики идентичности ... в современных условиях более предпочтительна. Если какая-то страна интегрирует население на конфессиональной основе, то надо быть готовым к тому, что возникнет какой-то альтернативный проект или он будет политизироваться. Вот как ситуация в Турции; обращение к нормам, ценностям ислама, может быть, само по себе это положительное явление, но моментально вызвало «аллергическую реакцию» со стороны секулярных социал-демократических, либеральных партий. И там этот конфликт четко выражен»* (м., д-р полит. наук, профессор).

Эксперты отмечают, что эффекты использования инструментов политики идентичности в разных странах контрастны. Часто применяемая политика положительной дискриминации, политика предоставления квот для мигрантов, представителей автохтонных, коренных меньшинств, тем более если это связано с территориальным огораживанием, выделением ареала, где эти общности имеют какие-то особые права, может быть опасной и сказываться негативно в тех странах, где, казалось бы, меньшинства не очень значительны численно и у них мало экономических ресурсов. *«В той же Новой Зеландии, в Канаде звучат голоса, что этническое большинство должно каяться за колониализм, за века угнетения, но я не считаю это продуктивным»* (м., д-р полит. наук, профессор).

Во многих государствах в дискурсе политико-административной и публичной политической элиты декларируется встроенность государственной политики идентичности в другие направления политики, например в политику развития. *«Малые страны, богатые страны Запада, такие как Новая Зеландия, Шотландия, которая тоже является страной, они формируют политику развития, в которую включают формирование идентичности. Многие не называют политику идентичности сугубо политикой, но она всё равно присутствует»* (ж., д-р полит. наук, профессор).

Объективно цели государственной политики идентичности для органов власти и общества различаются. Для человека наибольшее значение имеет проявление государства как социального, реализация социальных программ. *«Вот, если человек ощущает себя стоящим двумя ногами и смотрящим в будущее, вот это и есть критерий»* (м., д-р полит. наук, профессор); *«А благополучие самого человека... Его нет. Потому что речь идет о самоощущении. Критерием является самоощущение гражданина в обществе»* (ж., д-р полит. наук, профессор). В то же время для политической элиты основной целью является обеспечение политической и социальной стабильности. *«Стабильность, преемственность. Устойчивый порядок»* (м., д-р полит. наук, профессор); *«устойчивость для элиты важна как показатель ее эффективности»* (ж., канд. полит. наук, доцент); *«констелляция интересов групп... Они [политико-административная элита] хотят стабильности»* (м., д-р полит. наук, профессор). Именно в связи с этим представлением эксперты говорили о необходимости ускоренного экономического и социального развития страны как синхронизации усилий с получением синергетического эффекта. *«Экономика, и образование — вот вещи, на которые надо делать сейчас ставку, надо объединить... ну вообще государство объединить через образование и через вот какие-то экономические вещи»* (м., д-р полит. наук, профессор).

Спорт на международной арене как представительство сильной страны — это очень сильный аргумент в формировании ощущения уважения к «своему» государству. *«Ну, возможно, мы могли бы говорить за спорт, к примеру. Но со спортом сами знаете, какая сейчас ситуация»* (ж., канд. полит. наук, доцент).

Символическая политика, как сильнейший инструмент государственной политики идентичности, имеет много направлений. Приоритетными, по мнению экспертов, являются топонимика, политика установки/сноса памятников, музейная политика (*«Музеи... Вопрос, как туда привести людей? Музеи прекрасные, здания великолепные, экспонаты редчайшие, люди, которые там работают, это профессионалы с высшим образованием, с большим опытом работы. Ну всё хорошо. Где люди? <...> не все жители республики и города были в Национальном музее»* (ж., канд. полит. наук, доцент)), патриотическое художественное и документальное кино (*«Кино и вообще телевидение. Герой нашего времени — кто он? Открываем какой-нибудь телевизионный канал, что мы видим? ... герои, понятно, вокруг которых формируются все эти ток-шоу ... главное, людям это интересно, вот там аудитория...»* (м., д-р полит. наук, профессор), *«Кино — это очень мощный инструмент... люди все равно продолжают ходить в кино, они хотят кино»* (ж., д-р полит. наук, профессор)).

Исключительно важным инструментом является внутренний туризм как возможность узнать и полюбить свою страну: *«Если вы пройдете по любому маршруту в Адыгее, в горах <...> маршруты сделаны таким образом, что ты гордишься за страну»* (ж., канд. полит. наук, доцент); *«Интерес появляется*

к изучению региона <...> ты приезжаешь ... и говоришь: “Ну, как дома...”» (ж., канд. полит. наук, доцент).

Эксперты отмечают, что набор инструментов государственной политики идентичности зависит во многом от направленности конструируемой модели. Как все идеальные типы при попытке классификации, негативная модель и позитивная модель на платформе развития социальных программ не исчерпывают всех вариантов возможных случаев, однако дают определенные ориентиры для понимания политической ситуации. Негативная модель апеллирует к культуре отмены, войнам памяти, культурной войне. *«Вот эти негативные категории, которые отвечают задачам некоторых государств по негативной мобилизации, но не отвечают общественному запросу на развитие. Я вижу здесь серьезные противоречия»* (ж., д-р полит. наук, профессор).

Использование позитивной модели, основанной на развитии социальных программ, позволяет гражданам испытывать чувство признательности к своим государствам за качество жизни (*«У богатых стран... был такой настрой на формирование модели общества и особенно экономики благополучия — «well-being economy». Не «welfare», а «well-being»*) (м., д-р полит. наук, профессор)) и возможности постоянного развития (*«Речь пойдет не только о социальной поддержке, но о создании благоприятной среды для развития, формирования идентичности. Это во многих программах присутствует. Есть такая платформа пяти богатых стран, к которым относятся Финляндия, Исландия, Уэльс, Шотландия, Новая Зеландия... Это малые экономики. Но они хотят быть лидерами дискуссии. Хотели! Это происходило до переломных событий»*) (ж., д-р полит. наук, профессор)), шанс проживания в хороших экологических условиях, поскольку государство заботится об этом и часть прибыли направляется через социальные программы на устранение экологических рисков (*«Социальная повестка интегрируется в климатическую»*) (м., доктор полит. наук, профессор)), сохранение национально-культурных традиций этнических групп (*«Очень популярным был мультикультурализм. Сейчас он непопулярен, но идеи интеграции и необходимости выстраивания взаимодействия в новых культурных обществах остаются. Интеркультурализм тоже не совсем новый, ему лет 10... Пытаются найти какие-то иные пути и модели»*) (ж., канд. полит. наук, доцент)).

Кроме того, эксперты упоминают о влиянии дискурса, выстраивании определенной стратегии коммуникации публичных политиков с населением по вопросам образа будущего государства. *«Это то, что в современном дискурсе называется „дискурсивная сила“. Использование дискурсивной силы является важнейшей характеристикой политики идентичности сегодня»* (м., д-р полит. наук, профессор).

Результаты проведенного экспертного опроса позволяют выявить некоторые значимые аспекты в понимании отечественными учеными инструментов государственной политики идентичности.

1. Эксперты подчеркивают доминирование типичного для государств «полупериферии» и «периферии» обращения к событиям прошлого, отсутствие внятного позитивного/конструктивного образа будущего государства, обязательности ставки на противостояние «Другому». *«То же касается... прибалтийских стран. На их примере очень легко говорить о том, что идентичность формируется в противостоянии, потому что они — европейская периферия. А формирование позитивной повестки — это следующий этап»* (м., д-р полит. наук, профессор).
2. Они обращают внимание на апеллирование к очевидным простейшим показателям, связанным с преодолением значительной частью населения уровня бедности. *«Если мы говорим об отсутствии позитивного образа, то это характерно для значительной части мира. Китайцы сформировали (или, по крайней мере, говорят о том, что они сформировали) такой позитивный образ. Но, по большей части, он присутствует за счет того, что они совершенно четко заявили о преодолении бедности. И вот этот этап, преодоление бедности, это та планка, по которой отсчитывается, скажем... даже не формирование позитивной идентичности, оно раньше было, а объединение общества вокруг этой повестки»* (м., д-р полит. наук, профессор); *«...особенно уровня развития территории. Положительный вектор в сторону снижения уровня неравенства. Не преодоления неравенства. Никто не думает, что оно вообще будет преодолено когда-то. Все знают, что это двигатель развития <...> Полного преодоления неравенства не будет, а вот движение в сторону снижения уровня неравенства или хотя бы доведение его, допустим, до социально допустимого уровня — это другой вопрос. Это главнейшая составляющая — позитивное движение в сторону максимально возможного преодоления неравенства»* (ж., д-р полит. наук, профессор).
3. Значимыми в современных условиях представляются гуманитарные ценности: *«Есть общие ориентиры, они связаны с просвещением и образованием, с внедрением гуманитарных ценностей...»* (ж., д-р полит. наук, профессор).
4. Декларация вовлечения населения в формирование «территорий социального благополучия» на локальном уровне: *«Есть модель экономики благополучия, общества благополучия, в котором государство не играет решающей роли. Там смысл такой, что на всех уровнях население вовлекается. Финны апробировали эту модель на местном уровне с помощью консультаций всякого рода»* (ж., д-р полит. наук, профессор).
5. Возможность использования «повестки сближения» на определенный срок: *«Есть позитивная динамика в отношении сближения регионов — это очень важная составляющая позитивно ориентированной политики идентичности»* (м., д-р полит. наук, профессор).

Заключение

Усиление государственного управленческого воздействия на сферу конструирования идентичности отвечает современным фундаментальным тенденциям к расширению функций и сфер государственного управления [Гришин 2019: 69]. В рамках этой общей тенденции государства осваивают новые инструменты управленческого воздействия, что приводит к появлению инноваций, но также является нелинейным процессом. Использование отдельных инструментов для задач по конструированию идентичности может оказаться неэффективным и приводить к пересмотру и совершенствованию управленческих практик [Попова 2019]. Очевидно, что наибольшая сложность в оценке инструментов государственной политики идентичности связана с проблемой измеримости поставленных задач и целей в этой сфере публичного регулирования.

Для государственной политики идентичности характерны специфические комбинации традиционных типов инструментов государственной политики. Инструменты прямого регулирования применяются только в сдерживающих целях. Наибольшую роль играют стимулирующие инструменты, которые, как правило, одновременно являются косвенными.

Для государственной политики идентичности характерна исключительно сложная комбинационность применяемых инструментов. Эксперты подчеркивают, что практически каждое государство применяет специфический и весьма широкий арсенал инструментов в сфере конструирования идентичности. Для исследователей данное обстоятельство затрудняет возможности корректной оценки эффективности каждого конкретного инструмента государственного воздействия.

Поступила в редакцию / Received: 21.10.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 12.12.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2024

Библиографический список

- Авксентьев В.А.* Деконструкция российской идентичности в новостных анонсах электронных СМИ // Научная мысль Кавказа. 2018. № 4. С. 37–43. <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2018-96-4-37-43>
- Баранов А.В.* Социокультурная интеграция российского общества под влиянием Украинского кризиса 2013–2022 гг. и задачи политики идентичности // Управленческое консультирование. 2023. № 1 (169). С. 10–23.
- Баранов Н.А.* Крымский фактор в формировании общероссийской гражданской идентичности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3. С. 59–65. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2019-60-3-059-065>
- Вельфенс П.* Основы экономической политики. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2002.
- Горлова И.И., Зорин А.И.* Формирование и укрепление общероссийской идентичности и гражданского единства как приоритетные направления современной государственной политики Российской Федерации // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 2. С. 5–9.
- Горшков М.К.* Роль государства в сохранении и развитии национальной и гражданской идентичности и укреплении доверия в контексте глобальных процессов // Гуманитарий Юга России. 2016. № 3. С. 11–25.

- Гришин Н.В.* Государственная политика идентичности: новая ставка в политической борьбе? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 55. С. 231–239. <https://doi.org/10.17223/1998863X/55/23>
- Гришин Н.В.* Государство как субъект политики формирования идентичности // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. 3. С. 66–72. <https://doi.org/10.21672/1818-510X-2019-60-3-066-072>
- Гуцалов А.А.* Объективные показатели успешности политики национальной идентичности // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сборник научных статей / отв. ред. И.И. Горлова. Москва: Институт Наследия, 2023. С. 265–283.
- Зорин В.Ю., Рудаков А.В.* Политика идентичности как фактор обеспечения суверенитета в условиях глобализации // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 3. С. 55–70.
- Лагутин О.В.* Принципы государственной политики формирования идентичности в современной России // Конфликтология. 2019. № 3. С. 44–55.
- Лубский А.В.* Проекты конструирования национальной идентичности в современной России // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7, № 1. С. 48–64.
- Малинова О.Ю.* Политика идентичности как борьба за смыслы: проблемы концептуализации // Символическая политика: сб. науч. тр. Вып. 5. М.: РАН ИНИОН, 2017. С. 7–20.
- Митрошенков О.А.* Идентичность: от теоретического концепта к управленческим воздействиям // Власть. 2016. Том 24. № 2. С. 14–28.
- Попова О.В.* Государственная политика идентичности как теоретический конструкт и реальная практика: опыт экспертных оценок российских исследователей // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20. № 4. С. 74–91. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-4-74-91>
- Попова О.В.* О нерешенных проблемах теории государственной политики идентичности в российской политологии // Политическая наука. 2020. № 4. С. 86–110. <https://doi.org/10.31249/poln/2020.04.05>
- Титов В.В.* Государственная политика идентичности в Российской Федерации: проблема институциональной организации // Вопросы политологии. 2022. Т. 12. № 7 (83). С. 2261–2268.
- Hood C., Margetts H.* *The Tools of Government in the Digital Age*. Basingstoke: Palgrave, 2007.
- Lascoumes P., Patrick G.* Introduction: Understanding Public Policy through Its Instruments // Governance. 2007. Vol. 20. Is. 1. P. 1–27. <https://doi.org/10.1111/j.1468-0491.2007.00342.x>.
- Salomon L.* *The Tools of Government: A Guide to the New Governance*. New York: Oxford University Press, 2002.

Сведения об авторах:

Попова Ольга Валентиновна — доктор политических наук, старший научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук; заведующая кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: pov_64@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0701-7767)

Гришин Николай Владимирович — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук; профессор кафедры политических институтов и прикладных политических исследований, Санкт-Петербургский государственный университет (e-mail: nvgrishin@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0850-7581)

МОЛОДЕЖЬ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ: ЦЕННОСТНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ

YOUTH IN POLITICAL PROCESSES: VALUE AND IDEOLOGICAL SELF-DETERMINATION

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-341-356
EDN: MPJWST

Научная статья / Research article

«В слове „МЫ“ сто тысяч „Я“»: коллективное и индивидуальное в мировоззрении российской молодежи

А.В. Селезнева¹ , Д.Д. Тулегенова^{1, 2}

¹ *Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация*

² *Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация*

 ntonina@mail.ru

Аннотация. Сегодня в изучении современной российской молодежи особое место занимает вопрос о соотношении коллективного и индивидуального в ее сознании и мировоззрении. Молодым людям для осознания своей личности и принадлежности к различным социальным группам, для принятия или непринятия ценностей, норм, идеалов общества, в котором они находятся, в целом свойственно стремление отделиться от социума, чтобы более отчетливо понять свое место в нем. При этом наша политическая культура считается коллективистской, ориентированной на идеи и ценности соборности и солидарности. В связи с этим исследование было направлено на выявление установок и ориентаций на коллективное и индивидуальное в сознании современной российской молодежи. Эмпирическую базу исследования составили данные проведенного осенью 2022 г. всероссийского репрезентативного опроса граждан в возрасте 14–30 лет ($n = 2\,500$). Качественная часть исследования представлена материалами проведенных осенью 2023 г. 8 фокус-групп, участниками которых стали молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет. Результаты исследования позволяют нам говорить о том, что для современной российской молодежи характерно МЫ-мировоззрение, которое представляет собой сложный комплекс противоречивых, но взаимосвязанных ценностей, представлений, ориентаций и установок на включенность

© Селезнева А.В., Тулегенова Д.Д., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

в общественные связи и отношения. Его особенность заключается в том, что в нем проявляются одновременно элементы традиционного для отечественной политической традиции коллективного (солидарного, соборного, общинного) и отчасти противоположного ему индивидуалистического начал. Молодежь сохраняет установки на объединение и солидарные социальные отношения, при этом социальные группы, общество, государство и взаимодействие с ними воспринимаются молодыми людьми только сквозь призму «Я» как определяющие контекст, условия и обстоятельства их жизнедеятельности и создающие возможности для их саморазвития, самовыражения и самореализации.

Ключевые слова: молодежь, коллективизм, индивидуализм, традиционные ценности, политические ценности, мировоззрение

Для цитирования: Селезнева А.В., Тулегенова Д.Д. «В слове „МЫ“ сто тысяч „Я“»: коллективное и индивидуальное в мировоззрении российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 341–356. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-341-356>

A Hundred Thousand “Me” in One “We”: Collective and Individual in the Russian Youth Worldview

Antonina V. Selezneva¹ , Dinara D. Tulegenova^{1,2}

¹ *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

² *Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation*

 ntonina@mail.ru

Abstract. Today, the question of the relationship between the collective and the individual in their consciousness and worldview occupies a special place in the study of modern Russian youth. Young people tend to want to separate themselves from society in order to understand their personality and belonging to various social groups, to accept or not accept the values, norms, ideals of the society in which they are located, in general, to understand their place in it. At the same time, our political culture is considered collectivist, oriented towards the ideas and values of conciliarity and solidarity. In this regard, the study was aimed at identifying attitudes and orientations towards the collective and individual in the minds of modern Russian youth. The empirical base of the study was made up of data from the All-Russian representative survey of citizens aged 14–30 years ($n = 2,500$) conducted in the fall of 2022. The qualitative part of the study is presented by the materials of 8 focus groups conducted in the fall of 2023, the participants of which were young people aged 14 to 30 years living in all federal districts of Russia. The general conclusion of the study was the results of the study allow us to say that the so-called We-worldview is characteristic of modern Russian youth, which is a complex set of contradictory but interrelated values, ideas, orientations and attitudes towards inclusion in public relations and relationships. Its peculiarity lies in the fact that it simultaneously manifests elements of the collective (solidary, conciliar, communal) and partly individualistic principles that are traditional for the domestic political tradition. Young people retain attitudes towards unification and solidary social relations. At the same time, social groups, society, the state and interaction with them are perceived by young people only through the prism of the “I” as defining the context, conditions and circumstances of their life and creating opportunities for their self-development, self-expression and self-realization.

Keywords: youth, collectivism, individualism, traditional values, political values, worldview

For citation: Selezneva, A.V., & Tulegenova, D.D. (2024). A hundred thousand “me” in one “we”: Collective and individual in the Russian youth worldview. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 341–356. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-341-356>

Введение

Исследование политических ценностей и представлений современной российской молодежи в рамках смысловой линии «коллективное — индивидуальное» актуально сегодня по ряду причин.

Во-первых, изучая особенности жизнедеятельности молодежи в государстве и обществе, исследователи в последние годы все больше фокусируются на актуализированных в сознании молодежи традиционных ценностях, сохранение и укрепление которых является важной государственной задачей. При этом предметом эмпирического анализа являются преимущественно патерналистские и патриотические ориентации, ценности безопасности, справедливости, свободы [Mareeva 2018; Касамара, Максименкова, Сорокина 2020; Асеева, Шашкова 2021; Турков 2021; Евгеньева, Селезнева, Скипин, Тулегенова 2023; Андреева 2023]. Тогда как коллективизм, соборность и солидарность находятся скорее на периферии научного интереса, а проведенные исследования [Черныш 2015; Пушкарева, Кузнецов, Батоврина 2021] фиксируют скорее поведенческие практики их реализации, нежели выявляют их смысловое наполнение и интерпретируют его в социокультурном и политико-идеологическом контекстах.

Во-вторых, молодым людям для осознания своей личности, осмысления принадлежности к различным социальным группам, принятия или неприятия ценностей, норм, идеалов общества, в котором они находятся, в целом свойственно стремление отделиться от социума, чтобы более отчетливо понять свое место в нем. Современная молодежь — сложное и внутренне противоречивое поколение, социализация которого, в том числе политическая, в условиях постсоветской реальности происходит под перекрестным влиянием традиций отечественной политической культуры, имеющих устойчивый характер и обуславливающих политические ориентации и поведенческие паттерны людей, и современных глобальных социокультурных процессов, одним из которых является индивидуализация, проявляющаяся в автономизации людей и приводящая к росту неопределенности, подрыву экзистенциальной безопасности личности [Селезнева, Попова 2021].

Отечественную политическую культуру относят к категории коллективистских как зарубежные [Hofstede, Hofstede, Minkov 2010], так и отечественные исследователи, утверждая, что «коллективное (соборное) начало — неотъемлемый компонент российской цивилизации, а коллективизм — традиционный элемент национальной политической культуры» [Баталов 2008: 119]. Воплощением соборного начала в русской национальной традиции является

единение народа вокруг общего идеала, идея превосходства коллективного начала над индивидуальным, определяющая особый — «надындивидуальный» — тип бытия, обозначаемый такими понятиями, как «МЫ-мировоззрение», «общинное чувство», «хоровой принцип», «соборность», «коллективизм» [Шабров 2011; Цыганков 2012; Егоров 2014].

Указанные обстоятельства ставят перед нами задачу изучения ценностей, представлений и установок молодежи, определяющих особенности ее мировоззрения в рамках смысловой линии «коллективное — индивидуальное».

Концептуальные основания, материалы и методы исследования

Теоретико-методологическим фундаментом нашего исследования является политико-психологический подход, который позволяет изучать структурно-содержательные характеристики сознания, самосознания, мировоззрения молодежи в предметном поле политической науки с применением концептуальных положений и инструментальных возможностей социологии и психологии [Селезнева 2022]. Поскольку в нашем исследовании речь идет о политических ценностях, представлениях и установках как элементах мировоззрения молодежи в их традиционном смысловом наполнении, мы опираемся на положения теории политической культуры и разработки историков социально-политической мысли, касающиеся аксиологических оснований российской государственности [Сергеев 2012; Перевезенцев, Пучнина, Страхов, Шакирова 2021; Перевезенцев, Ананьев 2023].

В качестве основополагающего мы используем понятие «МЫ-мировоззрение», которое обозначает совокупность ценностей, представлений, ориентаций и установок людей, определяющих их рациональную и неосознаваемую, реальную и потенциальную включенность в общественные связи и отношения, и характер их взаимодействия с представителями социальных групп, сообществ и организаций. Его смысловую основу формируют идеи соборности¹, солидарности²

¹ Это понятие, которого нет ни в одном языке мира, имеет религиозный смысл, спроецированный на социально-политические отношения: «воплощение соборного начала в русской национальной традиции — это единение народа вокруг общего идеала» [Седаев, Устинкин, Кочуров 2022: 44]. Исследователи отмечают, что «соборность как этическая сущность русского коллективизма включает в себя такие общечеловеческие нравственные ценности, как честь, совесть, свобода, ответственность, долг, патриотизм, преобладание общинных интересов над личными [Войтенко, Соколов, Лубский 2019: 73].

² Социальная (общественная) солидарность рассматривается как «система социальных связей, политических отношений и духовных скреп, обеспечивающих целостность общества, помогающих гражданам сознавать общность своей исторической судьбы, свое коллективное МЫ, формирующих уважение к общественным нормам, готовность к совместной деятельности, взаимопомощи» [Кузнецов 2021: 238]. Она имеет «„абсолютный источник“ в христианском единстве, не ограниченном осязаемыми пределами и не направленном в сторону индивидуальных предпочтений» [Егоров 2014: 27].

и коллективизма³, которые имеют аксиологическое значение и с точки зрения политической психологии отражаются в ценностных ориентациях и установках людей. В качестве конкретных параметров для анализа структурно-содержательных особенностей МБ-мировоззрения российской молодежи мы выделили следующие:

- ориентацию на общее благо (в противоречии или в сочетании с ориентацией на личную пользу);
- установки на объединение с людьми и солидарные социально-политические отношения (в противоречии или в сочетании с конкурентными), которые носят действенный характер и определяются целями, мотивами и результатами (с кем, зачем и при каких условиях готовы объединяться);
- установки на жертвенность, которая предметно выражена и объектно обусловлена (чем, ради кого/чего и при каких условиях готовы жертвовать).

Эмпирическую базу исследования составили данные проведенного осенью 2022 г. всероссийского репрезентативного опроса граждан в возрасте 14–30 лет с многоступенчатой, пропорциональной, районированной (стратифицированной) выборкой общим объемом 2 500 человек из разных типов субъектов России из всех Федеральных округов. Качественная часть исследования представлена материалами проведенных осенью 2023 г. 8 фокус-групп, участниками которых стали молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет, проживающие во всех федеральных округах РФ.

Результаты исследования и их осмысление

Ценность солидарности, хотя и не занимает лидирующих позиций в иерархии ценностных категорий, но актуальна и находит свое место в сознании молодых людей. Она входит в десятку приоритетных ценностей молодежи и является «очень значимой» для 37,5 % респондентов (табл. 1). Отметим рост актуальности данной аксиологической категории за последние годы: если в 2020 г. солидарность была «очень значима» для 31,5 % респондентов, то по результатам опроса в 2022 г. этот показатель составляет 37,5 % (табл. 2).

³ Коллективизм как понятие, ассоциирующееся с советским периодом и марксистской традицией, носит ценностный характер и отражает особый (в противоположность индивидуализму) тип социальных отношений. Исследователи отмечают: «Основная идея коллективизма состоит в том, что система отношений, возникающих на основе совместной жизни людей, воспроизводимых и трансформируемых их деятельностью, заключается в тенденции к единству, „общинности“, соборности, товарищеским формам сотрудничества. Коллективизм предполагает такие отношения между личностью и обществом, при которых развитие общества в целом создает благоприятные условия для развития личности, а развитие последней представляет собой основное условие прогресса всего общества» [Пискорская 2006: 277].

Таблица 1

**Политические ценности российской молодежи
(результаты оценочного шкалирования, 2022 г., %)**

Ценностные понятия	-1 отрицательное значение	0 не имеет значения	1 имеет небольшое значение	2 довольно значимо	3 очень значимо
Равенство	1,9	14,4	21,3	26,8	35,5
Демократия	3,5	14,3	24	26,6	31,6
Частная собственность	2,2	9,2	21,9	32,5	34,3
Национализм	25,5	25,7	21,2	15	12,6
Традиционность	10,1	19,6	26,6	21,6	22,1
Стабильность	2,6	6,1	19	26,3	46
Солидарность	2,1	11,5	20,1	28,8	37,5
Толерантность	7	12,6	21,2	21,3	37,9
Мир	1,4	5,1	12	10,8	70,7
Порядок	0,9	6	14,7	20,7	57,7
Свобода	1,8	4,5	15,8	18,2	59,7
Законность	1,5	5	13,6	16,1	63,8
Патриотизм	5,1	14,5	20,8	20,6	39
Безопасность	2,1	4,1	12,3	13,6	68
Справедливость	0,7	4,7	11,9	14,9	67,8
Коллективизм	7,5	19,1	23,6	24,1	25,7
Личная инициатива	1,3	11,8	21,1	35,6	30,1
Права человека	1,5	4,4	12,8	14	67,3

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

Table 1

Political values of Russian youth (results of estimated scaling, 2022, %)

Value concepts	-1 negative value	0 It doesn't matter	1 It has a small value	2 quite significant	3 very significant
Equality	1.9	14.4	21.3	26.8	35.5
Democracy	3.5	14.3	24	26.6	31.6
Private property	2.2	9.2	21.9	32.5	34.3
Nationalism	25.5	25.7	21.2	15	12.6
Tradition	10.1	19.6	26.6	21.6	22.1
Stability	2.6	6.1	19	26.3	46
Solidarity	2.1	11.5	20.1	28.8	37.5
Tolerance	7	12.6	21.2	21.3	37.9
Peace	1.4	5.1	12	10.8	70.7
Order	0.9	6	14.7	20.7	57.7
Freedom	1.8	4.5	15.8	18.2	59.7
Legality	1.5	5	13.6	16.1	63.8
Patriotism	5.1	14.5	20.8	20.6	39
Safety	2.1	4.1	12.3	13.6	68
Equity	0.7	4.7	11.9	14.9	67.8
Collectivism	7.5	19.1	23.6	24.1	25.7
Personal initiative	1.3	11.8	21.1	35.6	30.1
Human rights	1.5	4.4	12.8	14	67.3

Source: compiled by the authors.

Ценность коллективизма менее актуальна для современной российской молодежи, чем ценности солидарности: она «очень значима» для четверти наших респондентов (25,7 %). При этом необходимо указать на рост ее актуальности — в 2020 г. коллективизм был «очень значим» для 18,6 % опрошенных⁴.

Таблица 2

Динамика политических ценностей российской молодежи в 2020 и 2022 гг. (результаты оценочного шкалирования, данные по позиции «очень значимо», %)

Политические ценности	2020 г.	2022 г.
Равенство	33,5	35,5
Демократия	31,8	31,6
Частная собственность	34,4	34,3
Национализм	10,5	12,6
Традиционность	19,2	22,1
Стабильность	42,5	46
Солидарность	31,5	37,5
Толерантность	35,9	37,9
Мир	73,2	70,7
Порядок	62,2	57,7
Свобода	68,7	59,7
Законность	66,0	63,8
Патриотизм	32,7	39
Безопасность	69,9	68
Справедливость	68,2	67,8
Коллективизм	18,6	25,7
Личная инициатива	36,3	30,1
Права человека	73,5	67,3

Источник: составлено авторами по результатам исследования.

⁴ Представляется важным отметить, что, определяя значимость для себя тех или иных ценностных понятий, молодые люди зачастую находятся под влиянием существующих в информационном пространстве коннотаций. Это ярко прослеживается на примере аксиологического понятия «коллективизм», которое в разных смыслах и с разным эмоциональным знаком позиционируется в общественно-политическом дискурсе и транслируется в повседневной коммуникации. Ассоциируя его с советским прошлым, молодые люди зачастую не придают этому понятию высокого значения в процессе определения собственной ценностной иерархии. Однако в процессе обсуждения ценностно-смысловых ориентиров своей жизнедеятельности в рамках фокус-групп респонденты, по сути, демонстрируют наличие установок на коллективные действия и значимость для них солидарных практик.

The dynamics of the political values of Russian youth, 2020, 2022
(the results of the evaluation scaling, data on the position “very significant”, %)

Political values	2020 r.	2022 r.
Equality	33.5	35.5
Democracy	31.8	31.6
Private property	34.4	34.3
Nationalism	10.5	12.6
Tradition	19.2	22.1
Stability	42.5	46
Solidarity	31.5	37.5
Tolerance	35.9	37.9
Peace	73.2	70.7
Order	62.2	57.7
Freedom	68.7	59.7
Legality	66.0	63.8
Patriotism	32.7	39
Safety	69.9	68
Equity	68.2	67.8
Collectivism	18.6	25.7
Personal initiative	36.3	30.1
Human rights	73.5	67.3

Source: compiled by the authors.

Анализируя количественные данные по двум рассматриваемым ценностным категориям с точки зрения соотношения показателей между оценками по шкале, отметим следующее (см. табл. 1). В отношении солидарности не наблюдается существенного разрыва между оценками: он составляет менее 10 п.п. при выраженной тенденции к увеличению ее значимости — от оценки «0» (не имеет значения) до оценки «3» (очень значимо) показатели увеличиваются на 26 п.п. В отношении коллективизма также наблюдается рост значений от оценки «0» (не имеет значения) до оценки «3» (очень значимо) на почти те же 26 п.п. Это свидетельствует о недостаточной определенности молодых людей в отношении этих аксиологических категорий при общей тенденции к возрастанию их значимости.

Анализ материалов фокус-групп по всем параметрам, которые мы выделили в исследовательской модели, позволяет обозначить структурно-содержательные особенности ориентаций и установок МЫ-мировоззрения российской молодежи.

Результаты опросов общественного мнения ВЦИОМ показывают, что в тройку важнейших жизненных ориентиров российской молодежи входит возможность приносить пользу своему народу, обществу⁵. Наши респонденты также демонстрируют ориентации на общее благо: *«Я делаю какие-то действия, которые влекут за собой пользу какому-то месту — будь то страна, дом, подъезд, квартира и т.д.»* (24 года, муж., Москва). Здесь прослеживается связь с представлениями молодых людей о патриотизме: *«Для меня патриотизм — это объединение людей, которое может привести к всеобщему благу»* (28 лет, муж., Свердловская обл.).

В то же время в ответах респондентов просматривается прагматичный и утилитарный характер ценностных ориентаций и жизненных целей молодежи: «общее» и «общественное» всегда воспринимается сквозь призму личного блага и интереса, в связи с чем и готовность сделать что-либо для других определяется пользой для себя. *«Пока я не пойму, что от меня хотят, и насколько это выгодно обществу, и мне что от этого общества, будет ли в этом какой-то интерес, что-то мне будет от этого положительное или не будет»* (27 лет, жен., Нижегородская обл.)

Ценности солидарности и коллективизма проявляются в наличии у молодых людей установок на объединение и солидарные социально-политические отношения и реализуются в поведении и деятельности людей — в практиках социальной активности, гражданского и политического участия, основанных на взаимодействии, взаимопомощи, согласии и сотрудничестве. Ярким примером социальной солидарности и гражданской активности в российском обществе с самым действенным участием молодежи является волонтерство, значимость которого замечается и по результатам мониторингового опроса ВЦИОМ⁶. Наши респонденты выражают готовность по мере сил участвовать в помощи и поддержке тех, кто в этом нуждается. Однако участие в политике для молодежи не является важным жизненным приоритетом: регулярно готовы участвовать в общественно-политической жизни страны 38,1 % опрошенных нами молодых людей. Наши коллеги социологи также отмечают, что «молодежь демонстрирует низкий уровень политического участия и солидарности, слабую включенность в деятельность политических и общественных организаций» [Зубок, Чупров 2020: 200].

Ориентации на солидарные социально-политические отношения имеют действенный характер и определяются целями, мотивами и результатами. Молодые люди готовы объединяться с представителями разных социальных, в том числе этноконфессиональных групп: *«Какая нафиг разница, какие национальности?! Мы одна страна, проживали друг с другом долгое время. А значит, мы единое целое, и россиянин — не тот, кто проживает,*

⁵ Ценности молодежи. 14 декабря 2022 г. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cennosti-molodezhi> (дата обращения: 15.01.2024).

⁶ Волонтеры России: мониторинг. 4 декабря 2023. ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-rossii-monitoring> (дата обращения: 15.01.2024).

а тот, у кого состояние души такое. Проживание территориально на одной локации сплетает наши души» (23 года, муж., Москва). При этом мотивация и цели объединения разнообразны и сочетают в себе индивидуалистические и коллективистские, прагматические и альтруистические аспекты: *«Если (коллективное. — Прим. авт.) совпадает с моими желаниями, целями, принципами жизни»* (27 лет, жен., Омская обл.); *«Если эти (коллективные. — Прим. авт.) цели адекватные и не противоречат вообще человечности, законам человечности»* (27 лет, жен., Нижегородская обл.); *«Два факта должны совпасть: общность целей, но чтобы мне это тоже было выгодно, и если я могу сделать что-то полезное»* (24 года, муж., Москва), *«Если бы я видел, что то, чем я занимаюсь, приносит пользу, и людям это интересно»* (23 года, муж., Московская обл.).

Демонстрируя установку на солидарные отношения, молодежь тем не менее рассматривает конкуренцию как закон природы и необходимое условие для развития общества: *«Только благодаря конкуренции и какому-то соперничеству можно, действительно, к чему-то стремиться и к чему-то двигаться»* (27 лет, муж., Москва). При этом высказываются опасения по поводу направленности и границ соперничества: *«Да, конкуренция является неотъемлемым свойством свободного человека. Но она должна быть целенаправленной и разумной»* (23 года, муж., Москва).

Представители молодежи декларируют некоторую готовность жертвовать собственными интересами ради других, но преимущественно ради близких и родных людей: *«Я готова пожертвовать только в том случае, если эти люди — мои близкие: друзья, семья. В других случаях нет, пойду по головам»* (23 года, жен., Республика Татарстан); *«Я часто жертвую своими интересами ради человека, которого очень сильно люблю»* (20 лет, муж., Свердловская обл.). В отношении других людей и социальных групп эта установка не прослеживается: *«Если говорить про какой-то рабочий коллектив, то нет (не готова жертвовать. — Прим. авт.). Про общество — я бы сказала, что тоже нет»* (24 года, жен., Республика Татарстан).

Основные факторы солидаризации у наших респондентов связаны с государством. Ключевым из них являются вложения со стороны государства в молодых людей⁷ как обязательное условие их участия в достижении коллективных целей: *«Если эта жертва превышает вложенное в меня, то это уже дискомфорт, не буду это делать. Или буду, если буду знать, что государство в дальнейшем тоже вложится»* (23 года, муж., Москва). Кроме того, для них важно наличие какой-то обозначенной государством общей цели, которую респонденты сегодня не наблюдают: *«Я даже не слышала, чтобы государство декларировало какую-то публичную цель, которую надо достигать»* (20 лет, жен., Новосибирская область).

⁷ В этом проявляется выявленная ранее традиционная для отечественной политической культуры установка российской молодежи на патернализм [Евгеньева и др. 2023].

Заключение

Обобщение и осмысление эмпирических данных позволяет нам сделать следующие выводы о поколенческой специфике МЫ-мировоззрения российской молодежи.

Во-первых, уже обозначенный ранее противоречивый характер системы ценностей российской молодежи [Селезнева 2024] проявляется и том, каким образом отражаются в ней коллективное и индивидуальное начала. С одной стороны, традиционные ценности солидарности и коллективизма, не занимая в ценностной иерархии приоритетных позиций являются тем не менее значимыми для молодежи. С другой стороны, она четко артикулирует и демонстрирует индивидуалистические прагматические установки и ориентации.

Наличие этих противоречий не является чем-то удивительным, поскольку наша молодежь в процессе ее социализации находится под перекрестным влиянием традиций отечественной политической культуры, которая носит устойчивый характер и обуславливает политические ориентации и поведенческие паттерны людей, и современных глобальных социокультурных процессов, одним из которых является индивидуализация, проявляющаяся в автономизации людей и приводящая к росту неопределенности, подрыву экзистенциальной безопасности личности [Селезнева, Попова 2021].

Во-вторых, молодые люди демонстрируют высокий уровень социальной активности и готовности откликнуться на разного рода социальные инициативы, для них актуальны практики волонтерства, экологические, благотворительные и другие формы самоорганизации, которые позволяют приносить пользу и оказывать помощь другим людям и обществу в целом. Однако мы фиксируем выборочный подход в отношении практик социального участия и, как и наши коллеги, отмечаем отчуждение молодых людей от политической сферы [Парма 2021; Кудрина, Печенкин, Косарева 2022]. Кроме того, мотивация вовлечения в солидарные социально-политические отношения носит индивидуалистический характер и определяется, прежде всего, личным интересом, благом, выгодой.

В-третьих, социальные субъекты, с которыми могут и/или должны взаимодействовать молодые люди, четко делятся для них на ближний круг (семья, друзья — понятные, близкие, родные) и все остальные (далекие и непонятные общество и государство). Поэтому и определяющие сущность МЫ-мировоззрения молодежи ориентации и установки дифференцированы на позитивные — в отношении первых и нейтрально-негативные — в отношении вторых. Это является проявлением идентификационной модели «свой — чужой», которая лежит в основе восприятия молодежью социально-политической реальности, определяет ее мировоззрение и самосознание, обуславливает специфику взаимодействия с другими людьми, социальными группами, политическими институтами [Евгеньева 2022].

Таким образом, результаты исследования позволяют нам говорить о том, что для современной российской молодежи характерно так называемое

МЫ-мировоззрение. Оно представляет собой сложный комплекс противоречивых, но взаимосвязанных ценностей, представлений, ориентаций и установок на включенность в общественные связи и отношения. Его особенность заключается в том, что в нем проявляются одновременно элементы традиционного для отечественной политической традиции коллективного (солидарного, соборного, общинного) и отчасти противоположного ему индивидуалистического начал. И от наличия последнего оно не перестает быть таковым, поскольку его структурно-содержательные особенности определяются поколенческой спецификой. Молодежь сохраняет установки на объединение и солидарные социальные отношения. При этом социальные группы, общество, государство и взаимодействие с ними воспринимаются молодыми людьми только сквозь призму «Я» как определяющие контекст, условия и обстоятельства их жизнедеятельности и создающие возможности для их саморазвития, самовыражения и самореализации.

Обозначенные признаки МЫ-мировоззрения молодых людей оставляют открытыми вопросы о выработке и реализации эффективных механизмов и технологий взаимодействия с ними, адекватных политическому контексту и соответствующих психологическим особенностям представителей этой поколенческой общности. Сегодня влияние политических ценностей на поведенческую активность и деятельность молодежи становится все более ситуативным: в результате фрагментарного усвоения этико-нормативных кодов [Ушкин, Коваль, Жадунова 2020] ценностные ориентации и мировоззренческие установки перестают быть универсальными детерминантами поведения, а их актуализация все больше определяется условиями той или иной ситуации. Это, с одной стороны, создает серьезные сложности во взаимоотношениях с молодыми людьми и определяет трудности прогнозирования их реакций (вербальных, эмоционально-оценочных, поведенческих) на те или иные действия, события, процессы. С другой — определяет ключевые направления и организационно-методические особенности работы с молодежью: просвещение и воспитание — для повышения гражданской компетентности и укрепления ценностей как моральных абсолютов и смысложизненных ориентиров, вовлечение в солидарные практики — для реализации индивидуальных интересов, потребностей и установок в социально значимой деятельности, направленной на общее благо.

Поступила в редакцию / Received: 10.03.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 13.03.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2024

Библиографический список

Андреева А.С. Три измерения взрослости в XXI веке: ответственность, свобода и забота // Социологические исследования. 2023. № 7. С. 105–116. <http://doi.org/10.31857/S013216250023698-0>.

- Асеева Т.А., Шашкова Я.Ю. Представления о патриотизме школьников Сибирского федерального округа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23, № 1. С. 118–129. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-118-129>.
- Баталов Э.Я. Человек, мир, политика. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2008.
- Войтенко В.П., Соколов В.А., Лубский Р.А. Коллективизм и индивидуализм в России как предмет теоретической рефлексии // Философия права. 2019. № 3. С. 71–77.
- Евгеньева Т.В., Селезнева А.В., Скипин Н.С., Тулегенова Д.Д. Запрос на патернализм: идея и ценность государства в сознании российской молодежи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 1. С. 233–251. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-233-251>.
- Евгеньева Т.В. Влияние социально-политической идентификации современной молодежи на представления о моральных ценностях и нормах // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, № 2. С. 84–90. <http://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-2-84-90>.
- Егоров В.Г. Социетальные основания российской политической модернизации // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2014. № 7. С. 24–27.
- Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М.: Норма, 2020. 304 с.
- Касамара В.А., Максименкова М.С., Сорокина А.А. Справедливость в представлениях российской студенческой молодежи // Общественные науки и современность. 2020. № 4. С. 20–30. <http://doi.org/10.31857/S086904990010748-4>.
- Кудрина Ю.А., Печенкин Н.М., Косарева А.А. Политическое участие молодежи на выборах в Государственную Думу в 2021 г.: ценностные установки, электоральные предпочтения и политическое поведение // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12 (3). С. 142–150.
- Кузнецов И.И. Политическое сознание российского студенчества: общественная солидарность, доверие, взаимодействие // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 59. С. 237–252. <http://doi.org/10.17223/1998863X/59/22>.
- Парма Р.В. Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 145–170. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042>.
- Перевезенцев С.В., Пучнина О.Е., Страхов А.Б., Шакирова А.А. К вопросу о методологических принципах изучения российских базисных традиционных ценностей // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2021. № 4. С. 113–133. <http://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4-113-133>.
- Перевезенцев С.В., Ананьев Д.А. Аксиологические основы российской государственности: «правда» и «справедливость» в отечественном идейно-политическом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. № 1. С. 21–37. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-21-37>.
- Пискорская С.Ю. Социально-философский анализ понятия «коллективизм» и его связь с «Русской идеей» // Вестник КрасГАУ. 2006. № 11. С. 277–280.
- Пушкарева Г.В., Кузнецов И.И., Батоврина Е.В. Особенности включения российского студенчества в общественные солидарные связи // Социологические исследования. 2021. № 10. С. 125–131. <http://doi.org/10.31857/S013216250012813-7>.
- Седаев П.В., Устинкин С.В., Кочуров А.С. Традиционные ценности соборности и державности как одна из основ формирования российской государственности // Власть. 2022. № 4. С. 43–46. <http://doi.org/10.31171/vlast.v30i4.9122>.
- Селезнева А.В., Антонов Д.Е. Ценностные основания гражданского самосознания российской молодежи // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 58. С. 227–241.

- Селезнева А.В., Попова С.Ю. Социально-политическая и гражданская активность молодежи: между массовизацией и индивидуализацией // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. 2021. Т. 10, № 1. С. 12–22. <http://doi.org/10.18500/2304-9790-2021-10-1-12-22>.
- Селезнева А.В. Российская молодежь: политико-психологический портрет на фоне эпохи. М., 2022. 288 с.
- Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: традиционные смыслы в современных условиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 275–279. <http://doi.org/10.17223/1998863X/77/23>.
- Сергеев В.М. Исторические истоки русской политической культуры // Полис. Политические исследования. 2012. № 4. С. 8–22.
- Турков Е.А. Патерналистические ориентации российской учащейся молодежи: политико-психологический анализ // Полилог/Polylogos. 2021. Т 5, № 3. URL: <https://polylogos-journal.ru/s258770110017317-0-1/> (дата обращения: 16.03.2024). <http://doi.org/10.18254/S258770110017317-0>.
- Ушкин С.Г., Коваль Е.А., Жадунова Н.В. От теоретических конструкций к практическим убеждениям: как этические принципы реализуются в жизненных стратегиях молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 3 (157). С. 66–93. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1596>.
- Цыганков А.П. Русские ценности и внешняя политика // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2012. № 3. С. 93–96.
- Черныш Ю.А. О формировании культуры солидарности в российском обществе // Альманах современной науки и образования. 2015. № 6 (96). С. 154–156.
- Шабров О.Ф. Духовные основы российской политики // Открытое образование. 2011. № 2. С. 155–158.
- Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. Revised and expanded third edition. New York, 2010. 576 с.
- Mareeva S.V. *Russian Youth: Specifics of Identities and Values // Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries*. Singapore: World Scientific Publishing Co. Pte Ltd, 2018. P. 233–252.

References

- Andreeva, A.S. (2023). Three dimensions of adulthood: Freedom, responsibility, and care. *Sociological Studies*, 7, 105–116. (In Russian). <http://doi.org/10.31857/S013216250023698-0>.
- Aseeva, T.A., & Shashkova, Ya.Yu. (2021). Perception of patriotism by schoolchildren of the Siberian Federal District. *RUDN Journal of Political Science*, 23, 1, 118–129. (In Russian).
- Batalov, E. (2008). *Human, world, politics*. Moscow. Academic Educational Forum on International Relations «International Trends». (In Russian).
- Chernysh, Yu.A. (2015). On formation of culture of solidarity in the Russian society. *Almanac of Modern Science and Education*, (6), 154–156. (In Russian).
- Egorov, V. (2014). Societal grounds Russian political modernization. *Observer*, (7), 24–27. (In Russian).
- Evgenyeva, T.V. (2022). The influence of the socio-political identification of modern youth on notions of moral values and norms. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 12(2), 84–90. (In Russian). <http://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-2-84-90>.
- Evgenyeva, T.V., Selezneva, A.V., Skipin, N.S., & Tulegenova, D.D. (2023). Request for paternalism: The concept and value of state in the minds of Russian youth. *RUDN Journal of Political Science*, 25, 1, 233–251. (In Russian).

- Hofstede, G., Hofstede, G.J., & Minkov, M. (2010). *Cultures and Organizations: Software of the Mind*. Revised and expanded third edition. New York.
- Kasamara, V., Maximenkova, M., & Sorokina, A. (2020). Russian students' perceptions of justice. *Social Sciences and Contemporary World*, 4, 20–30. (In Russian). <http://doi.org/10.31857/S086904990010748-4>.
- Kudrina, Yu., Pechenkin, N., & Kosareva, A. (2022). Political participation of youth in the State Duma elections in 2021: Value attitudes, electoral preferences and political behavior. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 12(3), 142–150. (In Russian).
- Kuznetsov, I. (2021). Political consciousness of Russian students: Public solidarity, trust, interaction. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 59, 237–252. (In Russian). <http://doi.org/10.17223/1998863X/59/22>.
- Mareeva, S.V. (2018). Russian youth: Specifics of identities and values. In *Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries* (pp. 233–252). Singapore: World Scientific Publishing Co. Pte Ltd.
- Parma, R.V. (2021). Public activism of Russian citizens in offline and online spaces. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (6), 145–170. (In Russian). <http://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042>.
- Perevezentsev, S.V., & Ananiev, D.A. (2023). Axiological foundations of Russian statehood: “Truth” and ‘justice’ in the domestic ideological and political discourse. *RUDN Journal of Political Science*, (1), 21–37. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-1-21-37>.
- Perevezentsev, S.V., Puchnina, O.E., Strakhov, A.B., & Shakirova, A.A. (2021). On the question of methodological principles of studying Russian basic traditional values. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 27(4), 113–133. (In Russian). <http://doi.org/10.24290/1029-3736-2021-27-4-113-133>.
- Piskorskaya, S.Y. (2006). Socio-philosophical analysis of the concept of “Collectivism” and its connection with the “Russian Idea”. *The Bulletin of KrasGAU*, (11), 277–280. (In Russian).
- Pushkareva, G.V., Kuznetsov, I.I., & Batovrina, E.V. (2021). Specifics of Russian students inclusion into the social solidarity relationships. *Sociological Studies*, (10), 125–131. (In Russian). <http://doi.org/10.31857/S013216250012813-7>.
- Sedaev, P.V., Ustinkin, S.V., & Kochkurov, A.S. (2022). Traditional values of conciliarity and sovereignty as one of the foundations of the formation of Russian statehood. *Vlast'*, (4), 43–46. (In Russian). <http://doi.org/10.31171/vlast.v30i4.9122>.
- Selezneva, A.V. (2024). Political values of Russian youth: Traditional meanings in modern conditions. *Tomsk State University Journal of Philosophy Sociology and Political Science*, (77), 275–279. (In Russian). <http://doi.org/10.17223/1998863X/77/23>.
- Selezneva, A.V. (2022). *Russian youth: Political and psychological portrait against the background of the epoch*. Moscow: Akvilon. (In Russian).
- Selezneva, A.V., & Antonov, D.E. (2020). The value bases of the civic consciousness of the Russian youth. *Tomsk State University Journal of Philosophy Sociology and Political Science*, (58), 227–241. (In Russian).
- Selezneva, A.V., & Popova, S.Yu. (2021). Socio-political and civil activity of young people: Between massification and individualization. *Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 10(1), 12–22. (In Russian).
- Sergeev, V.M. (2012). Historical origins of Russian political culture. *Polis. Political Studies*, (4), 8–22. (In Russian).
- Shabrov, O.F. (2011). Spiritual foundations of Russian politics. *Open Education*, (2), 155–158. (In Russian).
- Tsygankov, A.P. (2012). Russian values and foreign policy. *Moscow State University Bulletin. Series 12. Political Science*, (3), 93–96. (In Russian).

- Turkov, E.A. (2021). Paternalistic orientations of Russian students: political and psychological analysis. *Polylogos*, 5(3), Retrieved March 13, 2024, from <https://polylogos-journal.ru/s258770110017317-0-1/> (In Russian).
- Ushkin, S.G., Koval, E.A., & Zhadunova, N.V. (2020). From theoretical design to practical viewpoints: Implementation of ethical principles in youth life strategies. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (3), 66–93. (In Russian).
- Voitenko, V.P., Sokolov, V.A., & Lubsy, R.A. (2019). Collectivism and individualism in Russia as a subject of theoretical reflection. *Philosophy of Law*, (3), 71–77. (In Russian).
- Zubok, Yu.A., & Chuprov, V.I. (2020). *Youth in the cultural space: Self-regulation of life activity*. Moscow: Norma. (In Russian).

Сведения об авторах:

Селезнева Антонина Владимировна — доктор политических наук, доцент, доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ntonina@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-2500-6356)

Тulegenова Динара Дархановна — научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук, аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: tulegenova.dinara1998@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0566-5688)

About the authors:

Antonina V. Selezneva — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ntonina@mail.ru) (ORCID: 0000-0003-2500-6356)

Dinara D. Tulegenova — Researcher at the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Postgraduate, Department of Political Sociology and Psychology, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: tulegenova.dinara1998@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-0566-5688)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-357-372
EDN: MIPZRJ

Научная статья / Research article

Динамика ценностных приоритетов российской молодежи в современных геополитических условиях

Я.Ю. Шашкова , Д.А. Казанцев

Алтайский государственный университет, Барнаул, Российская Федерация

 yashashkova@mail.ru

Аннотация. Анализируются изменения в политических ценностях и установках учащейся молодежи российских регионов, выделяются возможные стратегии ее политического поведения и факторы риска на современном этапе. Исследование базируется на результатах массовых опросов и фокус-групп, проведенных среди школьников и студентов регионов Сибири и Дальнего Востока в период с 2020 по 2023 г. В результате авторы отмечают трансформацию политических предпочтений молодежи от готовности активного участия в политике к закрытости, избеганию конфликтов и бегству от политики. В нынешних сложных социально-экономических условиях наблюдается преобразование мотивации молодежи — стремление к комфорту дополняется ощущением несправедливости, что потенциально может способствовать возвращению молодежи к политической активности. Кроме того, текущие пессимистические настроения молодежи и ее поиск способов адаптации к изменяющейся ситуации могут находить выражение не только в доминирующем сейчас смирении, но и в повышенной конфликтности и агрессии. И поскольку молодые люди проявляют коммуникативную закрытость из-за страха критики и последствий, что делает внутренние процессы менее заметными, данные факторы требуют дальнейшего внимания и исследования для понимания будущего развития российского общества.

Ключевые слова: политические ценности, молодежь, политическое сознание, политические установки, политическая социализация, специальная военная операция, регионы РФ

Для цитирования: Шашкова Я.Ю., Казанцев Д.А. Динамика ценностных приоритетов российской молодежи в современных геополитических условиях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 357–372. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-357-372>

© Шашкова Я.Ю., Казанцев Д.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Dynamics of Value Priorities of Russian Youth in Modern Geopolitical Conditions

Yaroslava Yu. Shashkova , Dmitry A. Kazantsev

Altai State University, Barnaul, Russian Federation

 yashashkova@mail.ru

Abstract. The study analyzes changes in political values and attitudes among the youth of Russian regions, identifies possible strategies of their political behavior, and examines risk factors at the present stage. The research is based on the results of mass surveys and focus groups conducted among schoolchildren and students in the Siberian and Far Eastern regions during the period from 2020 to 2023. As a result, the authors note a transformation of youth political preferences from readiness for active participation in politics towards closedness, conflict avoidance, and political disengagement. In the context of the current difficult socio-economic conditions, there is a transformation in youth motivation — the pursuit of comfort is supplemented by a sense of injustice, which potentially may contribute to the resurgence of youth political activity. Furthermore, current pessimistic moods among youth and their search for ways to adapt to the changing situation may manifest not only in the current prevailing acquiescence but also in increased conflict and aggression. Since the youth exhibits communicative closedness due to fear of criticism and consequences, making internal processes less visible, these factors require further attention and research to understand the future development of Russian society.

Keywords: political values, youth, political consciousness, political attitudes, political socialization, special military operation, Russian regions

For citation: Shashkova, Ya.Yu., & Kazantsev, D.A. (2024). Dynamics of Value Priorities of Russian Youth in Modern Geopolitical Conditions. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 357–372. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-357-372>

Введение

Новая геополитическая ситуация оказала влияние на все слои российского общества, трансформируя систему устоявшихся социальных размежеваний и приоритетов. Не стала исключением и молодежь, особенно студенты и школьники. 14-20-летние молодые люди выросли в период относительной социально-экономической и политической стабильности, дававшей возможность уверенно рассчитывать свои жизненные траектории в среднесрочной перспективе и глобальных масштабах. Это сформировало в их среде определенную убежденность в возможности создавать и поддерживать комфортную для себя информационную и коммуникативную среду, легко преодолевать пространственные и культурные границы. Ситуация СВО, как чуть раньше и пандемия, реакция власти на протесты 2021 г., стали вызовом этой убежденности, породив среди учащейся молодежи повышенную тревожность, новые страхи и размежевания. В результате фактически каждый год наблюдаются значительные трансформации сознания молодежи, и 2023 г. не стал исключением.

Изучение динамики ценностей молодежи не является новым вопросом в иностранной и отечественной социологии и политологии. В научной литературе обнаруживается значительное количество работ, посвященных анализу динамики ценностных и поведенческих установок российской молодежи в условиях трансформаций, влияния экономических, социокультурных и других факторов [Антонова 2023; Горшков 2020; Петухов 2020; Селезнева 2020; Попова 2017; Трофимова 2016]. Р. Инглхарт, известный своим проектом World Values Survey, проводил исследования, направленные на анализ и объяснение межпоколенческих преобразований, в том числе ценностей молодежи [Инглхарт 2020]. Множество зарубежных ученых продолжают активно заниматься проблемой установок молодежи и их переменами в современном мире, затрагивая при этом вопросы политического поведения молодежи и ее участия в общественной жизни того или иного государства [de Almeida Alves 2023; Nkansah, Bartha 2023; Krawatzek 2022], изменений ценностей через призму социальных сетей и особенностей информационного общества [Lane, Thorson, Xu Yu 2023; Binder, Heiss, Matthes, Sander 2021], тогда как механизм и особенности воздействия глобальных геополитических сдвигов в мировой политике на сознание молодых людей часто остаются недостаточно исследованными. Так, некоторые авторы фокусируются на влиянии конфликтов и насилия на сознание молодежи, анализируя их последствия и реакции на обсуждаемые явления [Slone, Shoshani 2022]. Другие описывают опыт участия молодых людей в конфликтах и изменения в их мировоззрении под действием травмирующих событий [Rennick 2023]. Третьи ориентированы на изучение этноконфликтов и их артефактов на сознание и ценностные установки молодого поколения [Mushtaq, Mirza 2022].

На фоне проведения специальной военной операции стали появляться научные статьи, изучающие ценностные ориентации и мировоззрение российской молодежи более внимательно. Они становятся особенно актуальными в свете вызванных этими событиями социокультурных трансформаций и общественной динамики [Смирнов 2023; Яковлев 2023].

Цель статьи — выделить наиболее существенные тренды трансформации ценностных приоритетов учащейся молодежи российских регионов, возможные стратегии ее политического поведения и факторы риска на современном этапе.

Эмпирической базой работы послужили результаты серии исследований, проведенных коллективом политологов АлтГУ:

- массовый опрос молодежи 12 регионов Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, сентябрь — октябрь 2020 г. Опрошено 2500 учащихся 9–11 классов школ и 1–2-го курсов вузов. Выборка — несвязанная квотная с контролем возраста, класса, типа населенного пункта и региона проживания, метод — анкетирование;
- повторно-сравнительные массовые опросы, проведенные в октябре 2022 и 2023 гг. В массовом опросе в 2022 г. приняло участие 3000 школьников 11-х классов, студентов ссузов и вузов Алтайского края, в 2023 г. — 2500. Выборка квотная с контролем признаков уровня и профиля образования,

- типа населенного пункта. Метод сбора информации — анкетирование. Обработка данных всех опросов проводилась в статистическом пакете SPSS;
- 14 фокус-групп с учащимися 10–11-х классов общеобразовательных школ, студентами ссузов и вузов 8 регионов СФО и ДФО, октябрь 2021 г. Объем выборки — более 100 человек;
 - 10 фокус-групп с школьниками 11-х классов, студентами ссузов и вузов Алтайского края (5 — в ноябре 2022 г. и 5 — в ноябре 2023 гг.). Объем выборки — более 100 человек.

Результаты исследования

На основании проведенного политологами АлтГУ цикла исследований учащейся молодежи российских регионов можно констатировать, что ее базовой ценностью на современном этапе выступает индивидуальный комфорт, понимаемый как обеспечение себе благоприятной среды существования. Именно исходя из этого посыла становится логичной и объяснимой наблюдаемая в последние годы трансформация ценностной системы и политических установок молодых людей, которая четко делится на три этапа.

Первому этапу соответствует ситуация до 2021 г., когда комфортная жизнь связывалась молодежью с реализацией принципов свободы, справедливости и правового государства, отстаивать которые она была готова даже посредством акций протеста. Так, в 2020 г. справедливость и свободу как очень или скорее важные ценности оценили для себя по 90 % респондентов из регионов СФО и ДФО, права человека — 89 %, порядок — 84 %. Все они, как показывали фокус-группы того же года, имели в сознании молодежи либеральное или социал-демократическое содержание: справедливость понималась как равенство возможностей, независимо от социального статуса и места проживания (особенно респонденты критиковали противопоставление «Москва — периферия»), свобода — как обеспечение реализации прав человека, в том числе в политической сфере, а порядок — как оправданные ограничения при реализации прав и свобод с целью защиты законных интересов других лиц. При этом школьники и студенты демонстрировали высокий потенциал политической активности — только 20 % респондентов исключали для себя любые формы политического участия. 53 % опрошенных были готовы для защиты своих интересов обращаться в органы государственной власти, в том числе через интернет-петиции, 36 % — обсуждать проблемы в социальных сетях, репостить политическую информацию, 33 % — обращаться в общественные организации, 28 % — участвовать в митингах, демонстрациях, 12 % — в несанкционированных акциях протеста, что и подтвердили массовые акции начала 2021 г.

Однако полученный в ходе последних опыт и реакция властей на массовые выступления привели к распространению среди учащейся молодежи чувства страха (<страшно> «за безопасность свою, семьи, родных, друзей, потому что ты выскажешь свое мнение, и ты готов, но дальше может быть хуже»), кардинально изменив стратегию ее поведения. С 2021 г. комфорт у студентов

и школьников стал ассоциироваться с безопасностью, обеспечить которую могло дистанцирование от политики, избегание конфликтных ситуаций в разной форме и коммуникативная закрытость. Это наглядно иллюстрируют типичные высказывания участников фокус-групп 2021 г.: *«Я, как большинство людей, готова что-то обсуждать, но вот что-то делать — это другой вопрос. ...Наверное, этим кто-то другой займется, а не я», <политику> «обсуждаем, но я стараюсь не вмешиваться, если выскажу свою точку зрения, польется шквал критики».*

Интересным следствием этих процессов стало «размывание» картины ценностей в сознании учащейся молодежи — многие респонденты по-прежнему декларировали значимость для себя свободы, справедливости, прав человека, но не могли внятно объяснить свое видение их содержания, отчетливо проявляя стремление уйти от однозначных ответов, крайних точек зрения, избежать столкновений в обсуждении политических тем, чтобы не провоцировать конфликты в своем окружении и не нарушать состояние личного комфорта.

Обозначенная тенденция дистанцирования от политической проблематики и политической активности, коммуникативной закрытости до сих пор имеет широкое распространение в молодежной среде. Как показал опрос 2023 г., подавляющее большинство школьников 11-х классов и студентов Алтайского края (65 %) устранились от участия в политике, общий уровень абсентеизма молодежи сокращается только за счет участия в федеральных выборах или выборах губернаторов регионов (об участии в последних заявили 18 % опрошенных). Интернет-петиции подписывали 9 % респондентов, обсуждали политику в соцсетях и делали репосты политической информации 7 %, свое участие в массовых акциях и работу в общественных организациях указали по 4 % респондентов, личное обращение в органы государственной власти и МСУ — 3 %, участие в работе партий — 2 %.

Несмотря на то, что 56 % респондентов отметили, что население городов/сел, где проживают они сами и/или их родители, не удовлетворено уровнем и условиями своей жизни (+12 % к показателю 2022 г.), только 15 % респондентов (–2 %) допускают возможность в них акций протеста населения против падения уровня жизни. Присоединиться же к ним готовы 8 % опрошенных, 53 % (–7 % к уровню 2022 г.) категорически исключили для себя такую вероятность.

Коммуникативная «закрытость» молодых людей проявляется как в том, что только 10 % опрошенных указали свой активный интернет-статус (блогер и постоянный участник обсуждений), большинство же перевели себя в статус наблюдателей, так и, например, в ситуации, когда при определении степени своего доверия-недоверия общественным и политическим институтам в среднем каждый пятый (а по отдельным позициям каждый четвертый) респондент выбрал вариант «затрудняюсь ответить».

Вместе с тем опросы 2022–2023 гг. выявили очередные трансформации политических ценностей и установок учащейся молодежи, закладывающие основы нескольких потенциальных альтернатив ее поведения.

Рис. 1. Динамика уровня доверия/недоверия учащейся молодежи Алтайского края общественным и политическим институтам в 2023 г., по отношению к данным 2022 г

Источник: составлено авторами.

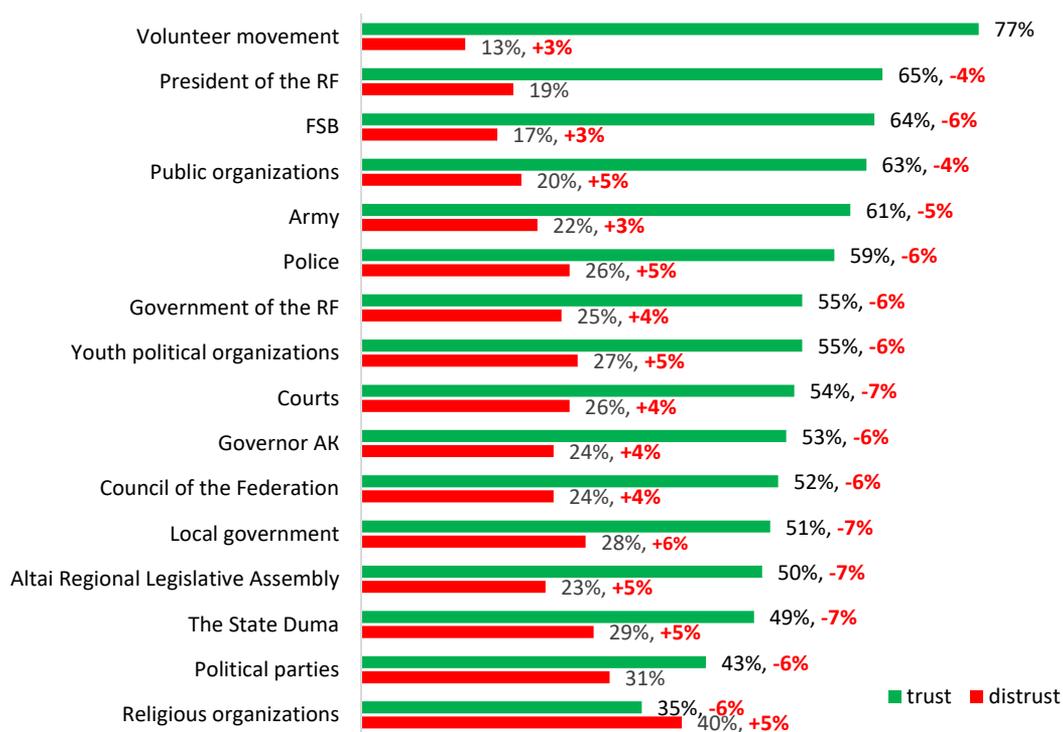

Figure 1. Dynamics of the level of trust/distrust of student youth of the Altai Krai in public and political institutions in 2023, in relation to 2022

Source: compiled by the authors.

В первую очередь следует отметить снижение в 2023 г. доверия учащейся молодежи ко всем общественным и политическим институтам, особенно к судам, органам представительной власти и местного самоуправления, при отсутствии институтов, к которым доверие бы возросло (рис. 1). Антирейтинг религиозных организаций даже превысил их рейтинг, чего не было в постковидный период. В первую очередь это связано с ростом критической оценки деятельности федеральных (Президент, Правительство РФ) и местных (мэры) органов власти, правоохранительных и надзорных организаций.

Ответы молодых людей в ходе фокус-групп позволили выделить более глубокие причины недоверия органам власти и отрицательной оценки их деятельности. Среди них респонденты называли коррупцию, оторванность от населения, неподконтрольность органов власти (*«власть слишком сильно пользуется своей властью»*), *«очень высокий уровень коррупции»*, *«нет сменяемости власти»*, *«нет уважения к обычным людям»*); *«добровольно-принудительный»* характер формирования патриотизма (*«заставляют выходить на митинги, которые организуют, а за репосты и общественную активность — репрессии»*), *«показуха одна»*); влияние разочарования родителей, старших членов семьи. В последнем случае, хотя почти каждый третий респондент отмечал, что при обсуждении актуальных общественно-политических проблем для него значимо лишь собственное мнение, столько же указывают, что для них значимо мнение родителей и других родственников.

В то же время на первое место по числу ответов в 2023 г. вышли указания на нечестность, непоследовательность власти, находящую выражение в противоречии официально декларируемой и реальной ситуации, информации из других источников (*«заврались»*), *«по телевидению показывают одно, все красиво, а в Интернете и в жизни по-другому»*, *«сначала говорят и обещают одно, а потом все делают по-другому»*), нечестности выборов (*«референдум на пеньках»*), *«никто из знакомых не голосовал за Томенко (губернатор Алтайского края. — Я.Ш., Д.К.), а как он 70 % набрал»*) и непоследовательности внешней политики.

Это позволяет выделить еще одно важное изменение и «точку риска» политического сознания современных студентов и школьников — их престало устраивать «многоголосье» источников информации, они находятся в психологической напряженности, усталости от противоречивости текущей информации.

Как показали массовые опросы, среди учащейся молодежи российских регионов сохраняется достаточно высокий уровень интереса к политическим новостям — 60% опрошенных интересуются политическими событиями в стране. Этот показатель выше у студентов вузов, ниже — у школьников, студентов ссузов. При этом молодые люди не собираются отказываться от Интернета и связанной с ним разнонаправленности позиций. Наоборот, наблюдается рост молодежной интернет-аудитории на фоне снижения телеаудитории, обусловленный недоверием молодых людей новостийной повестке в СМИ — 60% респондентов считают, что российские новости необъективно освещают события в стране. И если у школьников и студентов 1–3-го курсов ссузов этот показатель

колеблется в пределах 51–56 %, то у выпускников ссузов и студентов вузов он равен 63–80 %.

В этой ситуации у молодежи формируется запрос по отношению к органам власти — они стремятся к психологическому комфорту, успокоению, но при этом хотят, чтобы им сказали, *«как на самом деле»*, *«сказали правду»*. Претензия возникает не к источникам информации, а к тому, что власть не может определиться и *«все время лжет»*. Информационное поле воспринимается молодежью как сложное не за счет количества источников, а за счет *«накачки» «официального потока»*, который власть потом сама и отрицает (*«сегодня говорим одно, а завтра — другое»*).

Также развитие внутренней напряженности у студентов и школьников связано с общим усилением социального пессимизма молодежи. В 2023 г. только 45 % учащейся молодежи Алтайского края были склонны считать, что через год их жизнь станет лучше. Число тех, кто не верит в улучшение качества своей жизни, составило порядка 12 %. По сравнению с 2022 г. уровень социального оптимизма молодежи по всем социально-демографическим категориям снизился на 11 %. Как следствие, в оценках молодыми людьми политических процессов в стране в 2023 г. заметно большую роль, чем в 2022 г., играло мнение об отсутствии позитивных социально-экономических изменений (*«нет улучшения уровня жизни»*, *«проблемы не решаются»*), а также актуализация проблемы социального и территориального неравенства (*«у нас больше забирают на СВО»*, *«Москва и Питер благополучны за счет других»*, *«вкладывают во внешнюю политику, а про страну забыли, люди — как рабы»*). На ее основе в молодежной среде, в полном соответствии с теорией *«относительной депривации»* Т. Гарра [Гарр 2005], формируется чувство несправедливости, которое может трансформироваться в агрессию, выплескиваемую как на власть, которая *«покупает друзей»*, так и в другие доступные сферы, например в межнациональные отношения. Причем вероятность канализирования агрессии в сферу межнациональных и межличностных отношений более высока в связи с сохранением массового страха перед политикой и дистанцирования от нее.

Конечно, на основе данных массовых опросов тренд на усиление интолерантности и ксенофобии в молодежной среде выглядит слабо обоснованным, — их участники, в частности в Алтайском крае, демонстрируют низкую заявленную степень ксенофобии и национализма и низкую вероятность участия в межнациональных столкновениях. В 2023 г. 42 % респондентов заявили, что никогда не испытывают раздражение, неприязнь к представителям той или иной национальности, 32 % — испытывают его редко, 14 % — время от времени. Это же подтвердили и ответы на вопросы шкалы Богардуса, согласно которым у 76 % респондентов либо вообще отсутствуют предубеждения против других этносов, либо они их скрывают. По мере увеличения дистанции общения этот уровень возрастает до 82 %. 55 % отметили, что они никак не отреагируют на оскорбление в связи со своей национальной принадлежностью, 28 % постараются разрешить конфликт словами.

В то же время фокус-группы показали высокую степень межнациональной напряженности в молодежной среде на межличностном, бытовом уровне, особенно осознаваемую студентами вузов и ссузов. Ее главными причинами респонденты всех категорий посчитали *«навязывание приезжими своих обычаев»* и традиций, которое можно интерпретировать как ощущение наличия у приезжих требования к «местному» населению и органам власти создать условия для соблюдения ими своих обычаев (*«они знают только свои права», «часто демонстрируют свое превосходство»*); неравенство отношения образовательных учреждений к «русским» студентам, с одной стороны, и иностранным студентам и студентам из национальных республик — с другой (*«мы сдаем ЕГЭ, проходим конкурс, а их просто зачисляют», «им дают общежитие, а русским студентам нет», «они могут плохо учиться, не ходить на занятия, но их не отчисляют»*), а также отношение государства в целом к мигрантам (*«государство поддерживает мигрантов, а не своих», «мигранты устанавливают здесь свои правила, хотя мы не можем так сделать»*); отсутствие единства русских (*«те брат за брата, а у нас каждый сам по себе»*). При этом важно, что, описывая участников межнациональных отношений, молодежь очень часто проводит различие по признаку внешнего вида «славяне — неславяне», отождествляя всех последних с мигрантами, даже если они родились и выросли в крае или относятся к коренным российским этносам (алтайцы, тувинцы, ингуши, дагестанцы, чеченцы).

Иными словами, и применительно к данной сфере молодежь четко транслирует запрос на справедливость, обеспечение равных возможностей для всех, независимо от национальной принадлежности, синдром «ущемленных русских», которые *«перестают быть важными в своей стране»*. Это же осложняет прогнозирование угроз межнациональных столкновений, так как в сложившейся ситуации нельзя заранее определить, какой факт молодые люди посчитают вопиюще несправедливым. Тем более, что во всех фокус-группах звучало мнение, что межнациональная напряженность существует не вследствие предубежденности к каким-либо этносам в целом, а как реакция на неадекватное, агрессивное поведение их отдельных представителей.

Риск увеличения числа конфликтов, в том числе межнациональных, повышается из-за еще одной новой, но очень важной особенности учащейся молодежи — ее готовности к службе в силовых структурах и к применению оружия в ходе службы и для самозащиты как средства обеспечения безопасности и материального комфорта. Так, при ответе на прямой вопрос о ситуациях возможного применения оружия 59 % респондентов из Алтайского края в 2023 г. указали в качестве таковой наличие угрозы жизни и здоровью себе или близких, 41 % — исполнение воинского долга, 25 % — исполнение приказа, 4 % — получение материального вознаграждения или иной выгоды. Вообще исключили для себя такую вероятность 27 % опрошенных. В случае межличностного конфликта на национальной почве готовы прибегнуть к насильственным действиям 8 % молодых людей, 4 % — применить оружие. Профессию или деятельность, предполагающую возможность применения оружия, точно или потенциально были готовы выбрать 40 % молодежи, не готовы — 46 %.

На применение оружия для исполнения воинского долга и приказов, в ходе межнациональных конфликтов, а также выбор соответствующей профессии больше ориентированы юноши, студенты невузовских курсов ссузов, обучающиеся в малых городах, выходцы из сел и малых городов. При этом выбор профессии или деятельности, предполагающей возможность применения оружия, рассматривают для себя 74 % готовых применить оружие для исполнения приказа, 68 % готовых применить его в ходе межнационального конфликта, по 66 % — в ходе исполнения воинского долга, 64 % — для получения материального вознаграждения или иной выгоды.

В этих условиях молодежь четко связывает все происходящее в обществе процессы с продолжением СВО. Если в 2022 г. ее больше волновал скулшутинг и вероятность терактов, то в 2023 г. рейтинг «тревожных» новостей возглавила информация о проведении СВО, терактах и частичной мобилизации (рис. 2).

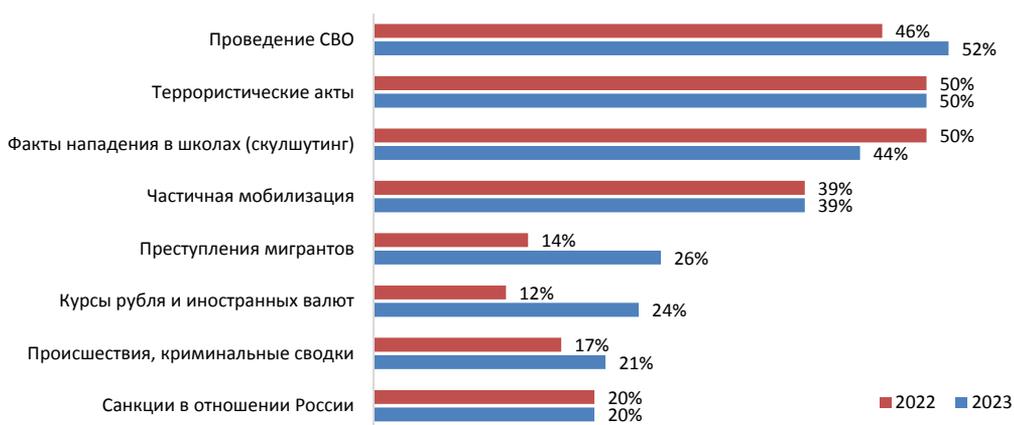

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Какая информация в СМИ и сети Интернет вызывает у вас наибольшую тревогу?», Алтайский край, 2022–2023

Источник: составлено авторами.

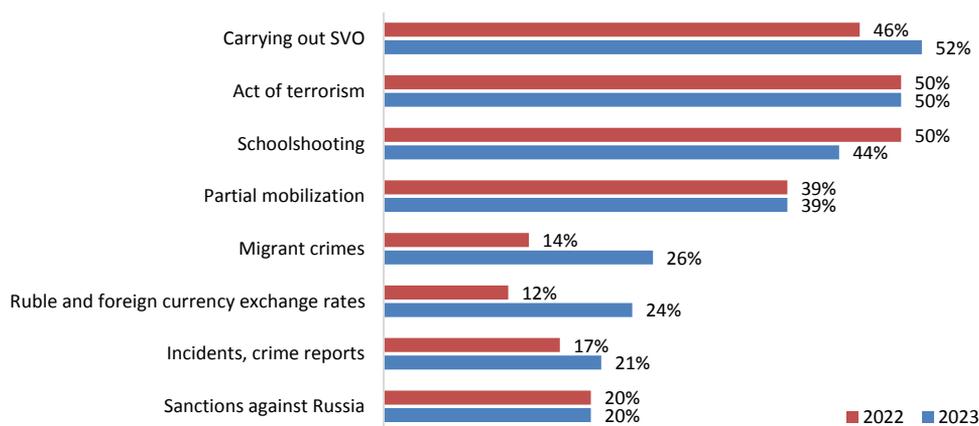

Figure 2. Distribution of answers to the question: «What information in the media and the Internet causes you the greatest concern?», Altai Krai, 2022–2023

Source: compiled by the authors.

Большинство молодых людей выступает за мирное урегулирование ситуации и против любых форм мобилизации. Если в 2022 г. внешнюю политику РФ полностью или скорее одобряло 46 % школьников и студентов Алтайского края, то в 2023 г. — 39 %. 74 % (среди девушек 83 %) выступают за прекращение военных действий в Украине и начало мирных переговоров, что подтверждается и динамикой ответов на вопрос о проведении мобилизации. В 2022 г. 18 % респондентов поддерживало частичную мобилизацию, 33 % считало, что участие в СВО может быть только добровольным, 42 % отрицательно относилось к любой мобилизации и СВО в целом. В 2023 г. эти показатели составили 10, 29 и 55 % соответственно. Даже среди юношей, несмотря на большую поддержку проведения СВО, 63 % в 2023 г. выступили за мирные переговоры и только добровольное участие в СВО, хотя в 2022 г. каждый пятый из них поддерживал проведение частичной мобилизации.

Показательно, что если в 2022 г. большинство молодых людей выступали против СВО, мотивируя это своими пацифистскими взглядами и отрицательным отношением к силовому решению любых конфликтов, тем более к военным действиям, то сейчас они выступают за прекращение СВО, апеллируя к собственному опыту существования в ситуации, когда буквально *«война пришла в каждый дом»*.

Проживание этого опыта, как показали фокус-группы, по нескольким позициям подкрепляет и усугубляет уже сформировавшиеся у большинства старшеклассников и студентов установки и сложную психологическую ситуацию. Во-первых, это касается недоверия к официальной информации и в целом к обещаниям государства — респонденты почти во всех фокус-группах ставили под сомнение выполнение государством обещаний участникам СВО (*«государство пообещало деньги, но не ожидало такого количества согласившихся, теперь встает вопрос бюджета»*), *«почему люди должны закупаться, чтобы защитить себя, если государство объявляет о своих расходах»*); указывали на рассогласование официальной позитивной информации и количества погибших знакомых, односельчан (*«молчат, что погибают миллионы»*). Тем самым идет возврат к оценкам *«заврались»*, усиливая делегитимацию власти. Во-вторых, формируются убежденность, особенно у студентов вузов, в политических играх вокруг СВО и ее выгоды для бизнеса, ощущения, что это надолго, а отсюда рост страха за своих близких и свое будущее, дополненный уже имевшимися страхами (*«плохо, что затягивают»*), *«государство хочет доказать свое могущество, не принимая во внимание простой народ»*) и ностальгией по утраченному комфорту (*«Только начали нормально жить, и вот СВО»*).

Особые стратегические последствия для массового сознания имеет осознание молодежью факта обесценивания человеческой жизни: *«жизнь людей как разменная монета»*, *«контракт — это готовность убивать или умереть ради денег»*.

На этом фоне изменилось и отношение к участию в СВО. Среди молодежи стали доминировать настроения принятия ситуации, осознания

ее неизбежности, безысходности и смирения: *«если уехать в другую страну, то не факт, что смогу там жить, а как потом вернуться?»*, *«нет смысла сопротивляться. Судят, а потом забирают все равно туда. Мы знаем последствия»*, *«пойдешь — можешь выжить или нет, не пойдешь — поймут и заставят»*. Кроме безысходности респонденты называли в качестве мотивов участия решение материальных проблем и чувство долга: *«много погибло, совесть перед ними, воюющими друзьями»*, *«все не хотят, но, если все спрячутся, то кто тогда будет защищать... свой народ, который не может спасти власть»*.

Сравнение позиций различных сегментов учащейся молодежи выявило их отличие: если студенты вузов крупных городов, региональных центров еще ищут какие-то варианты адаптации к ситуации, у студентов вузов из малых городов больше чувствуется трагедия, надлом по поводу этой безысходности (*«я все равно туда попаду, хочу я этого или нет»*), в сузах же больше смирения, некий фатализм (*«попаду, значит, попаду, если убьют, какой выход»*). И только 11-классники сохраняют тренд прошлого года. Они дистанцируются от СВО в качестве защитной реакции на давление, некомфортную ситуацию, которая позволяет избежать дополнительного раздражающего фактора. Они не видят прямой угрозы себе, поэтому у них нет чувства безысходности, они думают, что у них есть возможность избежать реальности (*«я за СВО, но сам я не пойду»*, *«эту войну начинал не я, поэтому не хочу воевать»*).

Заключение

В целом можно констатировать, что серьезные изменения отечественной политики последних лет привели к очень быстрым и существенным трансформациям политических ценностей и установок учащейся молодежи российских регионов. Руководствуясь базовым для «поколения Z» стремлением к комфорту, буквально за три года она прошла путь от группы с четким, ценностно ориентированным образом будущего и готовностью его отстаивать даже «языком улиц» до состояния страха перед политикой и коммуникативной закрытости, стремления молодых людей в любой ситуации избегать конфликтов и оберегать выстроенное вокруг себя пространство материального, коммуникативного и информационного комфорта. В то же время на данный момент в молодежной среде происходят сложные процессы, которые могут создать «неопределенность будущего», сделать вероятными сразу несколько стратегий поведения молодежи.

Во-первых, хотя исследования подтверждают сохранение дистанцирования старшеклассников и студентов от публичной политики, оно связано не с безопасностью, как в 2022 г., а с обострением материальных проблем. При этом молодые люди ощущают влияние политики на себе и в той или иной степени начинают осознавать политический характер своих проблем, что выражается в снижении доверия к органам власти и политическим

институтам. Более нейтральное отношение к власти проявилось у школьников, но и на них отрицательное влияние оказывает нестабильность, СВО и навязывание патриотизма.

Во-вторых, наиболее распространенными настроениями среди учащейся молодежи российских регионов сейчас являются пессимизм, безысходность, принятие, в вузовской среде дополняемые поиском способов адаптации к сложившейся ситуации. Молодежь находится на распутье между стремлением к прежнему комфорту, к которому очень хочется вернуться, и осознанием, что к прошлому вернуться нельзя. Это заставляет ее как искать пути выживания в этой ситуации, так и может породить повышенную конфликтность и агрессию.

В-третьих, в условиях ухудшения социально-экономической ситуации мотив комфорта трансформируется в мотив несправедливости. Получается, что кто-то имеет возможность сохранить комфорт или для кого-то нынешние условия более комфортны, а для кого-то меньше, и это раздражает. Связка «комфорт/несправедливость» проявляется и в межнациональных отношениях, формируя личные стратегии поведения в отношении других этносов и в перспективе политического поведения. При определенных условиях это может снова обеспечить приход молодежи в политику. Вопрос равенства стал более выраженным, агрегированным, напоминая ситуацию 2020 г., когда он тоже стоял остро. При этом у молодежи была надежда, но сегодня ее не осталось. Отсюда их обреченность, смирение, однако ставящее вопросы:

На сколько хватит этого смирения?

И во что оно переродится?

В-четвертых, сейчас большинство молодежи не имеют жизненных, моральных сил, чтобы бороться со сложившейся ситуацией. Но это не означает, что данный тренд не изменится в будущем. Если раньше молодежь видела свои позитивные перспективы за счет помощи родителей, то теперь она сама начала испытывать социально-экономические проблемы, что приводит к снижению доверия ко всем институтам. Свою роль играет и формирующееся у нее ощущение имитации и искусственности, которыми власть прикрывает реальные проблемы.

И, наконец, все осложняется коммуникативной закрытостью молодежи, ее уходом от артикуляции своих проблем и позиций из-за боязни критики и последствий, нежелания многих традиционных агентов социализации наладить с молодежью «диалог на равных», что делает внешне незаметными глубинные процессы, которые сегодня разворачиваются в этой среде и будут определять завтрашний облик российского общества, а потому требуют дальнейшего внимания и изучения.

Поступила в редакцию / Received: 11.11.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 20.02.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2024

Библиографический список

- Антонова Е.В.* Политические ценности, ориентации и идеалы современной молодежи и их отражение в виртуальном пространстве // *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2023. Т. 23, №3 (63). С. 336–348. <http://doi.org/10.15507/2078-9823.063.023.202303.336-348>
- Гарр Т.* Почему люди бунтуют. СПб.: Питер, 2005.
- Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодежь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020.
- Инглхарт Р.* Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / пер. с англ. С.Л. Лопатиной. 2-е изд., эл. Москва; Челябинск: Социум, 2020.
- Петухов В.В.* Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 3. С. 119–138. <http://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>
- Попова О.В.* Особенности политического сознания современной российской молодежи // *Политическая наука*. 2017. № 1. С. 138–162.
- Селезнева А.В.* Ценностные ориентации и гражданско-политическая активность молодых российских патриотов // *История и современное мировоззрение*. 2020. Т. 2. № 3. С. 62–70.
- Смирнов В.А.* Гражданские установки российских студентов в контексте специальной военной операции // *Высшее образование в России*. 2023. Т. 32, №8–9. С. 9–23. <http://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-23>.
- Трофимова И.Н.* Общественно-политические установки и ориентации современной российской молодежи // *Политика и общество*. 2016. № 10. С. 1387–1399.
- Яковлев В.С.* Гражданские ценности и установки российской молодежи в новых социально-территориальных условиях // *Гуманитарий Юга России*. 2023. Т. 12. № 6. С. 95–105. <http://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.6.7>.
- De Almeida Alves N.* Engaging in politics through youth transitions // *Journal of Youth Studies*. 2023. P. 1–18. <http://doi.org/10.1080/13676261.2023.2187281>
- Binder A., Heiss R., Matthes J., Sander D.* Dealigned but mobilized? Insights from a citizen science study on youth political engagement // *Journal of Youth Studies*. 2021. Vol. 24, no. 2. P. 232–249, <http://doi.org/10.1080/13676261.2020.1714567>.
- Lane D.S., Thorson K., Xu Yu.* Uninterested and unequal?: examining SES-based gaps in youth political behavior on social media // *Information, Communication & Society*. 2023. Vol. 26, no. 4. P. 663–681. <http://doi.org/10.1080/1369118X.2021.1968923>
- Krawatzek F.* A Sign of Things to Come? Youth and Politics: Regimes, Values and Agency // *Europe-Asia Studies*. 2022. Vol. 74, no. 7. P. 1105–1122. <http://doi.org/10.1080/09668136.2022.2108260>
- Mushtaq M., Mirza Z.S.* Understanding the Nexus Between Horizontal Inequalities, Ethno-Political Conflict and Political Participation: A Case Study of Balochistan // *Ethnopolitics*. 2022. Vol. 21, no. 3. P. 221–237. <http://doi.org/10.1080/17449057.2021.1920734>.
- Nkansah G.B., Bartha A.* Anti-democratic youth? The influence of youth cohort size and quality of democracy on young people's support for democracy // *Contemporary Politics*. 2023. Vol. 29, no. 5. P. 553–575. <http://doi.org/10.1080/13569775.2023.2196877>
- Rennick S.A.* '2011 unshackled the space': spatial analysis of diverging youth political agency in the Syrian conflict // *Conflict, Security & Development*. 2023. Vol. 23, no. 1. P. 43–66. <http://doi.org/10.1080/14678802.2023.2188569>
- Slone M., Shoshani A.* Effects of War and Armed Conflict on Adolescents' Psychopathology and Well-Being: Measuring Political Life Events among Youth // *Terrorism and Political Violence*. 2022. Vol. 34, no. 8. P. 1797–1809. <http://doi.org/10.1080/09546553.2020.1839427>

References

- Antonova, E.V. (2023). Political values, orientations, and ideals of contemporary youth and their reflection in the virtual space. *Humanitarian: Current Issues of Humanities Science and Education*, 23(3), 336–348. (In Russian). <http://doi.org/10.15507/2078-9823.063.023.202303.336-348>
- Binder, A., Heiss, R., Matthes, J., & Sander, D. (2021). Dealigned but mobilized? Insights from a citizen science study on youth political engagement. *Journal of Youth Studies*, 24(2), 232–249. <http://doi.org/10.1080/13676261.2020.1714567>
- De, Almeida Alves, N. (2023). Engaging in politics through youth transitions. *Journal of Youth Studies*, 1–18. <http://doi.org/10.1080/13676261.2023.2187281>
- Garr, T. (2005). *Why People Rebel*. St. Petersburg: Piter. (In Russian).
- Gorshkov, M.K., & Sheregi, F.E. (2020). *Russian youth in the mirror of sociology: Based on years of research*. Moscow: FNISC RAN. (In Russian).
- Inglehart, R. (2020). *Cultural evolution: How human motivations change and how it changes the world*. Moscow; Chelyabinsk: Socium. (In Russian).
- Krawatzek, F. (2022) A sign of things to come? Youth and politics: Regimes, values and agency. *Europe-Asia Studies*, 74(7), 1105–1122, <http://doi.org/10.1080/09668136.2022.2108260>
- Lane, D.S., Thorson, K., & Xu Yu. (2023). Uninterested and unequal? Examining SES-based gaps in youth political behavior on social media, Information. *Communication & Society*, 26(4), 663–681, <http://doi.org/10.1080/1369118X.2021.1968923>
- Mushtaq, M., & Mirza Z.S. (2022). Understanding the nexus between horizontal inequalities, ethno-political conflict, and political participation: A case study of Balochistan. *Ethnopolitics*, 21(3), 221–237. <http://doi.org/10.1080/17449057.2021.1920734>
- Nkansah, G.B., & Bartha, A. (2023). Anti-democratic youth? The influence of youth cohort size and quality of democracy on young people's support for democracy. *Contemporary Politics*, 29(5), 553–575, <http://doi.org/10.1080/13569775.2023.2196877>
- Petukhov, V.V. (2020). Russian youth and its role in society transformation. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, (3), 119–138. (In Russian). <http://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>
- Popova, O.V. (2017). Features of political consciousness of contemporary Russian youth. *Political Science (RU)*, (1), 138–162. (In Russian).
- Rennick, S.A., (2023), '2011, unshackled, the, space:', Spatial, analysis, of, diverging, youth, political, agency, in, the, Syrian, conflict., *Conflict, Security, & Development*, 23(1), 43–66, <http://doi.org/10.1080/14678802.2023.2188569>
- Selezneva, A.V. (2020). Value orientations and civic-political activity of young Russian patriots. *History and Modern Worldview*, 2(3), 62–70. (In Russian).
- Slone, M., & Shoshani, A. (2022) Effects of war and armed conflict on adolescents' psychopathology and well-being: Measuring political life events among youth. *Terrorism and Political Violence*, 34(8), 1797–1809. <http://doi.org/10.1080/09546553.2020.1839427>
- Smirnov, V.A. (2023). Civil attitudes of Russian students in the context of a special military operation. *Higher Education in Russia*, 32(8–9), 9–23. (In Russian). <http://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-9-23>
- Trofimova, I.N. (2016). Socio-political attitudes and orientations of contemporary Russian youth. *Politics and Society*, (10), 1387–1399. (In Russian).
- Yakovlev, V.S. (2023). Civil values and attitudes of Russian youth in new socio-territorial conditions. *Humanitarian of the South of Russia*, 12(6), 95–105. (In Russian). <http://doi.org/10.18522/2227-8656.2023.6.7>

Сведения об авторах:

Шашкова Ярослава Юрьевна — доктор политических наук, профессор кафедры философии и политологии, Алтайский государственный университет (e-mail: yashashkova@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6126-7097)

Казанцев Дмитрий Анатольевич — старший преподаватель кафедры философии и политологии, Алтайский государственный университет (e-mail: dimkazanchev@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7287-6413)

About the authors:

Yaroslava Yu. Shashkova — Doctor of Political Science, Full Professor, Department of Philosophy and Political Science, Altai State University (e-mail: yashashkova@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-6126-7097)

Dmitry A. Kazantsev — Senior Lecturer, Department of Philosophy and Political Science, Altai State University (e-mail: dimkazanchev@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7287-6413)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-373-388
EDN: LZQDQZ

Научная статья / Research article

Образ будущего в субъективном пространстве политики новых граждан РФ: опыт эмпирического исследования молодежи новых регионов

И.В. Самаркина , И.С. Башмаков , Д.П. Колозов

Кубанский государственный университет, Краснодар, Российская Федерация

 smrkn@mail.ru

Аннотация. В условиях расширения социально-политического пространства России, присоединения новых территорий вопрос о консолидации современного российского общества на основе общероссийских традиционных ценностей, являющихся частью субъективного пространства политики, является актуальным как с точки зрения науки, так и с точки зрения реальной политической практики. В контексте происходящих в российском обществе изменений исследования ценностно-мировоззренческих оснований политики необходимы для выработки стратегии и определения технологий работы с разными категориями граждан, в особенности в новых регионах. Важной частью процессов социальной консолидации является разделяемый гражданами образ будущего. В исследовании концептуализировано понятие «образ будущего» как часть субъективного пространства политики, целью исследования была апробация концептуальной модели на эмпирических данных исследования молодежи новых субъектов РФ, полученных на основе фокус-групповых интервью со школьниками и студентами новых регионов РФ. Установлено, что представления о будущем молодежи новых территорий России одновременно определены и ограничены содержанием политической картины мира. Выявлены три жизненные траектории, в которых видит свое будущее молодежь новых субъектов РФ: возвращение на малую Родину; переезд в другой субъект РФ, эмиграция. Показано, что эти траектории соотносятся с моделями гражданской идентичности новых граждан РФ. Новизна полученных результатов определяется междисциплинарностью используемого в исследовании подхода, новым исследовательским фокусом и новизной вводимых в научный оборот эмпирических данных.

Ключевые слова: образ будущего, субъективное пространство политики, новые граждане РФ, молодежь, новые регионы РФ

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00660 «Образ будущего новых граждан России: содержание, модели и практики формирования в условиях консолидации современного российского общества».

© Самаркина И.В., Башмаков И.С., Колозов Д.П., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Самаркина И.В., Башмаков И.С., Колозов Д.П. Образ будущего в субъективном пространстве политики молодежи новых регионов РФ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. №2. С. 373–388. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-373-388>

The Image of the Future in the Subjective Space of Politics of New Citizens of the Russian Federation: Experience of Empirical Research of Youth in New Regions

Irina V. Samarkina , **Igor S. Bashmakov** , **Daniil P. Kolozov**

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

 smrkn@mail.ru

Abstract. In the context of the changes taking place in Russian society, research on the value and ideological foundations of politics is necessary to develop a strategy and identify technologies for working with different categories of citizens, especially in new regions. An important part of the processes of social consolidation is the image of the future shared by citizens. The article conceptualizes the concept of “image of the future” as part of the subjective space of politics, the purpose of the study was to approve a conceptual model based on empirical research of the youth in new subjects of the Russian Federation, fulfilled based on focus group interviews with schoolchildren and students of Russian new regions. It is determined that the youth image of the future in the new territories of Russia are simultaneously defined and limited by the content of the political world view. Three life trajectories have been identified in which the youth of the new subjects of the Russian Federation sees their future: returning to their small homeland; moving to another subject of the Russian Federation; emigration. It is shown that these trajectories correlate with models of new Russian citizens’ civil identity. The originality of the results is determined by the interdisciplinarity approach used in the study, the new research focus and the novelty of the empirical data being introduced into scientific turnover.

Keywords: the image of the future, the subjective space of politics, new citizens, the youth, the new regions of the Russian Federation

Acknowledgements: The research is supported by the Russian Science Foundation project No. 24-28-00660 “The image of the future of new citizens of Russia: the content, models and practices of formation in the context of consolidation of modern Russian society”.

For citation: Samarkina, I.V., Bashmakov, I.S., & Kolozov, D.P. (2024). The image of the future in the subjective space of politics of new citizens of the Russian Federation: Experience of empirical research of youth in new regions. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 373–388. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-373-388>

Введение

В условиях глобальной турбулентности происходит конкуренция полярных политико-идеологических проектов, а также сопутствующих систем общекультурных и гражданских ценностей, которую без преувеличения можно охарактеризовать как гибридную, идеологическую войну, экзистенциально-ценностное

противостояние, которое уже стало значимым фактором, влияющим на процессы политической социализации граждан России. Расширение российского политического пространства в этих условиях повлекло за собой и изменение политико-социализационных моделей новых граждан России, прежде всего молодой когорты. В российской публичной повестке отражен запрос общества и государства на интеграцию новых граждан в социокультурное пространство страны на основе разделяемой, общероссийской ценностно-смысловой матрицы, обеспечивающей процесс консолидации российского общества. Между тем разделяемый образ будущего — один из ключевых элементов успешной социальной консолидации — в условиях динамичных социально-политических трансформаций и кардинальных изменений жизненных траекторий граждан новых субъектов РФ размывается, а горизонт личного и социального планирования критически сокращается. Эти процессы становятся препятствием на пути интеграции и консолидации общества в условиях экзистенциально-ценностного противостояния.

В российской политической науке, а также в междисциплинарных исследованиях в настоящий момент отсутствует концептуальная модель образа будущего как значимой части субъективного пространства политики, формирующегося в процессе трансформации политико-социализационных моделей в условиях гибридной войны. Преодоление указанной научной лакуны позволит выработать стратегию и конкретные механизмы формирования позитивного, конгруэнтного базовым российским ценностям образа будущего в индивидуальных и коллективных проекциях субъективного пространства политики новых граждан РФ, а также успешной имплементации создаваемого образа в политической практике.

Цель исследования состоит в разработке объяснительной модели, включающей комплекс многосоставных и разноуровневых факторов, обеспечивающих формирование образа будущего в субъективном пространстве политики молодежи новых субъектов РФ и апробации этой модели на эмпирических данных. В представленном исследовании будут обозначены теоретические контуры концептуализации понятия «образ будущего как компонент субъективного пространства политики» и приведены результаты его апробации на материалах исследования молодежи старшего школьного и студенческого возраста в новых регионах России.

Степень разработанности проблемы в научной литературе

Понятие «образ будущего» и его различные аспекты исследуются в социально-гуманитарном знании как в зарубежной, так и в отечественной науке.

В современной зарубежной науке в рамках первого подхода авторы исследуют процессы и механизмы, связанные с формированием идей будущего в общественном сознании [Sum, Jessop 2013]. Второй подход сосредоточен на методах эффективного достижения желаемого будущего, при этом важно понимать политические процессы [van Dorsser et al. 2018]. Третий подход подчеркивает важность планирования сценариев будущего, часто используя концепт «дорожной

карты» [Andersen et al. 2021]. Четвертый подход связан с изучением механизма строгого предсказания будущего путем анализа рационального экономического поведения индивида и механизма функционирования политической власти, которые помогают делать прогнозы относительно неизбежного влияния образа будущего как части массовых представлений на экономическую и политическую жизнь общества [Winkler, Moser 2016]. Спекулятивный дизайн — еще одно направление исследований, оно заключается в исследовании воображения и конструирования альтернативных перспектив в настоящий момент [Godhe 2022]. Вместе с тем в современной зарубежной науке явно не хватает как теоретических работ за пределами социологии, так и эмпирических исследований образа будущего в междисциплинарном поле, в особенности в политологическом аспекте.

Современная отечественная политическая наука рассматривает образ будущего в публичном и научном дискурсе [Вилков 2020]. Предметом научных исследований российских ученых является методика и методология прикладных исследований образа будущего [Домбровская, Огнев 2023], теоретические подходы и исторический опыт обращения к образу будущего как политическому конструкту [Щербинин, Щербинина 2020].

В фокусе исследователей находится образ будущего молодых граждан России, исследована роль желаемого будущего в формировании идентичности молодежи [Комаровский, Беляков, Бориско 2021], изучены социально-политические аспекты образа будущего российской молодежи [Великая, Шушпанова 2021], образ будущего политической элиты России [Никулин 2018], соотношение данного образа с представлениями учащейся молодежи [Комаровский 2020]. Ряд направлений исследований связан с политико-психологическими и символическими аспектами восприятия молодежью образа будущего [Шестопап 2021; Домбровская, Огнев 2023], с аксиологическими и эмоционально-образными компонентами, влияющими на формирование образа будущего в российском обществе [Петухов 2020; Харичев и др. 2022; Зорин, Титов 2023], и в его молодежной когорте [Вилков 2022].

В современном политологическом дискурсе изучаются особенности восприятия и конструирования образа будущего региональными сообществами [Батанина, Лаврикова, Шумилова 2023] и их молодежной частью [Великая, Дорошина 2022], исследуется взаимосвязь гражданской идентичности и образа страны [Максимова и др. 2023], образ будущего в массовом сознании россиян и его соотношение с политическими проектами российских политических акторов [Вилков, Шестов, Абрамов 2021], представления о будущем России в российском обществе [Смулькина, Рогач 2022] и его влияние на политическое участие молодых граждан [Шестов 2022].

Вместе с тем образ будущего как часть субъективного пространства политики в отечественных и зарубежных исследованиях концептуально не рассматривается.

До настоящего времени концепт «субъективного пространства политики» рассматривался как в теоретическом [Идентичность... 2017], так и в прикладном

аспектах. Исследуются его отдельные компоненты: идеология как часть субъективного пространства политики [Лопуха, Разгонов, Ярославцева 2019], представления о стране в системе субъективного пространства политики [Самаркина 2019], репрезентация в субъективном пространстве политики отраслевых политик, в частности — молодежной политики [Бориско и др. 2022; Самаркина, Мирошниченко, Мальцев 2022]. Отдельным направлением исследований являются исследования субъективного пространства политики в контексте региональной [Башмаков, Самаркина 2021a], национально-государственной идентичности [Самаркина, Атанесян 2018; Бугайчук 2022], исследования связи компонентов субъективного пространства политики с поведенческими установками и деятельностными практиками [Башмаков, Самаркина 2021b]. Проекция субъективного пространства политики в сетевом обществе исследуют представители Кубанской политологической школы [Морозова 2018; Мирошниченко 2018; Самаркина 2021]. Существует необходимость дальнейших политологических исследований образа будущего как части индивидуального и коллективного субъективного пространства политики.

Материалы и методы

Образ будущего как часть субъективного пространства политики в настоящем исследовании осмысливается в ракурсе пересечения нескольких теоретических направлений, что задает новую теоретическую рамку и предлагает аналитический инструментарий для исследования состояния и практик формирования образа будущего как части субъективного пространства политики в условиях трансформации политико-социализационных моделей, а также открывает широкие эмпирические возможности.

Ключевой методологией для исследования субъективного пространства политики выступает феноменология. Использование феноменологического подхода к изучению жизненного мира Э. Гуссерля позволяет рассмотреть субъективное пространство политики как результат восприятия жизненного мира, детерминированного особенностями социально-политических субъектов — участников политического процесса. Социокультурный подход позволит интегрировать анализ макрополитических процессов и их проекции на уровень индивида и сообществ, с которыми он себя соотносит, выявить взаимосвязи между образами будущего и формирующейся национально-государственной идентичностью. Социокультурный подход акцентирует внимание на связь ценностно-субъективных аспектов макро- и микроуровня политики и паттернов поведения индивидов, групп, сообществ и систем. Политико-психологический подход (Е.Б. Шестопал) лег в основу теоретической модели формирования образа будущего в многоуровневых процессах политической социализации и ресоциализации.

В авторской интерпретации образ будущего представляет собой компонент субъективного пространства политики как совокупности символических, идеологических и культурных образований, обуславливающих содержание

ориентационно-поведенческих комплексов разнообразных политических акторов, образование множественных идейных конструкций, функционирующих в политической сфере и оказывающих влияние на организационные формы политических институтов и властных отношений, включающий константные и переменные параметры, содержание которых обусловлено совокупностью факторов.

Беря во внимание социально-психологический подход к образу будущего, в рамках которого он определяется как «особая система представлений, регулирующая перспективу жизненного пути личности, опосредованная ее прошлым опытом, уровнем индивидуального и социального развития, отношением личности к себе, к другим, к миру в целом» [Белогай, Бугрова 2020: 89], мы рассматриваем образ будущего в трех проекциях: индивидуальной, групповой (определяемой особенностями возрастной когорты, например, молодежи) и коллективной (определяемой состоянием и особенностями макросообщества, например, граждан государства). В рамках авторской концепции образ будущего является важным параметром, отражающим состояние гражданственности [Федоренко 2023: 109]. Он формируется в процессе стихийной и целенаправленной социализации. Каков образ будущего молодежи новых субъектов РФ с учетом особенностей политических процессов в этих субъектах в последние годы? Какова его структура? Связаны ли представления о будущем с гражданской идентичностью молодежи новых территорий? На эти вопросы мы постарались найти ответ в нашем исследовании.

В статье представлены результаты первичной апробации концептуальной модели исследования на эмпирических данных, собранных исследовательской группой в конце 2023 — начале 2024 гг. методом фокус-групповых интервью с молодежью школьного возраста, представляющей новые субъекты РФ, а также Республику Крым. В силу обстоятельств, частично ограничивающих возможность проведения фокус-групп непосредственно на новых территориях, исследование проводилось на территории Республики Крым и Краснодарского края со школьниками из новых субъектов — участниками проекта «Университетские смены» в Кубанском государственном университете, со школьниками из новых субъектов — участниками смен Всероссийского детского центра «Артек», со школьниками из Республики Крым — в школах по месту их обучения (всего — 12 фокус-групп). Экспертами (всего 30 экспертов) в исследовании выступили представители институциональных структур, вовлеченных в процессы политической социализации и реализации политики идентичности (органов государственной власти, образовательных учреждений, общественных организаций, представители научного сообщества).

Обсуждение результатов

Горизонт планирования собственного будущего. Первый вопрос, с которым сталкиваются исследователи образа будущего, это вопрос о том, видят ли вообще будущее люди? В нашем исследовании выявлена характерная

для молодежи школьного возраста тенденция сокращения горизонта планирования своей жизненной траектории, которая характерна для представителей молодежи всех новых субъектов: *«Я ни разу не задумывалась, что меня ждет через 10 лет. А планировала только свое ближайшее будущее: выучиться в школе и поступить»* (участник фокус-группы из Херсонской области). Многие участники исследования связывают феномен сокращения горизонта планирования с неопределенностью на фоне военных действий на территории: *«Сейчас планы строить очень тяжело. Поскольку началась война, ты думаешь одно, происходит совершенно другое. Я не знаю, что завтра будет»* (участник фокус-группы из Херсонской области); *«Сложно вообще-то представить, с учетом того, какие события сейчас происходят. Большой период времени»* (участник фокус-группы из Республики Крым). Сокращение горизонта планирования своей жизни связано, в представлениях молодежи, прежде всего с экзистенциальными угрозами: *«Я не знаю. Я надеюсь, что я доживу»* (участник фокус-группы из Республики Крым); *«Я не могу говорить то, чего нет, я не могу себе представить»* (участник фокус-группы из Республики Крым).

Сокращение горизонта планирования своего будущего отмечают эксперты не только относительно молодежи, но и всего населения новых территорий: *«Это, мне кажется, не тенденция школьников, тенденция была вообще в целом общества, потому что было непонятно во что выльется две тысячи двадцать второй год? Чем завершится? Но это очень быстро прошло, потому что очень быстро все поменяется»* (эксперт из Республики Крым).

Образ будущего молодежи как часть политической картины мира. Нами выявлено, что образ собственного будущего в картине мира молодежи является частью более общих представлений о будущем. Молодежь новых регионов тесно связывает собственное будущее с происходящими тектоническими геополитическими изменениями. Отдельные участники исследования определяют пессимистический геополитический сценарий (очевидно, ретранслируя информационный контент СМИ): *«Я думаю Россия начнет третью мировую войну после того, как захватит Украину»* (участник фокус-группы из Херсонской области); *«<Надежды на позитивное будущее> нет, скоро будет атомная война и это единственное, что будет»* (участник фокус-группы из ДНР и ЛНР).

Большинство участников исследования свое будущее видят в рамках сдержанно-оптимистичного глобального сценария: *«Мне кажется, вряд ли в 21 веке будет атомная война, мне кажется, люди уже немножечко начинают понимать, что это не способ решения проблемы»* (участник фокус-группы, ЛНР/ДНР); *«Я надеюсь, что через десять лет придумают какое-нибудь объединение всех стран мира, там, чтобы вместе все изучали, всем делились, был мир»* (участник фокус-группы из Запорожской области).

Представления школьников о будущем, очевидно, являются частью представлений о политике: *«В будущем БРИКС очень сильно расширится.*

Экономический союз включит в себя африканские страны, и Россия станет бенефициаром этого союза» (участник фокус-группы из Республики Крым); *«Я думаю, что все будет зависеть от президента Штатов, если человек не будет настраивать НАТО и остальные страны против России, это приведет к новому сотрудничеству, к развитию»* (участник фокус-группы из Херсонской области).

Обусловленность образа будущего спецификой возрастной когорты. Характерной особенностью представлений о будущем молодежи является фокус на своей образовательной и профессиональной траектории в кратко- и среднесрочной перспективе: *«В зависимости от того, что я буду учить и как у меня получится это учить в школе, есть два варианта: это режиссура, авиаконструктор»* (участник фокус-группы из Запорожской области); *«Меня в последнее время просто очень сильно самолеты начали увлекать»* (участник фокус-группы из Запорожской области); *«А я бы хотел со студентами, если честно, поработать именно как учитель»* (участник фокус-группы из Запорожской области).

Эксперты отмечают, что молодежь новых субъектов, в основном связывает свое будущее именно с Россией: *«У них положительная динамика именно для жизни в Российской Федерации. Им это нравится. Они строят планы дальше. Ездить, смотреть страну, развиваться, учиться дальше. Именно в Российской Федерации. Никто не думает ни за рубеж поехать, ни куда-либо, а именно остаться здесь»* (эксперт из Запорожской области).

Жизненные траектории как часть образа будущего. Нами определены три жизненные траектории молодежи новых субъектов. В первую очередь, следует отметить, что большинство участников фокус-групп ближайшее (после получения общего или среднего профессионального образования) будущее связывают с выездом из региона проживания. Жизненные траектории разнятся в том, куда планирует уехать молодежь и планирует ли возвращаться.

Первая траектория («возвращение на малую Родину») связана с планами молодежи уехать на обучение в крупные города России (Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону), а затем вернуться в родной регион: *«Я закончу какой-нибудь московский университет и вернусь с высшим образованием в регион, и он будет активно развиваться»* (участник фокус-группы из Запорожской области); *«Я бы хотел получить высшее образование. Выучиться и вернуться развивать Херсонскую область»* (участник фокус-группы из Херсонской области); *«Надо поднимать Республику с колен, если никто не будет поднимать, то она так и останется на коленях, а то все валят с Республики, а в Республике остаются кто?»* (участник фокус-группы, ЛНР/ДНР).

Вторая жизненная траектория («переезд в другой субъект РФ») связана с получением образования в одном из крупных городов России, но не предполагает возвращения в родной регион: *«Я хочу стать медиком и переехать куда-то в Россию. Не в Херсонскую и не Крым, а где-то в Россию»* (участник фокус-группы из Херсонской области); *«У меня представления,*

что я живу в Питере и работаю» (участник фокус-группы из Запорожской области); *«Я вот думаю в нашем регионе, ловить нечего. Нужно куда-то в подвижные города переезжать и там устраивать свою жизнь»* (участник фокус-группы, ЛНР/ДНР). Эксперты отмечают широкую распространенность среди молодежи новых субъектов именно этой траектории и с тревогой отмечают ее последствия для новых регионов: *«Поездки в российские университеты — это большая проблема для региона. Потом они <школьники> больше не хотят жить в этом регионе и работать... а для чего? Ну вот у них районный центр за Днепром находится, под пятой врага, даже если немедленно Минобороны отобьет Херсон, то это будет даже не Армавир или Таганрог. Его еще нужно некоторое время отстраивать, и не факт, что там будет такое строительство, как в Мариуполе»* (эксперт из Херсонской области).

Третья жизненная траектория («эмиграция») связана с дальнейшей жизнью в других государствах (выявлена в фокус-группах Запорожской и Херсонской областей): *«Я бы хотел закончить актерскую школу и поехать в штаты, попробовать себя на роль в каком-либо фильме»* (участник фокус-группы из Херсонской области).

Выявленные в нашем исследовании типы гражданской идентичности (российская идентичность (моя страна — Россия), гибридная идентичность (моя страна — Россия и Украина), новороссийская идентичность (моя страна — Донбасс), украинская идентичность (моя страна — Украина) и эскапистская (нулевая) идентичность (отсутствие образа *своей страны* в политической картине мира)) [Самаркина 2023], характерные для молодежи новых субъектов, соотносятся с выявленными жизненными траекториями.

Эксперты отмечают тенденцию формирования субъектной позиции молодежи относительно строительства своего будущего: *«Действительно с каждым годом у наших детей понятие о том, что нужно видеть свое будущее, о том, что нужно строить свое будущее, о том, что мы действительно творцы своего счастья и своей судьбы, — оно появляется»* (эксперт из ЛНР). Эта тенденция является результатом целенаправленной политики по формированию российской гражданской идентичности в активной деятельностной позиции молодежи: *«Вот в прошлом году я выпускал детвору, они уже со школы понимали, что знание — это хорошо, но вот еще один вектор развития — это общественная деятельность. То есть в зависимости, куда ты себя направишь свое, как говорится, рвение, и можешь построить себе карьеру через общественную деятельность, они прекрасно это понимали»* (эксперт из Республики Крым).

Заключение

Таким образом, собранные нами эмпирические данные дают основание для верификации концептуальной модели исследования образа будущего как части субъективного пространства политики. Нами выявлено, что

представления о будущем молодежи новых территорий России одновременно определены и ограничены содержанием политической картины мира. Под влиянием внешних факторов горизонт планирования будущего части молодежи существенно сократился, однако имеются предпосылки для его расширения образовательными и иными технологиями в системе молодежной и образовательной политики РФ.

Описанные жизненные траектории, в которых видит свое будущее молодежь новых субъектов РФ, соотносятся с моделями гражданской идентичности и представляют будущее в трех проекциях: индивидуальной, групповой (определяемой особенностями возрастной когорты, например молодежи) и коллективной (определяемой состоянием и особенностями макросообщества, например граждан государства).

Исследования образа будущего новых граждан РФ расширяют представление о ценностно-мировоззренческих основаниях современной российской политики.

Поступила в редакцию / Received: 26.10.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 13.11.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2024

Библиографический список

- Батанина И.А., Лаврикова А.А., Шумилова О.Е.* Образ будущего страны: восприятие региональным сообществом // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 13–19. <http://doi.org/10.24412/2071-6141-2023-1-13-19>
- Башмаков И.С., Самаркина И.В.* Локальная идентичность городской молодежи: основные компоненты и место в системе социальных идентичностей (на материалах эмпирического исследования городской молодежи Краснодарского края) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021а. Т. 23. № 1. С. 159–171. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-159-171>
- Башмаков И.С., Самаркина И.В.* Локальная идентичность: механизмы конвертации в конструктивные социально-политические практики молодежи // Полис. Политические исследования. 2021б. № 2. С. 99–112. <http://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.07>
- Белогай К.Н., Бугрова Н.А.* Образ будущего у старших подростков: межполовые различия // Психолого-педагогические исследования. 2020. Т. 12. № 1. С. 86–104. <http://doi.org/10.17759/psyedu.2020120107>
- Бориско О.А., Мирошниченко И.В., Самаркина И.В.* Субъективное пространство молодежной политики: теоретическая модель и региональная проекция (на примере Краснодарского края) // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 99–116. <http://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.08>
- Бугайчук Т.В.* Политологический аспект становления гражданской идентичности и особенности социокультурной трансформации в современной России // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 1 (11). С. 5–22. <http://doi.org/10.20323/2658-7866-2022-1-11-5-22>
- Великая Н.М., Дорошина А.В.* Самоидентификация молодежи Московского региона как фактор конструирования образа будущего России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. № 1. С. 31–38. <http://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-31-38>

- Великая Н.М., Шушпанова И.С. Российская молодежь о перспективах и образах будущего социально-политического развития страны // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. № 2. С. 29–40. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-29-40>
- Вилков А.А. Образы будущего в политологическом и публичном дискурсах современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. Т. 20. № 1. С. 64–68. <http://dx.doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-64-68>
- Вилков А.А. Ценностно-идеологический фактор формирования у современной молодежи образа будущего России (региональный кейс) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. № 1. С. 101–107. <http://dx.doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107>
- Вилков А.А., Шестов Н.И., Абрамов А.В. Социальный запрос на будущее России в политических проектах и массовом сознании граждан // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 3. С. 108–122. <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.10>
- Домбровская А.Ю., Огнев А.С. Консолидационный потенциал символов России будущего в сознании российской молодежи: инструментальная когнитивистика // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17. № 6. С. 87–105. <http://dx.doi.org/10.22394/2071-2367-2022-17-6-87-105>
- Домбровская А.Ю., Огнев А.С. Измерение образа будущего Российской Федерации в сознании российской молодежи: когнитивистика и киберметрия в прикладном политическом исследовании // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2023. Т. 13. № 3. С. 128–134. <http://dx.doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-3-128-134>
- Зорин В.Ю., Титов В.В. Образ будущего в современной России: концептуальные рамки и специфика политологического анализа // Вопросы политологии. 2023. № 7 (95). С. 3288–3297.
- Идентичность: личность, общество, политика: энциклопедическое издание / отв. ред. И.С. Семененко. М.: Весь Мир, 2017.
- Комаровский В.С. Образ желаемого будущего России: проблемы формирования // Власть. 2020. Т. 28. № 1. С. 45–50. <http://dx.doi.org/10.31171/vlast.v28i1.7041>
- Комаровский В.С., Беляков А.А., Бориско О.А. Образ будущего России глазами молодежи. М.: Аспект Пресс, 2021.
- Лопуха Т.Л., Разонов В.Л., Ярославцева Н.В. Характеристика идеологического пространства современной России и его влияние на систему образования // Гуманитарные проблемы военного дела. 2019. № 3 (20). С. 181–186.
- Максимова С.Г., Атясова Н.Ю., Суртаева О.В. Образ будущего России как основа для позитивной идентификации граждан // Society and Security Insights. 2021. Vol. 4, no. 4. P. 77–94. [http://dx.doi.org/10.14258/ssi\(2021\)4-05](http://dx.doi.org/10.14258/ssi(2021)4-05)
- Мирошниченко И.В. Субъективное пространство политики: возможности и вызовы сетевого общества / НИР: грант № 18-011-00975. Российский фонд фундаментальных исследований. 2018.
- Морозова Е.В. Субъективное пространство политики в сетевом обществе // Практическая философия: от классики до информационного социума: сб. материалов Всерос. конференции / под ред. Л.В. Бaeвой, К.А. Маркелова. Астрахань: Издательство «ИП Сорокин Р.В.», 2018. С. 157–160.
- Никулин С.О. Образ будущего России в программах парламентских партий // Образ будущего: 2030: сб. тезисов IX Междунар. молодежной науч. конференции. СПб.: Скифия-принт, 2018. С. 15–16.

- Петухов Р.В.* Запрос на перемены: политико-ценностное измерение // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 103–118. <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2020.06.08>
- Самаркина И.В., Атанесян А.В.* Европа как значимый Другой в формировании национально-государственной идентичности российской и армянской молодежи // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19. № 4. С. 109–129. <https://doi.org/10.31429/26190567-19-4-109-129>
- Самаркина И.В., Мирошниченко И.В., Мальцев С.С.* Лидеры и ведомые: молодежная политика в представлениях ее участников на примере Краснодарского края // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 4. С. 856–882. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-856-882>
- Самаркина И.В.* Образ власти как часть субъективного пространства политики: сетевые проекции или властная вертикаль // Этнос и культура в эпоху глобализации: сб. материалов III Междунар. науч. очно-заоч. конференции. Краснодар: Кубанский гос. технологический ун-т, 2019. С. 441–449.
- Самаркина И.В.* Политика формирования гражданской идентичности молодежи в новых субъектах РФ: модели и технологии (предварительные результаты исследования) // Социально-политическое пространство и публичная политика: векторы внешне- и внутривластного взаимодействия и развития в условиях глобальных перемен: материалы Всероссийской научно-практической конференции XII Столыпинские чтения. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. С. 7–9.
- Самаркина И.В.* Политическая картина мира сообществ «ВКонтакте»: опыт анализа субъективного пространства политики в условиях сетевого общества // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2021. Т. 17. № 1. С. 87–102.
- Смулькина Н.В., Рогач Н.Н.* Образы прошлого, настоящего и будущего России: символическое измерение // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С. 89–106. <http://dx.doi.org/10.31249/kgt/2022.05.05>
- Токарев А.А., Кравчук И.Д., Бойко М.Ю., Ильинский Р.В.* Социология российского образа будущего: предварительные результаты // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 117–136. <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2022.05.09>
- Федоренко К.А.* Государственная молодежная политика по формированию гражданской идентичности российских школьников. Краснодар: Перспективы образования, 2023.
- Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н.* Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации) // Журнал политических исследований. 2022. Т. 6. № 3. С. 9–19. <http://dx.doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>
- Шестов Н.И.* Представления молодежи о будущем России: провинциальное измерение // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2022. Т. 22. № 1. С. 108–113. <http://dx.doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-108-113>
- Шестопал Е.Б.* Образ идеального будущего: нормативные представления российских граждан о власти // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 464. С. 99–112. <http://dx.doi.org/10.17223/15617793/464/12>
- Щербинин А.И., Щербинина Н.Г.* Политическое конструирование образа будущего // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 285–299. <http://dx.doi.org/10.17223/1998863X/56/25>
- Andersen P.D., Hansen M., Selin C.* Stakeholder inclusion in scenario planning — A review of European projects // *Technological Forecasting and Social Change*. 2021. No. 169 (5). Iss. 120802. <http://dx.doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120802>
- Godhe M.* Some Notes on the Conceptions of Time and History in Speculative Fiction // *Fafnir — Nordic Journal of Science Fiction and Fantasy Research*. 2022. Vol. 9, no. 2. P. 62–68.

- Sum N.-L., Jessop B. *Towards a Cultural Political Economy*. Cheltenham: Edward Elgar, 2013. <http://dx.doi.org/10.4337/9780857930712>
- Van Dorsser C., Walker W.E., Taneja P., Marchau V.A.W.J. Improving the Link between the Futures Field and Policymaking // *Futures*. 2018. No. 104. P. 75–84. <http://dx.doi.org/10.1016/j.futures.2018.05.004>
- Winkler J., Moser R. Biases in Future-Oriented Delphi Studies: A Cognitive Perspective // *Technological Forecasting & Social Change*. 2016. No. 105. P. 63–76. <http://dx.doi.org/10.1016/j.techfore.2016.01.021>

References

- Andersen, P.D., Hansen, M., & Selin, C. (2021). Stakeholder inclusion in scenario planning — A review of European projects. *Technological Forecasting and Social Change*, 169(5):120802. <http://dx.doi.org/10.1016/j.techfore.2021.120802>
- Bashmakov, I.S., & Samarkina, I.V. (2021a). Key Identity features of urban youth: The case of Krasnodar Krai. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 159–171. (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-159-171>
- Bashmakov, I.S., & Samarkina, I.V. (2021b). Local identity: Mechanisms of conversion into constructive socio-political practices of youth. *Polis. Political Studies*, 2, 99–112. (In Russian). <http://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.07>
- Batanina, I.A., Lavrikova, A.A., & Shumilova, O.E. (2023). The image of the country's future: Perception by the regional community. *Izvestiya of Tula State University. Humanities*, 1, 13–19. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.24412/2071-6141-2023-1-13-19>
- Belogai, K.N., & Bugrova, N.A. (2020). The image of the future in older adolescents: Gender differences. *Psychological-Educational Studies*, 12(1), 86–104. (In Russian). <http://doi.org/10.17759/psyedu.2020120107>
- Borisko, O.A., Miroshnichenko, I.V., & Samarkina, I.V. (2022). The subjective space of youth policy: A theoretical model and a regional projection (the case of the Krasnodar Territory). *Polis. Political Studies*, 5, 99–116. (In Russian). <http://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.08>
- Bugaichuk, T.V. (2022). The political science aspect of the formation of civic identity and the peculiarities of socio-cultural transformation in modern Russia. *The world of Russian-speaking countries*, 1(11), 5–22. (In Russian). <http://doi.org/10.20323/2658-7866-2022-1-11-5-22>
- Dombrovskaya, A.Y., & Ognev, A.S. (2022). The consolidation potential of the symbols of Russia of the future in the minds of Russian youth: Instrumental cognitive Science. *Central Russian Bulletin of Social Sciences*, 17(6), 87–105. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.22394/2071-2367-2022-17-6-87-105>
- Dombrovskaya, A.Yu., & Ognev, A.S. (2023). Measuring the image of the future of the Russian Federation in the minds of Russian youth: Cognitive science and cybermetry in applied political research. *Humanities. Bulletin of the Financial University*, 13(3), 128–134. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.26794/2226-7867-2023-13-3-128-134>
- Dudina, M.M., Smirnova, N.A., & Smirnykh, A.Y. (2021). Ideas about urban patriotism among young people as a subcultural indicator of the vector of municipal change. *Municipality: Economics and Management*, 4(37), 34–40. (In Russian).
- Fedorenko, K.A. (2023). *The State youth policy on the formation of citizenship of Russian schoolchildren*. Krasnodar: Perspektivy obrazovaniya. (In Russian).
- Godhe, M. (2022). Some notes on the conceptions of time and history in speculative fiction. *Fafnir — Nordic Journal of Science Fiction and Fantasy Research*, 9(2), 62–68.
- Jasanoff, S., & Kim S.-H. (Eds.). (2015). *Dreamscapes of Modernity*. Chicago: University of Chicago Press.

- Kharichev, A.D., Shutov, A.Yu., Polosin, A.V., & Sokolova, E.N. (2022). Perception of basic values, factors, and structures of socio-historical development of Russia (based on research and approbation). *Journal of Political Studies*, 6(3), 9–19. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19>
- Komarovsky, V.S. (2020). The Image of the desired future of Russia: Problems of formation. *Vlast'*, 28(1), 45–50. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.31171/vlast.v28i1.7041>
- Komarovsky, V.S., Belyakov, A.A., & Borisko, O.A. (2021). *The image of the future of Russia through the eyes of youth*. Moscow: Aspect Press. (In Russian).
- Lopukha, T.L., Razgon, V.L., & Yaroslavtseva, N.V. (2019). Characteristics of the ideological space of modern Russia and its impact on the education system. *Humanitarian problems of military affairs*, 3(20), 181–186. (In Russian).
- Maksimova, S.G., Atyasova, N.Yu., & Surtayeva, O.V. (2021). The image of the future of Russia as a basis for positive identification of citizens. *Society and Security Insights*, 4(4), 77–94. (In Russian). [http://dx.doi.org/10.14258/ssi\(2021\)4-05](http://dx.doi.org/10.14258/ssi(2021)4-05).
- Miroshnichenko, I.V. (2018). *The subjective space of politics: Opportunities and challenges of the network society*. Research and Development: grant No. 18-011-00975. The Russian Foundation for Basic Research. (In Russian).
- Miroshnichenko, I.V., Morozova, E.V., & Samarkina I.V. (2018b). Perception of Europe among youth in the context of new realities of world politics (based on materials of Krasnodar). *Polis. Political Studies*, 3, 110–129. (In Russian).
- Morozova, E.V., (2018). The subjective space of politics in a networked society. In L.V. Baeva, & K.A. Markelova (Eds.), *Practical philosophy: from classics to information society: a collection of materials of the All-Russian Conference* (pp. 157–160). Astrakhan: Publishing house “IP Sorokin R.V.” (In Russian).
- Nikulin, S.O. (2018). The image of the future of Russia in the programs of parliamentary parties. In *Image of the Future: 2030: Abstracts of the IX International Youth Scientific Conference* (pp. 15–16). St. Petersburg: Scythia-print. (In Russian).
- Petukhov, R.V. (2020). A request for change: A political and value dimension. *Polis. Political Studies*, 6, 103–118. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2020.06.08>
- Samarkina, I.V. (2019). Image of authority as a part of subjective policy space: Network projections or power vertical. In *Ethnos and culture in the era of globalization: a collection of materials of the III International scientific full-time conference* (pp. 441–449). Krasnodar: Kuban State Technological University. (In Russian).
- Samarkina, I.V. (2021). The political worldview of the world of VKontakte communities: The experience of analyzing the subjective space of politics in a network society. *Political expertise: POLITEX*, 17(1), 87–102. (In Russian).
- Samarkina, I.V. (2023). The policy of forming the civic identity of youth in the new subjects of the Russian Federation: Models and technologies (preliminary research results). In *Socio-political space and public policy: vectors of foreign and domestic political interaction, and development in the context of global changes: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference XII Stolypin Readings* (pp. 7–9). Krasnodar: Kuban State University. (In Russian).
- Samarkina, I.V., & Atanesyan, A.V. (2018). Europe as a Significant Other in the formation of national and state identity of Russian and Armenian youth. *South Russian Journal of Social Sciences*, 19(4), 109–129. (In Russian). <http://doi.org/10.31429/26190567-19-4-109-129>
- Samarkina, I.V., Miroshnichenko, I.V., & Maltsev, S.S. (2022). Leaders and wingmen: Youth policy in the views of its participants — an evidence from Krasnodar Territory. *RUDN Journal of Political Science*, 24(4), 856–882. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-856-882>
- Semenenko, I.S. (Ed.). (2017). *Identity: Person, Society, Policy*. Encyclopedia. Moscow: Ves’Mir. (In Russian).

- Shcherbinin, A.I., & Shcherbinina, N.G. (2020). Political construction of the image of the future. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, 56, 285–299. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.17223/1998863X/56/25>
- Shestopal, E.B. (2021). The image of an ideal future: The normative ideas of Russian citizens about power. *Bulletin of Tomsk State University*, 464, 99–112. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.17223/15617793/464/12>
- Shestov, N.I. (2022). Youth's ideas about the future of Russia: A provincial dimension. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 22(1), 108–113. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-108-113>
- Smulkina, N.V., & Rogach, N.N. (2022). Images of Russia's past, present, and future: Symbolic dimension. *Outlines of global transformations: Politics, Economics, Law*, 15(5), 89–106. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.31249/kgt/2022.05.05>
- Sum, N.-L., & Jessop, B. (2013). *Towards a Cultural Political Economy*. Cheltenham: Edward Elgar. <http://dx.doi.org/10.4337/9780857930712>
- Tokarev, A.A., Kravchuk, I.D., Boyko, M.Y., & Ilyinsky, R.V. (2022). Sociology of the Russian image of the future: Preliminary results. *Polis. Political Studies*, 5, 117–136. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2022.05.09>
- Van, Dorsser, C., Walker, W.E., Taneja, P., & Marchau, V.A.W.J. (2018). Improving the link between the futures field and policymaking. *Futures*, 104, 75–84. <http://dx.doi.org/10.1016/j.futures.2018.05.004>
- Velikaya, N.M., & Doroshina, A.V. (2022). Self-identification of the youth of the Moscow region as a factor in constructing the image of the future of Russia. *Izvestiya of Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political Science*, 22(1), 31–38. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-31-38>
- Velikaya, N.M., & Shushpanova, I.S. (2021). Russian youth on the prospects and images of the future socio-political development of the country. *Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences*, 14(2), 29–40. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2021-2-29-40>
- Vilkov, A.A. (2020). Images of the future within political science and public discourses of modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 20(1), 64–68. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.18500/1818-9601-2020-20-1-64-68>
- Vilkov, A.A. (2022). The value-ideological factor of the formation of the image of the future of Russia among modern youth (regional case). *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 22(1), 101–107. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-1-101-107>
- Vilkov, A.A., Shestov, N.I., & Abramov, A.V. (2021). The social demand for the future of Russia within political projects and the mass consciousness. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 26(3), 108–122. (In Russian). <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2021.3.10>
- Winkler, J., & Moser, R. (2016). Biases in future-oriented Delphi studies: A cognitive perspective. *Technological Forecasting & Social Change*, 105, 63–76. <http://dx.doi.org/10.1016/j.techfore.2016.01.021>
- Zorin, V.Y., & Titov, V.V. (2023). The image of the future in modern Russia: Conceptual framework and specifics of political science analysis. *Political Science Issues*, 7(95), 3288–3297. (In Russian).

Сведения об авторах:

Самаркина Ирина Владимировна — доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (e-mail: smrkn@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0205-8543)

Башмаков Игорь Станиславович — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления, Кубанский государственный университет (e-mail: igorbash87@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-5906-803X)

Колозов Даниил Павлович — студент 2-го курса магистратуры, инженер-исследователь научно-исследовательской части, Кубанский государственный университет (e-mail: daniil.kolozov@mail.ru) (ORCID: 0009-0003-6575-636X)

About the authors:

Irina V. Samarkina — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Political Science and Political Management, Kuban State University (e-mail: smrkn@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-0205-8543)

Igor S. Bashmakov — PhD of Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science and Political Management, Kuban State University (e-mail: igorbash87@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-5906-803X)

Daniil P. Kolozov — 2nd year master's student of Political Science, Engineer-Researcher, Kuban State University (e-mail: daniil.kolozov@mail.ru) (ORCID: 0009-0003-6575-636X)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-389-405
EDN: LXCQYF

Научная статья / Research article

Уклонение студенческой молодежи от общественно-политической активности: причины, формы и способы вовлечения

А.В. Соколов , А.А. Фролов , П.А. Бабаджанян

*Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова, Ярославль, Российская
Федерация*

 alex8119@mail.ru

Аннотация. В современном обществе все большее количество студентов проявляют уклонение от участия в общественно-политической жизни. Это явление вызывает серьезные тревоги и заслуживает внимания со стороны общества. Современное студенчество может чувствовать беспомощность перед сложностью политических процессов и их влиянием на повседневную жизнь. Они могут верить, что их участие ничего не изменит и не принесет значимого результата. Такой пессимизм и отчуждение от политики складываются в негативный образ студента, не проявляющего интерес к общественным делам, и ведет к избиранию стратегии уклонения, то есть избегания и неучастия в общественно-политических процессах. В связи с этим анализируются факторы, влияющие на избрание стратегии уклонения, выявляются возможные тактики и предлагаются способы вовлечения студенчества в общественно-политическую сферу. Цель исследования — выявление причин, тактик и последствий использования уклонения среди студенчества в общественно-политической сфере, а также способов вовлечения обучающихся в общественно-политическую деятельность. Методами сбора эмпирических данных стали серия фокус-групп среди студентов в четырех регионах: Костромской, Вологодской, Владимирской и Ярославской областях (выбор регионов связан с присутствием в них университетов, входящих в консорциум «Верхняя Волга — территория инноваций»), глубинные интервью экспертов (сотрудники администраций и преподаватели вузов, представители общественных и студенческих организаций, напрямую работающие с молодыми людьми в рамках основной деятельности своих организаций), а также контент-анализ эссе студентов. По результатам исследования были выявлены основные факторы, влияющие на избрание студентами стратегии уклонения, определены формы уклонения студенчества от общественно-политической жизни, а также предложены способы вовлечения.

Ключевые слова: уклонение, избегание, абсентеизм, студенческая молодежь, вовлечение, неучастие, стратегии поведения, ценности, установки

© Соколов А.В., Фролов А.А., Бабаджанян П.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания на НИР ЯрГУ по проекту № FENZ-2023-0006 «Стратегии и тактики социального уклонения как формы коммуникативного поведения современного студенчества».

Для цитирования: Соколов А.В., Фролов А.А., Бабаджанян П.А. Уклонение студенческой молодежи от общественно-политической активности: причины, формы и способы вовлечения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 389–405. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-389-405>

Student Youth’s Evasion of Socio-Political Activity: Causes, Forms, and Ways of Involvement

Alexander V. Sokolov , Alexander A. Frolov , Papik A. Babajanyan

P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

 alex8119@mail.ru

Abstract. In modern society, more and more students show an avoidance of participation in public and political life. This phenomenon causes serious concern and deserves attention from society. Modern students may feel helpless in the face of the complexity of political processes and their impact on everyday life. They may believe that their participation will not change anything and will not bring meaningful results. Such pessimism and alienation from politics form a negative image of a student who does not show interest in public affairs and leads to the choice of an evasion strategy, that is, avoidance and non-participation in socio-political processes. In this regard, the article analyzes the factors influencing the choice of an evasion strategy, identifies possible tactics and suggests ways to involve students in the socio-political sphere. The purpose of the study is to identify the causes, tactics and consequences of the use of evasion among students in the socio-political sphere, as well as ways to involve students in socio-political activities. The methods of collecting empirical data were: a series of focus groups among students in four regions: Kostroma, Vologda, Vladimir and Yaroslavl regions (the choice of regions is associated with the presence of universities in them, members of the consortium “Upper Volga — the territory of innovation”), in-depth interviews of experts (university administrators and teachers, representatives of public and student organizations working directly with young people within the framework of the main activities of their organizations), as well as content analysis of students’ essays. According to the results of the study, the main factors influencing the choice of an avoidance strategy by students were identified, the forms of student avoidance from socio-political life were determined, and ways of involvement were proposed.

Keywords: evasion, avoidance, absenteeism, student youth, engagement, non-participation, behavior strategies, values, attitudes

Acknowledgements: The study is supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation as part of the state assignment for research at YarSU under project no. FENZ-2023-0006 “Strategies and tactics of social evasion as a form of communicative behavior of modern students”.

For citation: Sokolov, A.V., Frolov, A.A., & Babajanyan, P.A. (2024). Student youth’s evasion of socio-political activity: Causes, forms, and ways of involvement. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 389–405. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-389-405>

Введение

Конструктивная общественно-политическая активность представляет собой значимый фактор стабильности политической системы государства. Поддержка принимаемых органами публичной власти решений и осуществляемого политического курса должна быть выражена значимой частью общества посредством определенного набора действий (посредством голосования на выборах, положительной обратной связи в ходе публичной дискуссии и т.д). Ее отсутствие может говорить об узкой социальной базе властвующей элиты, слабой поддержке принимаемых решений со стороны общества.

Одной из значимых социальных групп, обеспечивающих устойчивое и стабильное развитие общества, является молодежь, которая не только может вносить значимый вклад в социально-экономическое и общественно-политическое развитие общества и государства, но и демонстрирует их потенциал и перспективы в будущем. Модели поведения молодежи способны демонстрировать присущие ей ценности и установки [Кленова 2018]. Одной из релевантных групп среди молодежи является студенчество. Это связано с тем, что университет представляет собой четвертый (последний) этап эстафеты передачи ценностей и знаний, где государство еще является ключевым субъектом. Далее личность попадает в полисубъектную среду влияний и социализации, погружается в череду личных и семейных задач, практически полностью уходя из осознанных и системных форматов освоения знаний, умений и навыков, а также смыслов и ценностей [Склярова 2023].

Политические изменения и социальные потрясения способны оказывать значительное влияние и привести к уклонению студенческой молодежи от общественно-политической жизни. Поэтому научной проблемой, на решение которой направлено представленное исследование, заключается в малоизученности причин и последствий формирования и тиражирования обучающимися стратегии уклонения от общественно-политической активности, и, что немало важно, вариантов ее решения. Осмысление данного феномена будет способствовать повышению лояльности молодежи политической системе, ее легитимности и устойчивости.

Теоретические основы исследования

В современном обществе политическое участие молодых людей является одним из важных аспектов развития гражданских процессов. Однако среди студентов наблюдается распространенная тенденция к уклонению от политического активизма и отсутствию интереса к участию в публичных делах [Гречихин 2021]. Молодежь как особая социальная группа имеет важное значение в общественной жизни, и политическое уклонение, стремительно распространяющееся среди нее, оказывает крайне негативное влияние на социально-политическую жизнь как всей страны, так и отдельного города, и района

[Липская 2019]. В современном российском обществе существуют следующие факторы отстраненности молодежи от политики:

- интересы молодежи сосредоточены на проблемах поддержания своего существования и выживания в современных условиях;
- молодежь, с одной стороны, не видит необходимости что-либо кардинально менять в сложившемся укладе жизни, а с другой — не рассматривает политическую деятельность в качестве значимой для себя;
- рост несовместимости интересов, потребностей и ценностных ориентаций молодежи с политикой в условиях возрастающего отчуждения от органов государственной власти на всех уровнях, общественных и государственных структур и институтов [Сербин 2011].

Также на факторы отстраненности молодежи от политики влияют и новые онлайн-формы получения информации, которые стимулируют развитие и закрепление эффекта клипового сознания [Володенков 2021], трансформируют политическое поведение и порождают новый концепт «выборочного уклонения» [Гришин 2021].

Одним из основных аспектов уклонения является активное избегание политических действий или принятия принципиальных позиций [Борисенко 2016]. Люди, придерживающиеся этой стратегии, часто предпочитают нейтральное поведение по отношению к политическим процессам или склоняются к уклончивым ответам в критических ситуациях. [Лаврикова 2016]. Кроме этого, уклонение может быть политической стратегией для избегания рисков и непопулярных решений. Граждане, использующие эту стратегию, могут избегать принятия решений, которые способны вызвать негативную реакцию общества или потенциально навредить их жизни [Акулинина 2018].

Уклонение также может иметь свои негативные последствия. Избегая исполнения политических обязанностей или принятия сложных решений, индивиды (в том числе политические субъекты) могут пропустить возможность роста и развития общества. Также стратегия уклонения стимулирует пассивность и бездействие, что может негативно отразиться на эффективности политической системы и качестве жизни граждан [Ягодка 2015].

Можно выделить ряд факторов, влияющих на интенсивность использования уклонения как стратегии поведения. К внешним факторам можно отнести конкретные социально-экономические условия, общественно-политическую ситуацию в стране, доминирующий тип политической культуры [Авцинова 2019]. К внутренним факторам относятся мотивация, характер и темперамент человека, а также особенности конкретной социально-демографической группы. Уклонение уменьшает дискомфорт и беспокойство у субъектов, его практикующих, в краткосрочной перспективе, даже если поддерживает тревогу и неблагоприятные для их жизни условия в долгосрочной перспективе [Любцова 2020].

Политическое поведение студенчества приобретает свои характерные черты, которые исходят из преследуемых целей, жизненных установок,

ориентиров, используемых способов и средств борьбы для удовлетворения своих желаний (иллюзорных желаний) [Буравлева 2011]. Также о политической активности человека можно говорить как об индивидуальном действии, так и о поведении в составе разных социальных групп и общественных организаций [Северухина 2017]. В отечественной науке существует обширная база исследований активных форм политического поведения, используемых молодежью (в том числе студенчеством). К ним можно отнести работы А.В. Селезневой о ценностях молодежи [Селезнева 2020], Д.А. Головина и Т.Ю. Павельевой [Головин, Павельева 2022], о политическом сознании молодежи, О.В. Поповой о политическом поведении молодежи [Попова 2016], А.Ю. Беляева и Е.Н. Тарасова о тенденциях абсентеизма [Беляев, Тарасов 2013], А.В. Абрамова и коллег о абсентеистах как отдельной страте [Абрамов 2013], Л.В. Русских о абсентеизме как модели поведения [Русских 2018] и др. Однако в отечественной литературе политическое уклонение в основном отождествляют с избеганием от электорального участия (абсентеизм).

Политический абсентеизм — это форма отсутствия участия граждан в политической жизни страны. Это может проявляться в форме низкой явки на выборах, отсутствии участия в публичных мероприятиях или дебатах, нежелании проявлять интерес к политическим и социальным проблемам [Старыш 2022]. Структура политического абсентеизма может включать в себя:

- формы политического абсентеизма — различные способы проявления политического абсентеизма;
- причины политического абсентеизма — факторы, которые могут приводить к политическому абсентеизму;
- влияние политического абсентеизма на систему — последствия для системы низкого уровня политической активности (снижение легитимности власти, ослабление уровня доверия к политическим институтам и т.д.);
- методы предотвращения политического абсентеизма — способы, которые помогают активизировать участие граждан в политической жизни страны.

Таким образом, структура политического абсентеизма помогает понять, что приводит к низкой политической активности граждан [Арина 2014], однако большинство работ по данной тематике не разъясняют фундаментальные причины и мотивы формирования и использования уклонения как стратегии политического поведения. Теории абсентеизма описывают итоговые причины и формы неучастия граждан в общественно-политической сфере, но не рассматривают факторы и процессы из-за которых граждане (в первую очередь молодежь как будущее общества) избирают стратегию политического уклонения. Более того, сам феномен «политического уклонения» гораздо шире, чем просто неучастие в электоральных процессах. К нему могут относиться игнорирование общественных мероприятий и акций, низкая заинтересованность политическими событиями и новостям [Васюра 2016], невысокая степень вовлеченности в деятельность НКО [Пилипенко 2021], слабая пропуская

способность карьерных лифтов для молодежи в региональном политическом процессе [Асеев, Шашкова 2021] и др.

Исходя из анализа интерпретации политического поведения современного российского студенчества можно утверждать, что уклонение — это форма целенаправленного избегания общественно-политической активности студенчеством, являющаяся следствием осознанного и мотивированного поведения студента, вызванного личными субъективными, а также внешними объективными и субъективными по отношению к нему причинами, предполагающая самооправдание своего решения (базирующегося как на реально существующих, так и выдаваемых за таковые причины). Изучение возможных факторов, тактик и разновидностей политического уклонения современного российского студенчества является важной темой для современной политической системы России.

В связи с этим **целью исследования**, представленного в данной статье, является выявление причин, тактик и последствий использования уклонения среди студенчества в общественно-политической сфере, а также способов вовлечения обучающихся в общественно-политическую деятельность.

Методы исследования

В статье представлены результаты исследования, полученного в ходе применения трех методов сбора эмпирических данных: серии фокус-групп среди студентов, глубинных интервью экспертов и эссе студентов.

Всего было проведено 12 фокус-групп в четырех регионах: Костромской, Вологодской, Владимирской и Ярославской областях. Выбор регионов связан с присутствием в них университетов, входящих в консорциум «Верхняя Волга — территория инноваций»: Костромской государственный университет; Череповецкий государственный университет; Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых; Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. В каждом вузе были проведены 3 фокус-группы, каждая из которых включала в себя определенную категорию студенчества. Первая представляла студентов, не участвующих в студенческих активностях. Вторая сформирована из активистов студенческих объединений, представляющих разные направления внеучебной деятельности. Третья включала в себя руководителей студенческих объединений вузов. Сбор данных проводился по формализованному гайду, отдельные вопросы которого предназначались только конкретной категории студенчества.

Также было проведено 21 глубинное интервью экспертов по формализованной анкете. Опрос проводился по единому инструментарию в смешанном формате: часть интервью взяты очным интервьюированием, часть посредством дистанционных технологий связи. В число экспертов вошли сотрудники администраций вузов и преподаватели, представители общественных и студенческих организаций, напрямую работающие с молодыми людьми в рамках основной деятельности своих организаций.

Участникам эссе выступили студенты факультета социально-политических наук ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Им предоставлялось право выбора темы для написания эссе, среди которых личная стратегия в уклонении от учебной активности (11 студентов), личная стратегия уклонения от общественно-политической активности (8 студентов) и личная стратегия уклонения от внеучебной активности (31 студент).

Характеристики уклоняющегося студенчества

Исследование позволило выявить, что практически все студенты в той или иной степени используют стратегии и тактики уклонения в различных сферах жизнедеятельности вуза. Можно выделить три группы характеристик студентов, уклоняющихся от общественно-политической активности:

- демонстрирующие негативные стороны личности (лень и пассивность; незаинтересованность; безответственность; безынициативность и ведомость; неумение правильно распределять время);
- демонстрирующие нейтральные стороны личности (высокая занятость (например, работой или учебой); личные проблемы; пресыщение активностью и выгорание);
- демонстрирующие позитивные стороны личности (умение аргументировать причины уклонения; коммуникабельность и стрессоустойчивость; рациональный подход к использованию своего времени).

Исследование позволило выявить, что студенты в целом не считают уклонение формой проявления какого-либо особенного поведения, а лишь реакцией, связанной с выбором предпочтения в участии или неучастии в конкретно предложенной активности. Тем не менее некоторые участники утверждают, что отказ от общественно-политической активности может быть вызван личной позицией уклоняющегося, выраженной в непринятии идей или содержания предложенной активности, что и приводит к уклонению как сознательному избеганию любых взаимодействий с активностью, так и тех, кто ее предлагает. При этом респонденты фокус-групп отмечали, что мероприятия по общественно-политической направленности крайне редко проходят в форме принудительного вовлечения. Также уклонение может являться формой привлечения внимания к личности уклоняющегося, что проявляется в его желании индивидуального вовлечения с личным предложением к участию от вовлекающего или предлагающего активность.

Косвенным показателем уклонения студентов от общественно-политической активности является их нежелание обсуждать данную тематику как во время фокус-групп, так и в отдельном исследовании уклонения как стратегии поведения, проведенного методом контент-анализа эссе. Студентам было предложено написать эссе по одной из тем: личная стратегия в уклонении от учебной, внеучебной или от общественно-политической активности. Лишь 8 из 50 работ было написано по третьей теме.

Анализ эссе и высказывания участников фокус-групп позволяют сделать вывод, что общественно-политическая деятельность ассоциируется у обучающихся

в большей степени с протестами и митингами. Никто из них не интерпретировал ее как выражение поддержки осуществляемой политике. В результате они обосновывали свое стремление уклониться от нее стремлением избежать участия в незаконных мероприятиях с угрозой насильственных действий как самих участников, так и против них.

Также указывалось, что в общественно-политической деятельности участники теряют свою индивидуальность и вынуждены «ходить в толпе людей, которые что-то восхваляют, мне не нравится» — цитата из эссе.

Факторы, влияющие на общественно-политическое уклонение студенчества

Обучающие демонстрируют отстраненность от обсуждения общественно-политической повестки. Они обосновывают это негласным запретом политических дискуссий внутри университетов (признавая официальный запрет деятельности политических организаций в образовательных учреждениях). Другой причиной подобного поведения является нежелание формировать условия для конфликтов по причине различных политических взглядов. Фактически здесь можно увидеть достаточно сложное сочетание установки на сосуществование официальной политической линии с политическим многообразием ориентаций молодежи с целью сохранения возможности на общественную активность внутри университета обучающихся с разными политическими взглядами.

Студенчество негативно настроено к принудительному вовлечению в мероприятия, связанные с общественно-политической деятельностью. Исследование позволило выявить два основных вида общественно-политической активности, предлагаемых в университетах:

- участие в мероприятиях с участием высокопоставленных должностных лиц и публичных политиков;
- участие в мероприятиях, приуроченных к знаменательным датам, тематическим дням.

Таким образом, внутри образовательных учреждений не предлагается систематическая с глубоким погружением общественно-политическая активность для обучающихся. Поэтому они ее воспринимают как разовую, не предполагающую значимой связи между отдельными мероприятиями и не ориентированную на конкретный результат (который понятен в учебной деятельности либо предполагается во внеучебной — например, победа в конкурсе). В результате для большинства студенчества политика ассоциируется с личной позицией, которой они не хотят делиться, в том числе боясь неодобрения как со стороны сверстников, так и со стороны сотрудников вуза. Поэтому уклонение от исключительно политических мероприятий является наиболее предпочтительной для них формой поведения. Исходя из этого внеучебная и общественно-политическая активности являются вторичными для студентов, поэтому доля активного в них студенчества невелика.

Часть студенчества проявляет инициативу и активность на мероприятиях, предлагаемых вузом и другими общественными институтами. Тем не менее существуют определенные факторы, влияющие на избрание студентами стратегии уклонения по отношению к подобным активностям, предлагаемым учебным заведением. Рассмотрим основные из них.

1. Фактор общественно-политической апатии. Молодые люди часто не видят непосредственной связи своих действий с результатами политической деятельности. Они не верят в эффективность политических институтов и считают, что целесообразнее заниматься своими личными делами. Недоверие к политической системе и разочарованность в ней ведут к отсутствию интереса к политике.
2. Фактор отсутствия информированности и низкий уровень политической грамотности студентов. В современном мире множество информационных ресурсов, но не все молодые люди активно пользуются ими для получения знаний о политике. Отсутствие актуальной информации и навыков критического мышления делает студентов уязвимыми к манипуляциям. В результате они не способны анализировать политические процессы и вырабатывать собственное мнение, что в итоге влечет за собой отсутствие интереса к политике.
3. Фактор материальной нестабильности и экономические проблемы. Часто студенты вынуждены уделять больше времени работе и учебе, чтобы обеспечить свое существование. Это снижает их внимание и интерес к политическим вопросам. Молодые люди оказываются втянутыми в повседневные трудовые будни и не имеют возможности уделять время политической активности.
4. Фактор социального окружения. Окружение, в котором находятся обучающиеся, может не поддерживать их интерес к политике. Если молодые люди не видят вокруг себя единомыслия и поддержки, то они склонны уклоняться от политической деятельности, чтобы избежать конфликтов и конфронтаций. Студенты стремятся больше времени проводить со своими друзьями и заниматься своими увлечениями, что отвлекает их от политической сферы.

Современные технологии и развитие социальных сетей играют свою роль в уклонении студентов от политики. Привычка получать информацию мгновенно и в краткой форме приводит к поверхностному восприятию событий и отсутствию желания углубляться в политические вопросы. Быстрая смена тем и информационная перегрузка делают политику менее привлекательной для молодежи, которой нередко не хватает времени и выдержки, чтобы понять сложные политические процессы.

Тактики уклонения студентов от общественно-политической жизни

Исходя из указанных факторов, можно сформулировать тактики уклонения студентов от общественно-политической жизни. Одна из тактик — это акцент на учебу и профессиональное развитие.

1. Студенты концентрируются на учебном процессе, стремятся к профессиональному росту, игнорируя политические мероприятия и дискуссии.
2. Активное участие в деятельности различных академических и профессиональных клубов. Университеты предлагают широкий спектр форматов и студенческих объединений, посвященных научным исследованиям, искусству, спорту, предпринимательству и технологиям. Участие в них помогает студентам находить единомышленников и разделять общие интересы. Отдав предпочтение участию в академических или профессиональных клубах, студенты могут разнообразить свой опыт, приобрести новые знания и навыки, а также сформировать ценные контакты для будущих карьерных возможностей.
3. Концентрация на личном росте и развитии. Помимо учебы, студенты могут направить свое время и ресурсы на развитие своих личностных качеств. Занятия спортом, искусством, музыкой или волонтерство, позволяющие им развивать свои таланты, улучшать физическую и эмоциональную форму, а также обогащать свой внутренний мир. Постоянный личный рост и улучшение навыков могут создать основу для успешной и счастливой жизни вне политической арены.
4. Общение с друзьями и развлечения на альтернативных площадках. Политическая активность и обсуждение политических тем могут вызывать напряжение и споры, которые не всем студентам интересны или понятны. Они могут предпочесть находиться в окружении людей, которые разделяют их увлечения и интересы в других сферах жизни. Это может быть спортивный клуб, культурные группы или просто друзья со схожими взглядами. Такие альтернативные площадки общения и развлечений позволяют студентам наслаждаться своими хобби и увлечениями, не отвлекаясь на политические события.

Необходимо отметить, что тактики уклонения студентов от политики могут быть различными в зависимости от личных предпочтений и целей каждого студента. Важно помнить, что выбор уклонения от политической активности не означает отрицание ее важности, а является проявлением приоритета других аспектов жизни. Исходя из этого среди студентов можно наблюдать разнообразные виды уклонения от общественно-политической активности.

Разновидности политического уклонения среди студенчества

Первым видом уклонения от общественно-политической жизни среди студентов является полное игнорирование ее существования. Некоторые студенты считают политику утомительной и непонятной сферой, которая не имеет прямого отношения к их повседневной жизни. Они предпочитают уделять время и тратить энергию на другие занятия, считая политику лишь ненужной формальностью.

Вторым видом уклонения является опасение высказывать свою позицию по общественно-политическим вопросам (например, по причине опасения столкнуться с разногласиями или агрессией со стороны окружающих).

Третий вид уклонения можно назвать «уход в академическую сферу». Некоторые студенты полностью погружаются в свои учебные предметы, исследуют различные научные темы, ищут новые знания. Они считают, что академическая сфера является более приоритетной и полезной, чем политика (не видя предпочтений от участия в ней).

Четвертым видом уклонения является поиск более конструктивных путей влияния на общество. Некоторые студенты придерживаются убеждения, что личное участие в политике не является основным способом изменения ситуации, и предпочитают иную активность. Они привлекают внимание к проблемам через различные волонтерские программы, оказывают помощь на благотворительных мероприятиях или посвящают свое время исследованию и реализации своих разработок в сфере науки и технологий.

Исходя из всего вышесказанного, можно отметить, что вовлечение студентов в политическую сферу является важным аспектом их гражданского образования и активного участия в общественной жизни. Политическая активность студентов способствует формированию критического мышления, развитию лидерских навыков и созданию осознанного гражданского общества. Детальное обсуждение в ходе проведенных фокус-групп данной тематики позволило выявить значимую деталь: в ситуации неготовности обсуждать политическую повестку в больших группах дискуссия присутствует в малых однородных по взглядам группах вне стен образовательной организации. Изредка организуемые внутри университетов встречи и мероприятия с политическими деятелями, должностными лицами из органов власти также не вызывают дискуссии.

Потенциальные способы вовлечения студенчества в общественно-политическую деятельность

Способы вовлечения студентов в общественно-политическую активность представляют собой важное звено в развитии молодежи и создании активного гражданского общества. Политические знания и опыт, полученные в учебных заведениях, помогут студентам стать активными и ответственными гражданами, вносящими свой вклад в политическую и социальную жизнь своей страны.

Одним из ключевых способов вовлечения студентов в политическую активность является создание и поддержка студенческих «политических» организаций. Такие организации могли бы предоставить студентам возможность собираться, обсуждать и делиться своим мнением о политических событиях и повестке в целом, а также принимать активное участие в политической жизни страны. Благодаря таким организациям студенты могли бы выражать свои предпочтения и выработать стратегии влияния на принятие политических решений.

Также для вовлечения студентов в политику особенно эффективными могут быть политические дискуссии и форумы. Организация таких мероприятий позволяет студентам не только высказать свои взгляды и идеи, но и обсудить их с другими студентами, преподавателями и политическими деятелями. Политические дискуссии способствуют развитию аналитических навыков, критического мышления и способности аргументированно защищать свою точку зрения. Они также помогают формированию политической грамотности и общественно-политической активности.

Важную роль в вовлечении студентов в общественно-политическую жизнь играют сотрудники вузов. Преподаватели могут организовывать специальные курсы, уроки или семинары, посвященные политическим процессам и актуальным политическим вопросам. Такие мероприятия помогут студентам более глубоко понять политическую систему своей страны, а также осознанно принимать участие в политическом процессе. Преподаватели также могут быть менторами и направлять студентов в политические организации и на стажировки, чтобы они получили практический опыт и понимание политической работы. Образовательные программы должны включать в себя изучение политики и предполагать формирование политической грамотности. Также важно разрабатывать активные методы привлечения студентов к политическому процессу и обеспечить доступ к политической информации. Если молодые люди будут осознавать свою роль и значимость в политической сфере, их уклонение от политики может быть преодолено.

Заключение

Исследование позволило выявить, что обучающиеся вузов трепетно относятся к личной политической позиции, как своей, так и других людей, и поэтому не готовы публично высказывать и демонстрировать свою позицию.

Факторы, которые способствуют общественно-политическому уклонению студенчества, включают отсутствие понимания связи своих действий с политическими результатами, недоверие к политическим институтам, низкую информированность и низкий уровень политической грамотности, а также материальную нестабильность и экономические проблемы, отсутствие поддержки со стороны социального окружения. Как результат, молодые люди, зачастую, выбирают уклонение от политической деятельности и предпочитают заниматься своими личными делами, реализовываться в других сферах.

Было выявлено, что студенты часто испытывают разочарование в политике и общественных институтах и поэтому предпочитают уклоняться от общественно-политической активности. Однако вместо полного игнорирования политической сферы они предпочитают сосредоточиться на своей учебе, карьере, личном росте и развитии, а также нахождении альтернативных площадок для общения и развлечений. В то же время разнообразные виды уклонения от общественно-политической активности со стороны обучающихся отражают различные их мнения, интересы и ценности. В связи с этим

целесообразно развивать интерес к политике среди студентов, чтобы они могли осознанно вступать в диалог и принимать активное участие в поднятии важных общественных вопросов.

Таким образом, для преодоления проблемы уклонения студентов от общественно-политической активности необходимо предпринять ряд мер. В первую очередь в образовательные программы необходимо включить политические дисциплины и активно развивать курсы, направленные на формирование политической грамотности и активной гражданской позиции. Также необходимо работать над повышением престижа политической сферы и доверия к политикам. В связи с этим важно создать условия для мотивации и вовлечения студентов в участие в политических процессах, активно информировать их о предполагаемых ими возможностях и перспективах.

Только путем систематической работы над этой проблемой можно сделать политическую сферу более привлекательной и перспективной для студентов. Это, в свою очередь, поможет укрепить и обеспечить стабильное развитие общества в целом.

Вовлечение студентов в политическую сферу имеет огромное значение для их гражданского образования и активного участия в общественной жизни. Создание и поддержка студенческих политических организаций, организация политических дискуссий и форумов, а также поддержка со стороны преподавателей в этом процессе играют важную роль в развитии общественно-политической активности студентов, формировании их критического мышления и готовности принимать участие в политическом процессе. Политическое образование и опыт, полученные в учебных заведениях, помогают студентам стать активными и ответственными гражданами, способными вносить свой вклад в политическую и социальную жизнь своей страны.

Поступила в редакцию / Received: 04.10.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 26.11.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2024

Библиографический список

- Абрамов А.В., Рыбина М.В., Давыдова Н.П.* Абсентеисты как политическая страта современного российского общества // Известия МГТУ «МАМИ». М., 2013. Т. 6, № 1 (15). С. 31–36.
- Авцинова Г.И., Бурда М.А.* Молодежная политика современной России: абсентеизм и политический протест // Вопросы политологии. 2019. Т. 9, № 4 (44). С. 649–655.
- Акулинина А.М.* Молодежь как элемент человеческого капитала и стратегический ресурс развития современного российского общества: состояние, тенденции, перспективы // Региональная экономика: теория и практика. 2018. № 31. С. 8–14.
- Аринина К.И.* Абсентеизм в политике: причины и последствия // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, № 1. С. 214–220.

- Асеев С.Ю., Шашкова Я.Ю.* Роль институциональной среды в построении политических карьер молодых политических лидеров в регионах Юго-Западной Сибири // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2021. № 23 (1). С. 186–198. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-186-198>
- Беляев А.Ю., Тарасов Е.Н.* Тенденция абсентеизма в современном российском обществе // *Власть*. 2013. Т. 21, № 5. С. 43–45.
- Борисенко В.А.* Уклонение от ответа как коммуникативная стратегия респондента в политическом интервью // *Культура и цивилизация*. 2016. Т. 6, № 6А. С. 283–290.
- Буравлева Н.А.* Ценностные ориентации студентов // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2011. Вып. 6 (108). С. 124–129.
- Васюра В.В.* Основные виды политического участия и причины абсентеизма // *Альманах мировой науки*. 2016. № 5–3 (8). С. 46–48.
- Володенков С.В., Белоконев С.Ю., Сулова А.А.* Особенности структуры информационного потребления современной российской молодежи: на материалах исследования среди студентов-политологов Финансового университета // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2021. № 23 (1). С. 31–46. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-31-46>.
- Головин Д.А., Павельева Т.Ю.* Политическое сознание студенческой молодежи и особенности электорального поведения в молодежной среде города Москвы // *Социально-политические науки*. 2022. Т. 12, № 1. С. 45–55.
- Гречихин В.А.* Современная молодежная политика в России // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2021. № 5. С. 18–22. <http://doi.org/10.23672/g2393-1834-5732-w>
- Гришин Н.В.* «Теория подкрепления» и изучение влияния интернет-технологий на политическое участие современной молодежи // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2021. № 23 (1). С. 47–59. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-47-59>
- Кленова М.А.* Теоретические предпосылки исследования дискриминационных установок личности в изменяющемся обществе // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*. 2018. Т. 7, № 3. С. 245–249. <http://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-3-245-249>.
- Лаврикова А.А., Шумилова О.Е., Исаева А.Ю.* Стратегии поведения в конфликтных ситуациях: особенности отражения в дискурсе российских лидеров общественного мнения // *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*. 2016. № 1. С. 40–48.
- Липская Л.А.* Молодежь и политика: проблема повышения политической активности // *Социум и власть*. 2019. № 6. С. 27–32.
- Любцова А.В.* Ценностные ориентиры современной молодежи в контексте формирования просоциального поведения // *Российский психологический журнал*. 2020. Т. 17, № 4. С. 65–79. <http://doi.org/10.21702/rpj.2020.4.5>.
- Пилипенко А.Д.* Молодежные общественные объединения в социально-политических процессах современной России: на примере Краснодарского края // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2021. Т. 23, № 1. С. 172–185. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-172-185>
- Попова О.В.* Политическое поведение российской молодежи: Репертуар тактик и реальные действия // *Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения*. СПб., 2016. Вып. 1. С. 15–27.
- Русских Л.В., Сумина А.А.* Абсентеизм как модель политического поведения // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2018. Т. 18, № 4. С. 90–94. <http://doi.org/10.14529/ssh180412>.

- Северухина Д.Д. Политическое поведение и участие. Формы и факторы участия и неучастия в политике // Вестник Удмуртского Университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 1, № 1. С. 96–104.
- Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Общество. Коммуникация. Образование. 2020. Т. 11, № 3. С. 20–32.
- Сербин М.В. Проблемы повышения электоральной активности молодежи в условиях современной многопартийности в Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2011. № 29 (244). С. 14–16.
- Склярова Н.Ю., Бродовская Е.В. Ценности, установки и идентичность молодежи, получающей педагогическое образование в России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1. С. 105–131. <http://doi.org/10.24412/2071-6141-2023-1-105-131>.
- Старьши А.Р. Политический абсентеизм как форма политического участия // StudNet. 2022. Т. 5, № 6. С. 194.
- Ягодка Н.Н. Гражданские инициативы как инструмент диалога между властью и гражданским обществом в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2015. № 4. С. 128–140.

References

- Abramov, A.V., Rybina, M.V., & Davydova, N.P. (2013). Absenteeists as a political stratum of modern Russian society. *Izvestia of MGTU «MAMI»*, 6(1), 31–36 (In Russian).
- Avtsinova, G.I., & Burda, M.A. (2019). Youth policy of modern Russia: Absenteeism and political protest. *Political Science Issues*, 9(4), 649–655 (In Russian).
- Akulina, A.M. (2018). Youth as an element of human capital and a strategic resource for the development of modern Russian society: Status, trends, prospects. *Regional Economics: Theory and Practice*, 31, 8–14 (In Russian).
- Arinina, K.I. (2014). Absenteeism in politics: Causes and consequences. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 156(1), 214–220 (In Russian).
- Aseev, S.Yu., & Shashkova, Ya.Yu. (2021). The role of the institutional environment in building the political careers of young political leaders in the regions of Southwestern Siberia. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 186–198 (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-186-198>
- Belyaev, A.Yu., & Tarasov, E.N. (2013) The tendency of absenteeism in modern Russian society. *Vlast'*, 21(5), 43–45 (In Russian).
- Borisenko, V.A. (2016). Evasion as a respondent's communicative strategy in a political interview. *Culture and Civilization*, 6(6A), 283–290 (In Russian).
- Buravleva, N.A. (2011). Students' value orientations. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 6(108), 124–129 (In Russian).
- Vasyura, V.V. (2016). The main types of political participation and the causes of absenteeism. *Almanac of Modern Science and Education*, (5–3), 46–48. (In Russian).
- Volodenkov, S.V., Belokonev, S.Yu., & Suslova, A.A. (2021). How Russian youth consume information: Case study of the political science students of the Financial University. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 31–46. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-31-46> (In Russian).
- Golovin, D.A., & Pavelieva, T.Y. (2022). Political consciousness of student youth and peculiarities of electoral behavior in the youth environment of the city of Moscow. *Sociopolitical sciences*, 12(1), 45–55 (In Russian).

- Grechikhin, V.A. (2021). Modern youth policy in Russia. *Humanities, social-economic and social sciences*, 5, 18–22. (In Russian). <http://doi.org/10.23672/g2393-1834-5732-w>
- Grishin, N.V. (2021). «Theory of reinforcement» and the study of the influence of Internet technologies on the political participation of modern youth. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 47–59 (In Russian). <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-47-59>
- Klenova, M.A. (2018). Theoretical prerequisites for studying discriminatory attitudes of personality in a changing society. *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 7(3), 245–249. (In Russian). <http://doi.org/10.18500/2304-9790-2018-7-3-245-249>
- Lavrikova, A.A., Shumilova, O.E., & Isaeva, A.Y. (2016). Behaviour strategy in conflict situations: features of reflection in the discourse of the Russian leaders of public opinion. *Izvestiya Tula State University*, 1, 40–48 (In Russian).
- Lipskaya, L.A. (2019). Youth and politics: The problem of increasing political activity. *Society and power*, 6, 27–32 (In Russian).
- Lyubtsova, A.V. (2020). Value orientations of modern youth in the context of the formation of prosocial behavior. *Russian Psychological Journal*, 17(4), 65–79. <http://doi.org/10.21702/rpj.2020.4.5> (In Russian).
- Pilipenko, A.D. (2021). Youth public associations' political engagement in Russia: The case of Krasnodar Krai. *RUDN Journal of Political Science*, 23(1), 172–185. <http://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-1-172-185> (In Russian).
- Popova, O.V. (2016). Political behavior of Russian youth: A repertoire of tactics and real actions. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 1, 15–27 (In Russian).
- Russkikh, L.V., & Sumina, A.A. (2018). Absenteeism as a model of political behavior. *Bulletin of the South Ural State University. Social Sciences and the Humanities*, 18(4), 90–94. <http://doi.org/10.14529/ssh180412> (In Russian).
- Severukhina, D.D. (2017). Political behavior and participation. Forms and factors of participation and non-participation in politics. *Bulletin of Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 1(1), 96–104 (In Russian).
- Selezneva, A.V. (2020). Political values of the Russian youth: Socio-cultural features and identification potential. *Society. Communication. Education*, 11(3), 20–32. (In Russian). <http://doi.org/10.18721/JHSS.11302>
- Serbin, M.V. (2011). Problems of increasing the electoral activity of youth in the conditions of modern multiparty system in the Russian Federation. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law*, (29), 14–16 (In Russian).
- Sklyarova, N.Yu., & Brodovskaya E.V. (2023). Values, attitudes, and identity of young people receiving pedagogical education in Russia. *Izvestiya Tula State University. Humanitarian sciences*, (1), 105–131. <http://doi.org/10.24412/2071-6141-2023-1-105-131> (In Russian).
- Starysh, A.R. (2022). Political absenteeism as a form of political participation. *StudNet*, 5(6), 194. (In Russian).
- Yagodka, N.N. (2015). Civil initiatives as a tool of dialogue between the government and civil society in Russia. *RUDN Journal of Political Science*, (4), 128–140 (In Russian).

Сведения об авторах:

Соколов Александр Владимирович — доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (e-mail: a.a.froloff@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-7325-8374)

Фролов Александр Альбертович — кандидат политических наук, доцент кафедры социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (e-mail: a.a.froloff@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-8775-016X)

Бабаджанян Папик Артурович — стажер-исследователь, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (e-mail: babajanyanpapik@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-2828-5581)

About the authors:

Alexander V. Sokolov — Doctor of Political Sciences, Head of Socio-Political Theories Department, P.G. Demidov Yaroslavl State University (e-mail: a.a.froloff@gmail.com) (ORCID: 0000-0002-7325-8374)

Alexander A. Frolov — PhD Associate Professor of the Department of Socio-Political Theories, P.G. Demidov Yaroslavl State University (e-mail: a.a.froloff@gmail.com) (ORCID: 0000-0001-8775-016X)

Papik A. Babajanyan — research intern, P.G. Demidov Yaroslavl State University (e-mail: babajanyanpapik@yandex.ru) (ORCID: 0000-0003-2828-5581)

ЦЕННОСТИ В КОММУНИКАТИВНЫХ ПРОЦЕССАХ: СМЫСЛОВЫЕ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

VALUES IN COMMUNICATION PROCESSES: SEMANTIC AND TECHNOLOGICAL ASPECTS

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-406-424
EDN: LWSYCV

Научная статья / Research article

Риски, угрозы и вызовы внедрения искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов в современную систему социально-политических коммуникаций: по материалам экспертного исследования

С.В. Володенков ^{1,2}, С.Н. Федорченко^{1,2} , Н.М. Печенкин^{1,3}

¹ Государственный академический университет гуманитарных наук, Москва,
Российская Федерация

² Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация

³ Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

 s.v.cyber@gmail.com

Аннотация. В условиях глобальных технологических трансформаций и активного проникновения в цифровое пространство социально-политических коммуникаций технологий искусственного интеллекта и алгоритмов нейросетей сегодня формируется новый формат социально-политических взаимодействий, определяемый широким использованием в коммуникационных процессах «умных» инструментов и механик генерации и трансляции контента. В связи с этим формируется запрос на проведение научных исследований процессов влияния искусственного интеллекта и нейросетей на содержательные и функциональные параметры современных социально-политических коммуникационных взаимодействий. Целью исследования стало определение взаимосвязи между «умными» технологиями и трансформацией современного пространства социально-политических коммуникаций в аспекте формирования рисков, угроз и вызовов нового типа, связанных с внедрением в актуальную практику социально-политических коммуникаций цифровых решений, базирующихся на применении технологий искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов. В качестве основного исследовательского вопроса выступает проблематика степени

© Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

и характера влияния процессов внедрения технологий искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов в современное пространство социально-политических коммуникаций. Для достижения цели исследования и ответа на поставленный исследовательский вопрос авторами был применен метод дискурс-анализа научных источников по данной теме, а также проведено международное экспертное исследование, позволившее выявить ключевые экспертные позиции по теме исследования и на основе комплексирования полученных экспертных оценок определить основные риски, угрозы и вызовы социально-политического характера, формирующиеся в процессах современных цифровых коммуникаций. В качестве главного вывода работы выступает обоснованный и подтвержденный результатами исследования тезис о наличии широкого спектра социально-политических рисков, угроз и вызовов, связанных с внедрением в процессы современной цифровой коммуникации технологий искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов. Также проведен содержательный анализ данных рисков, угроз и вызовов нового типа, способных в значительной степени повлиять на характер, динамику и сценарии современного технологического развития ключевых сфер жизнедеятельности современного государства и общества.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросетевые алгоритмы, социально-политическая коммуникация, «умные» технологии, социально-политические риски, угрозы и вызовы

Благодарности: Исследование выполнено в рамках проекта «FZNF-2023-0011 — Искусственный интеллект и нейросетевые технологии как инструмент современных социально-политических коммуникаций: риски, угрозы и вызовы» при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Экспертного института социальных исследований.

Для цитирования: Володенков С.В., Федорченко С.Н., Печенкин Н.М. Риски, угрозы и вызовы внедрения искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов в современную систему социально-политических коммуникаций: по материалам экспертного исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 406–424. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-406-424>

Risks, Threats, and Challenges of Introducing Artificial Intelligence and Neural Network Algorithms into the Contemporary System of Socio-Political Communications: The Results of Expert Study

Sergey V. Volodenkov ^{1,2}, **Sergey N. Fedorchenko**^{1,2} ,
Nikolai M. Pechenkin^{1,3}

¹ *State Academic University for the Humanities, Moscow, Russian Federation*

² *Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation*

³ *Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

✉ s.v.cyber@gmail.com

Abstract. In the context of global technological transformations and active penetration of artificial intelligence technologies and neural network algorithms into the digital space of socio-political communications, a new format of socio-political interactions is being

formed today, defined by the widespread use of “smart” tools and mechanics of content generation and broadcasting in communication processes. In this regard, there is a demand for scientific research into the processes of the influence of artificial intelligence and neural networks on the content and functional parameters of modern socio-political communication interactions. The purpose of this study was to determine the relationship between “smart” technologies and the transformation of the contemporary space of socio-political communications in terms of the formation of risks, threats and challenges of a new type associated with the introduction of digital solutions based on the application of artificial intelligence technologies and neural network algorithms in the current practice of socio-political communications. The main research question is the extent and nature of the impact of the introduction of artificial intelligence technologies and neural network algorithms in the contemporary space of socio-political communications. To achieve the research goal and answer the research question, the authors applied the method of discourse analysis of scientific sources on the research topic, as well as conducted an international expert study, which allowed to identify key expert positions on the research topic and, based on the compilation of expert assessments, to identify the main risks, threats and challenges of socio-political nature formed in the processes of modern digital communications. The main conclusion of the paper is the thesis, substantiated and confirmed by the results of the research, that there is a wide range of socio-political risks, threats and challenges associated with the introduction of artificial intelligence technologies and neural network algorithms into the processes of contemporary digital communication. The paper provides a meaningful analysis of these risks, threats and challenges of a new type that can significantly affect the nature, dynamics and scenarios of the contemporary technological development of key spheres of life of the contemporary state and society.

Keywords: artificial intelligence, neural network algorithms, socio-political communication, smart technologies, socio-political risks, threats and challenges

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the project «FZNF-2023-0011 — Artificial intelligence and neural network technologies as a tool for modern socio-political communications: risks, threats and challenges» with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute of Social Research.

For citation: Volodenkov, S.V., Fedorchenko, S.N., & Pechenkin, N.M. (2024). Risks, threats, and challenges of introducing artificial intelligence and neural network algorithms into the contemporary system of socio-political communications: The results of expert study. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 406–424. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-406-424>

Введение

При определении ключевых направлений современного академического дискурса по выбранному проблемному полю мы можем выделить несколько важнейших тематик, которые встречаются в научных работах исследователей в сегменте социально-политических рисков внедрения технологий искусственного интеллекта (*далее — ИИ*). Так, в качестве одного из аспектов ученые выделяют автоматизацию, связанную с ИИ. Например, существует

осторожная оценка, касающаяся последовательных волн автоматизации и появления рисков в отдаленном будущем. В период первой волны, которая должна завершиться в середине 2020-х гг., автоматизация затронет финансовый и IT-сектора и области операций с открытыми данными. Вторая волна автоматизации (конец 2020-х гг.) будет предполагать приобретение новых когнитивных и физических возможностей у людей-операторов в сфере розничных продаж, доставки и хранения. Наконец, для третьей волны (середина 2030-х гг.) будет характерно возникновение автономных систем и переход принятия решений к ИИ [Вислова 2020]. В существующих работах также описываются признаки сценария будущего на основе цифрового мониторинга (биометрии, видеофиксации), установления стандартов посредством алгоритмов [Hildebrandt 2018].

Другие авторы также обращают внимание на отдаленные фундаментальные или экзистенциальные риски ИИ, опасные для самого существования человека как субъекта социальных отношений. Н.В. Пашкова подчеркивает, что смысл экзистенциального риска кроется не в физическом исчезновении всего человеческого, а в утрате человеком рефлексии, без которой он не сможет выстроить свое же пространство, воздействуя на общество творчеством, открытиями, интеллектуальной деятельностью. С таким риском связаны факторы высоких скоростей, стирания грани между вымышленным и реальным, влияния виртуальной среды на социализацию человека [Пашкова 2023], что может привести к кризису прежних идентичностей, зарождению специфических сообществ людей, существующих благодаря компьютерным технологиям и свободному обмену информацией [Соколов 2012].

При этом сегодня существует и значительный корпус работ, в которых анализируются не отдаленные риски, а те социальные проблемы цифрового общества, которые могут обостриться из-за внедрения технологий ИИ. Так, Э.В. Талапина пишет о рисках некачественных, небезопасных результатов, предвзятости; деградации существующих социальных связей; вторжения интеллектуальных систем в частную жизнь; отказа от автономии личности при использовании ИИ прогнозов и классификаций; непонимания человеком высокомерных корреляций, практикуемых в машинном обучении [Талапина 2021]. Схожие риски (распад социальных связей, непредсказуемость, сбои и ошибки интеллектуальных систем, ненадежные результаты, проблемы с ответственностью, конфиденциальностью информации и др.) анализирует И.Н. Романова, добавляя к этому перечню риски в военном плане, потерю суверенитета, потерю контроля над экономикой страны, манипулирование политическими системами [Романова 2021]. Правда, последнее замечание автор не поясняет.

Авторы, анализирующие кейсы создания персонализированной рекламы и психологических портретов Cambridge Analytica, предупреждают, что алгоритмы могут использоваться для усугубления поляризации мнений, политической предвзятости, создания манипулятивной, сфабрикованной информации, усиления эмоционального контента, подмены дискуссий, ставя тем самым саму

демократию под угрозу [Цвык, Цвык 2022; Nemitz 2018]. П. Немитц связывает риски ИИ с описываемым им феноменом digital power concentration (концентрации цифровой власти). Данный феномен Немитц фиксирует на основе четырех трендов, являющихся, по его мнению, источниками цифровой власти у цифровых корпоративных медиаигроков:

- а) накопление денег у этого типа корпораций, способных влиять на политику и общество;
- б) воздействие корпораций на инфраструктуру общественного дискурса;
- в) использование корпорациями персональной информации людей и технологий профилирования;
- г) доминирование корпораций в разработках в сфере ИИ [Nemitz 2018].

Об опасности политико-пропагандистского манипулирования свидетельствуют и анализируемые в научной литературе факты попыток перепрограммирования (Microsoft Tay, BabyQ, Xiao Bing) [Xu 2018]; сбора и использования поведенческих данных посредством машинного обучения; ориентации сообщений на восприимчивых граждан; усиления и установления повестки дня посредством политических ботов; обработки естественного языка для понимания настроений масс; использования фейков, созданных на базе ИИ [Horowitz 2018]. При этом современные исследователи часто четко не отделяют риски формирования социума круглосуточной слежки, сбора данных о гражданской активности от угроз возникновения новых практик управления массовым сознанием [Ulbricht 2020].

Также существует мнение, что ИИ может усилить существующие проблемы в правовой области, сосредоточив внимание специалистов на юридическом формализме в ущерб содержательной стороне права. Сочувствие, сопереживание и творчество, чрезвычайно важные в юридическом процессе, редуцируются и теряют свою силу. Из-за того что у ИИ нет эмоций, страха, может происходить дегуманизация права [Овчинников 2020]. В свою очередь Д.С. Жуков напоминает, что население России и западных стран уже существует в среде, которая перенасыщена рейтинговыми системами. Это актуализирует риски ускользания рейтинговых систем, использующих принципы ИИ, от публичного контроля. Вместе с тем, условно обозначая «приложения ИИ в политической сфере» как «политический искусственный интеллект», Жуков подчеркивает, что его создание не обязательно связано только с угрозами. Напротив, игнорирование создания политического ИИ ставит вопрос о выживании политической системы страны [Жуков 2020].

Цифровой суверенитет в эпоху активного внедрения интеллектуальных систем действительно также является важным вызовом для государства, его политической системы и политического режима. Неслучайно современные государства начинают выбирать стратегии противостояния тотальному вмешательству цифровых техногигантов в свою внутреннюю и внешнюю политику, в том числе создавая национальные цифровые государственные экосистемы [Гавриленко 2023]. Тем более, что интеллектуальные машины, создаваемые цифровыми корпорациями, не только анализируют цифровые следы человека,

но и способны подталкивать его к принятию нужного интересантам решения, используя разработки в области поведенческих реакций.

Также встречаются исследования [Kubler 2017], переосмысливающие работу Дж. Чейни-Липпольда «Новая алгоритмическая идентичность» (2011 г.) и труд Д. Маккуиллана «Алгоритмическое чрезвычайное положение» (2015 г.). Здесь применение современных алгоритмов рассматривается как вызов онтологическим моделям традиционных государственных субъектов. Такие системы могут создаваться как в качестве цифрового продолжения жестких форм государственной власти, так и для применения более мягких технологий наблюдения или биополитики.

Таким образом, мы можем констатировать формирование в последние годы научного дискурса на фоне разворачивающихся процессов интенсивного развития технологий ИИ, в рамках которого фиксируются потенциальные социально-политические угрозы, риски и вызовы ключевым сферам жизнедеятельности современных государств и обществ, которые требуют их определения, глубокого рассмотрения и анализа современными специалистами и учеными в области политических наук.

Обращение авторов статьи к экспертной проверке позволило дать свой ответ на поставленный в работе исследовательский вопрос о характере и степени влияния процессов внедрения технологий ИИ и нейросетевых алгоритмов на современное пространство социально-политических коммуникаций, определив при этом актуальные угрозы, вызовы и риски, связанные с данными процессами.

Методология исследования

В настоящей работе в качестве основного исследовательского вопроса выступает проблематика характера и степени влияния процессов внедрения технологий ИИ и нейросетевых алгоритмов в современное пространство социально-политических коммуникаций.

В целях определения аргументированного ответа на поставленный исследовательский вопрос авторами работы был применен метод дискурс-анализа научных источников по теме исследования.

Для более глубокого понимания основных линий напряжения, связанных с обозначенной проблематикой, авторами настоящей работы в сентябре-ноябре 2023 г. было проведено экспертное исследование «Искусственный интеллект и нейросетевые технологии как инструмент современных социально-политических коммуникаций: риски, угрозы и вызовы», в рамках которого приняли участие 28 экспертов из России, Белоруссии, Сербии, Казахстана, США, Кыргызстана и Узбекистана.

Комплексирующие полученные в ходе исследования ответы позволило оценить степень и характер влияния ИИ и нейросетевых алгоритмов на современные социально-политические коммуникации, а также определить ключевые риски, угрозы и вызовы для современного государства и общества, связанные с применением ИИ и нейросетевых технологий.

Результаты экспертного исследования

Оценка степени и характера влияния
искусственного интеллекта и нейросетевых технологий
на процессы современных социально-политических коммуникаций

В целом эксперты весьма высоко оценили степени влияния ИИ и нейросетевых технологий на дизайн и содержание процессов современных социально-политических коммуникаций.

На рис. 1 можно увидеть распределение экспертных баллов по данному вопросу, средний уровень оценки степени влияния — 7 баллов.

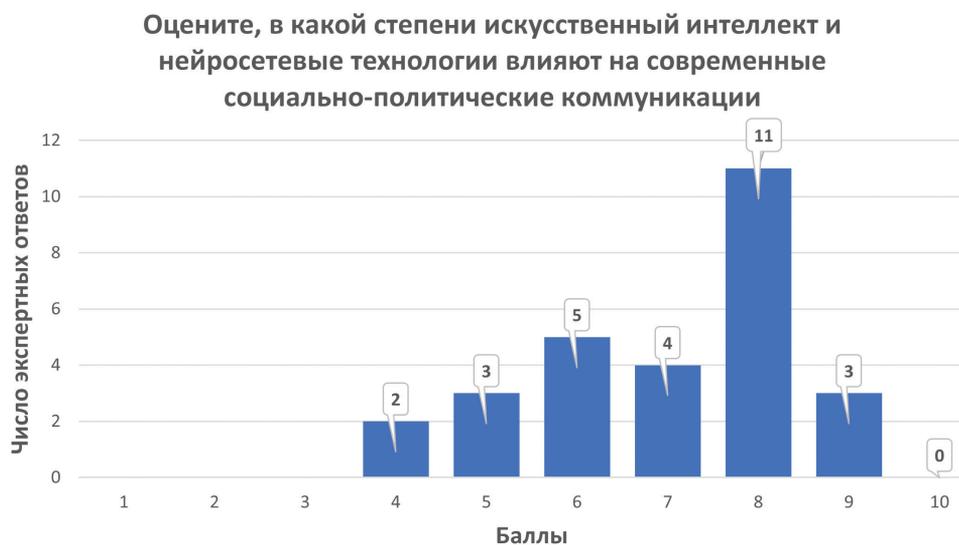

Рис. 1. Оценка степени влияния искусственного интеллекта и нейросетевых технологий на современные социально-политические коммуникации (количественная оценка от 1 до 10 баллов: 1 — абсолютное отсутствие влияния, 10 — максимальное влияние)

Источник: составлено авторами.

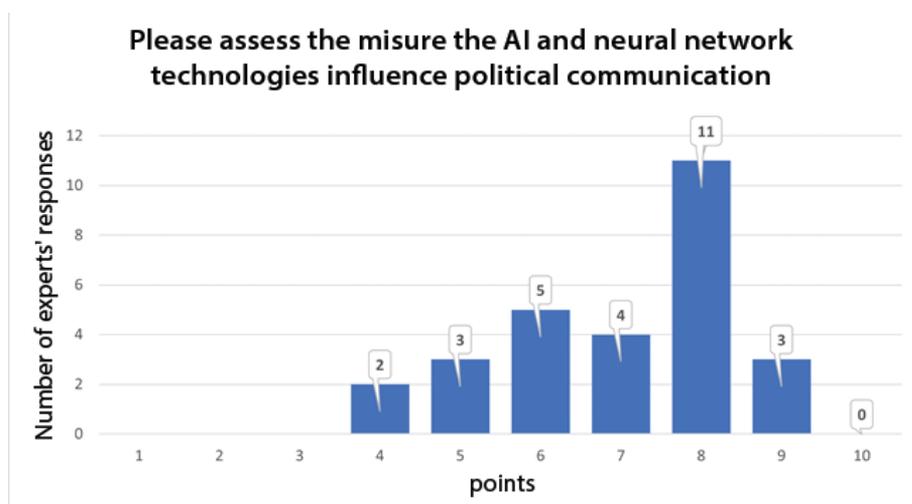

Figure 1. Assessing the degree of influence of artificial intelligence and neural network technologies on contemporary socio-political communications (quantitative score from 1 to 10 points: 1 — no effect at all, 10 — maximum influence)

Source: compiled by the authors.

Одновременно с этим, помимо количественной оценки, в рамках исследования экспертам было предложено содержательно оценить влияние искусственного интеллекта и нейросетевых технологий на современные социально-политические коммуникации. На рис. 2 представлено распределение качественных экспертных оценок такого влияния. Примечательно, что никто из опрошенных экспертов не отметил однозначно положительное влияние «умных» технологий на пространство социально-политических коммуникаций. Преимущественно участники исследования отмечали скорее отрицательный и однозначно отрицательный характер влияния.

Рис. 2. Оценка характера влияния искусственного интеллекта и нейросетевых технологии на современные социально-политические коммуникации

Источник: составлено авторами.

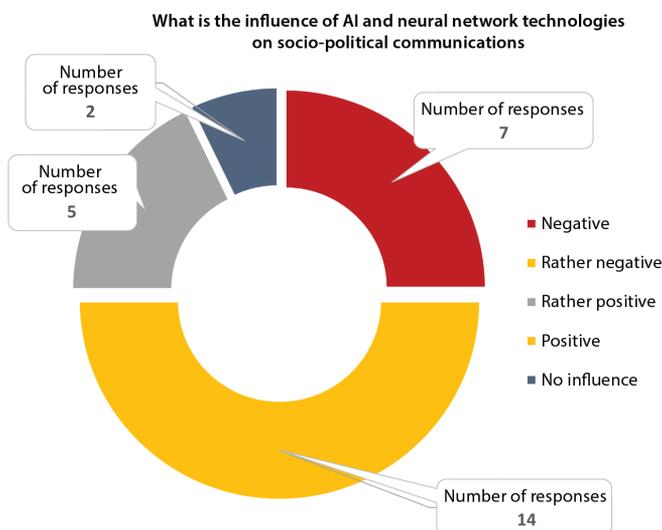

Figure 1. Assessing the nature of the influence of artificial intelligence and neural network technologies on contemporary socio-political communications

Source: compiled by the authors.

Содержательные аспекты влияния искусственного интеллекта и нейросетевых технологий на процессы современных социально-политических коммуникаций

Как отмечает большинство участников исследования, являясь лишь инструментами, в настоящее время по-прежнему используемыми и контролируруемыми человеком, ИИ и нейросетевые алгоритмы сами по себе не обладают конструктивным или деструктивным потенциалом (по крайней мере, до тех пор, пока не будет создан и внедрен сильный ИИ (ASI)). В связи с этим на сегодняшний день более уместно говорить о конструктивных и деструктивных потенциалах, связанных с *применением людьми* соответствующих технологических инструментов. При этом эксперты отметили в своих ответах, что на данный момент деструктивный потенциал «умных» технологий и алгоритмов в социально-политической сфере во многом превосходит выгоды от их использования, и для изменения ситуации необходимо проактивное формирование комплекса взвешенных политических решений, направленных на противодействие негативно-му влиянию ИИ и нейросетей в ключевых сферах жизнедеятельности современного государства и общества при сохранении конструктивного потенциала.

В целом по итогам комплексирования ответов участников исследования мы можем выделить ключевые направления, в рамках которых ИИ и нейросетевые алгоритмы могут влиять на современные социально-политические коммуникации, формируя соответствующие риски, угрозы и вызовы современному государству и обществу.

1. Автоматизированный анализ Big Data и утрата приватности. ИИ позволяет оперативно обрабатывать и анализировать большие объемы данных, в том числе оставляемые пользователями в процессах их цифровой активности многообразные персональные данные и «цифровые следы». Это помогает политическим акторам адаптировать свои коммуникационные стратегии и агитационно-пропагандистский контент под ожидания, убеждения, представления целевых аудиторий, позволяя вырабатывать персонализированные политики по отношению к значительному множеству отдельных людей и их групп. Кроме того, данный инструментальный потенциал работы с Big Data делает ИИ пригодным для выявления специфики мышления представителей целевых аудиторий, а также мониторинга и прогнозирования политического поведения как на массовом, так и на групповом и индивидуальном уровнях. Такой мониторинговый и прогностический потенциал значительным образом повышает эффективность деятельности заинтересованных акторов по достижению своих политических целей на основе получаемой аналитической информации. Как отметил один из экспертов, «виртуализация и имитация социально-политической коммуникации „сжимается“ до майнинга социальных данных, построения на их основе прогнозных продуктов и принятия алгоритмических решений». Неслучайно многие работы современных ученых посвящены именно данной проблематике. Особо отметим в этой связи концепцию капитализма слежения (надзорного капитализма), разработанную Ш. Зубофф [Зубофф 2022], в которой указывается, что бенефициары, стоящие за процессами сбора, обработки, хранения и использования

цифровых массивов больших данных знают о гражданах больше, чем граждане сами о себе. В подобной ситуации использование автоматизированных алгоритмов обработки Big Data на основе технологий ИИ лишь усугубляет проблему, позволяя в автоматическом режиме осуществлять сбор, обработку, анализ и использование персональной информации в интересах владельцев таких алгоритмов, которыми могут, помимо государств, технологических компаний, политических сил, выступать террористические, радикальные и экстремистские организации.

2. Персонализация контента и формирующее воздействие на массовое сознание. Как уже было показано выше, нейросетевые алгоритмы на основе анализа цифровых следов пользователей обладают потенциалом персонализации и адаптации социально-политического контента к групповым либо индивидуальным предпочтениям и потребностям граждан. Это значительным образом повышает эффективность информационно-коммуникационного воздействия, позволяя оптимизировать коммуникационные стратегии и тактики политических проектов. В результате, по мнению экспертов, уже в ближайшей перспективе мы можем стать свидетелями перехода от таргетинга однородных социально-демографических групп к персонификации политики политических субъектов применительно к каждому конкретному человеку или группе граждан. Причем такая персонификация может осуществляться в автоматическом режиме, в рамках которого алгоритмы социальных медиа и поисковых систем, работающие на основе ИИ, самостоятельно определяют, какой контент должен отображаться для каждого пользователя в его новостной ленте или результатах поисковой выдачи. Это существенным образом может повлиять на то, какую информацию аудитория получает, а какой контент остается недоступным и «невидимым» для нее.

В целом формирующее воздействие «умных» технологий определяется, по мнению участников исследования, тем, что алгоритмы ИИ и нейросетевые алгоритмы в автоматическом режиме могут при помощи генерации, фильтрации и трансляции социально-политического контента задавать оценки социально-политических фактов, событий, процессов, явлений, политиков, создавая определенным образом нагруженные и ценностно окрашенные образы, манипулируя поисковой выдачей, участвуя в реализации задач внешнего информационного давления, в том числе на избирательные системы, мобилизуя массовые протестные настроения, устанавливая «правильные» социально-политические ориентиры в политике.

К числу рисков следует отнести и редукцию сложности мировоззренческих и ценностно-смысловых систем граждан, деградацию коммуникативных навыков и компетенций общественно-политического взаимодействия. В условиях фильтрации цифровых информационных потоков, алгоритмического создания пузырей фильтров и ограничения видимости контента обычный человек оказывается, по сути, информационно капсулированным, лишенным альтернативных точек зрения, иных мнений, потребляя лишь доминирующий в искусственно созданной информационной повестке контент, пользуясь для оценки

социально-политической реальности заранее сгенерированными простыми объяснительными моделями, максимально адаптированными к субъективным особенностям реципиента, специфике его убеждений, ценностей, представлений. В качестве примера можно привести чат-бот Google Bard с ИИ, который на момент написания статьи не давал никаких ответов пользователям о текущей ситуации в Израиле и секторе Газа, полностью блокируя информацию о ситуации¹. По сути, в цифровом пространстве все в большей мере внедряется автоматизированное управление информационной повесткой, в рамках которой формируется необходимый общественно-политический дискурс, а также осуществляется навязывание «выгодных» смыслов, проблем, ценностей социально-политического характера, а следовательно, и соответствующих поведенческих моделей.

При этом особое внимание в условиях обострения геополитических угроз в современном мире обращают на себя возможности внешнего экстерриториального информационно-коммуникационного воздействия на политическое сознание граждан стран-мишеней со стороны технологически развитых противников. Как отметил в этой связи Президент России В.В. Путин, «западные поисковые системы, как и некоторые генеративные модели, работают зачастую весьма избирательно, ангажированно, не учитывают, а порой — просто игнорируют и „отменяют“ российскую культуру»².

3. Дезинформация, fake-news и автоматизированная вычислительная пропаганда. Значительное число экспертов, принявших участие в исследовании, указали на такой риск, как использование технологий ИИ и нейросетевых алгоритмов для манипулирования мнением рядовых потребителей цифрового контента. На данный момент анализ актуальной практики применения нейросетевых алгоритмов в процессах генерации социально-политического контента демонстрирует способность создания фейковых текстов, фотоизображений, аудио- и видеозаписей, дискредитирующих политических оппонентов. Такой контент имеет значительный потенциал своего применения в кампаниях по дезинформации целевых аудиторий. Как в связи с этим отмечает глава OpenAI Сэм Альтман, «я ожидаю, что ИИ будет способен к сверхчеловеческому убеждению задолго до того, как он превзойдет человека в базовых интеллектуальных способностях»³. По мнению участников исследования, «умные» технологии способны значительным образом исказить социально-политическую реальность, наполняя пространство социально-политических коммуникаций сфабрикованным содержанием и формируя управляемый общественно-политический дискурс. То есть речь идет о широких возможностях автоматизированного деструктивного воздействия на социум и его дезориентации, формирования управляемых

¹ Google Bard AI appears to be censoring Israel-Palestine prompt responses. URL: <https://venturebeat.com/ai/google-bard-ai-appears-to-be-censoring-israel-palestine-prompt-responses/> (accessed: 26.11.2023).

² Путин заявил, что часть западных поисковых систем работают ангажированно. URL: <https://tass.ru/politika/19372929> (дата обращения: 26.11.2023).

³ ChatGPT chief warns of some 'superhuman' skills AI could develop. URL: <https://www.foxnews.com/us/chatgpt-chief-warns-superhuman-skills-ai-develop> (accessed: 24.11.2023).

политических коннотаций и общественных запросов, манипулирования общественным мнением при помощи «умных» технологий.

И здесь особое внимание эксперты уделяют вопросам использования технологий автоматизированной вычислительной пропаганды в современной практике социально-политических коммуникаций, отмечая при этом, что реалистичные аккаунты цифровых актантов в пространстве социальных медиа, репрезентирующие вымышленных или реальных людей, способные к автоматической генерации и трансляции таргетированного контента на основе предварительного анализа цифровых следов пользователей, могут быть применены в широких масштабах в процессах цифровых коммуникаций, подменяя собой реальных пользователей, обеспечивая продвижение необходимого контента в сознание целевых аудиторий манипулятивно-пропагандистского воздействия.

При этом, получая в виде цифровых следов информацию о реакциях пользователей на полученный контент, цифровой алгоритм позволяет (в том числе в автоматическом режиме) на основе анализа пользовательских реакций уточнять, дополнять, трансформировать контент для следующей коммуникационной итерации (и так необходимое число раз), тем самым постоянно увеличивая эффективность информационно-коммуникационного воздействия на целевые аудитории. В результате формируется потенциал реализации такого сценария, в рамках которого манипулятивно-пропагандистский фейк-контент будет доминировать в цифровом пространстве социально-политических коммуникаций как за счет широкого использования маскирующихся под реальных пользователей цифровых актантов, осуществляющих масштабную трансляцию таргетированного фейк-контента на цифровых площадках, так и за счет постоянной подстройки такого контента к особенностям целевых аудиторий на основе алгоритмического использования обратной связи с пользователями в виде их цифровых следов.

4. Транснациональные компании как политические акторы. По мнению участников исследования, контроль над значительным числом общественно значимых цифровых платформ позволяет корпорациям встраиваться в качестве «супер-модератора» в социальные и политические отношения для реализации корпоративных коммерческих, культурных и политических стратегий. Усугубляет ситуацию разработка и использование техногигантами собственных инструментов ИИ и нейросетей. По сути, сегодня сформировалась ситуация, в которой владельцы крупных цифровых платформ в большинстве случаев являются также и владельцами «умных» решений, разрабатываемых ими. Так, компания Google разработала чат-бот с ИИ Bard и нейросеть PaLM2, корпорация Microsoft интегрировала в свои продукты нейросеть Bing (поисковик Bing) и помощника на базе ИИ Copilot (Windows), а также является крупнейшим инвестором Open AI — разработчика нейросети GPT-4 и чат-бота ChatGPT. Нейросеть Meta AI также выступает примером концентрации в руках техногигантов не только цифровых коммуникационных площадок, но и «умных» технологий, которые могут быть использованы в процессах поиска и потребления

информации, а также коммуникационных взаимодействий пользователей в пространстве социальных медиа.

Кроме того, потенциальные возможности применения политического ИИ Интернет-корпорациями для персонификации манипулятивных воздействий (от рекламных до политических) могут привести к существенному повышению эффективности нелегального и нелегитимного вмешательства корпораций в политические процессы, формирование коллективной и персональной идентичности, трансформацию исторической памяти, формирование образов цифрового будущего. И если общество, организованное в государство, прямо или косвенно (хотя и не всегда в должной мере) посредством государственной машины контролирует наиболее важные аспекты своего существования — такие как применение силы, защита от врагов, обязательность сделок и т.д., то, если сохранятся современные темпы ускоренного развития корпоративного политического ИИ, многие экзистенциальные функции социального управления и самоорганизации могут перейти от государства к Интернет-корпорациям, а население стран может оказаться отсеченным от традиционных источников информации, контролируемых государством. При этом, как отмечают участники исследования, каким бы ни было государство, корпоративное правление всегда будет неизмеримо хуже, так как корпорации неизбежны, непрозрачны, преследуют частные интересы, находятся преимущественно в юрисдикции США и не разделяют традиционные ценности, присущие современным обществам. Неслучайно, выступая на пленарном заседании конференции AI Journey, Президент России В.В. Путин особо подчеркнул, что «монопольное доминирование подобных чужих разработок в России неприемлемо, опасно и недопустимо»⁴.

5. Теневизация процессов алгоритмического управления. Тесно связана с предыдущей и такая проблема, как непрозрачность процессов функционирования алгоритмов ИИ и нейросетей, используемых в процессах принятия решений в социально-политической сфере. Говоря об активной алгоритмизации сферы социально-политического управления, следует отметить, что еще в 2006 г. А. Аниш сформулировал концепцию алгократии как власти, основанной и реализуемой на основе автоматизированного использования алгоритмов [Aneesh, 2006].

По мнению участников исследования, сегодня разворачиваются противоречивые и скрытые от социального наблюдения и контроля процессы, связанные с трансформацией смысловых и системообразующих элементов нового властного господства. По сути, современные общества сталкиваются с новой теневой формой принятия и реализации управленческих решений на базе ИИ, системой форм и методов властного господства, распределения ресурсов (энергетических, экономических, силовых и т.д.) и формирования структуры публичных и частных потребностей, прозрачность и объяснимость которых имеют недостаточный уровень. В связи с этим в своем выступлении Президент России В.В. Путин

⁴ Путин назвал опасной и недопустимой монополию западных платформ в сфере ИИ в РФ. URL: <https://tass.ru/politika/19372977> (дата обращения: 26.11.2023).

отметил, что «нужно обязательно использовать российские решения в сфере создания *надежных, прозрачных и безопасных для человека систем искусственного интеллекта*»⁵.

Невозможность спрогнозировать действия ИИ как самостоятельного субъекта принятия решений и действий, отсутствие ясности в алгоритмической логике нейросетей приводят к тенизации процессов алгоритмического управления на основе «умных» технологий, непрозрачности конечных бенефициаров подобных управленческих процессов. Как отмечают эксперты, не вполне понятно, насколько полезными и эффективными для общества будут действия ИИ в социально-политической сфере. Например, широко известная потенциальная предвзятость и ценностная окрашенность алгоритмов может с высокой степенью вероятности приводить к несправедливому с точки зрения общественности принятию решений. Как, например, показал опыт анализа чат-бота ChatGPT, нейросеть имеет политическую предвзятость. Так, широкомасштабное исследование, проведенное Университетом Восточной Англии (Великобритания), показало, что ChatGPT явно симпатизирует левым партиям Великобритании, США и Бразилии⁶. В свою очередь, ученые из Корнеллского университета по итогам своего исследования определили, что ChatGPT имеет собственные политические воззрения и, например, в 2021 г. нейросеть проголосовала бы за «зеленых» в Германии и Голландии. ChatGPT также предложила ввести узаконенное право на аборт по всему миру⁷. При этом нейросети и ИИ могут значительно усиливать существующие социальные неравенства и предвзятость в случаях, когда данные, на которых они обучаются, также уже содержат искажения или предвзятости. Кроме того, как отметил один из участников исследования, «если результаты решения ИИ будут восприниматься без должной степени критического осмысления, то появится еще один способ „продавливания“ слабых и малообоснованных решений в авторитарных государствах». В свою очередь, другой эксперт отметил, что «результатом несбалансированного применения систем принятия решений на базе ИИ может стать рост числа ошибок и в конечном итоге либо нерациональное распределение ресурсов, либо, в худшем случае, угроза жизни и безопасности населения». Таким образом, чрезмерное злоупотребление «умными» алгоритмами при принятии решений способно самым негативным образом повлиять на процессы социально-политического развития в современных государствах.

⁵ Путин назвал опасной и недопустимой монополию западных платформ в сфере ИИ в РФ. URL: <https://tass.ru/politika/19372977> (дата обращения: 26.11.2023).

⁶ ChatGPT DOES have a left-wing bias: Scientists confirm the AI bot's responses favour the Democrats in the US and the Labour Party in the UK. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-12413139/ChatGPT-DOES-left-wing-bias-Scientists-confirm-AI-bots-responses-favour-Democrats-Labour-Party-UK.html> (accessed: 26.11.2023).

⁷ Генеративная постправда: искусственный интеллект направлен против России. URL: <https://topwar.ru/214617-generativnaja-postpravda-iskusstvennyj-intellekt-napravlen-protiv-rossii.html> (дата обращения: 26.11.2023).

6. Формирование режимов цифровых автократий. Применение нейросетевых алгоритмов и технологий ИИ расширяет инструментарий государств в области контроля над населением. По мнению ряда участников исследования, в настоящее время «умные» технологии могут активно использоваться автократическими политическими режимами в своих стратегических интересах. При этом формирование режимов цифровой автократии может быть вынужденным. Очевидно, что государству в условиях стремительных технологических трансформаций приходится прилагать серьезные усилия не только в сфере публичного управления, но и в сфере формирования социально-политических представлений, которая является высококонкурентной в силу наличия значительного числа политических акторов нового типа (цифровые корпорации, международные террористические организации и т.д.), способных создавать как внутреннюю, так и внешнюю экстерриториальную конкуренцию государству, подрывая его традиционно монопольное право на генерацию и трансляцию ценностей, идей и смыслов в собственных границах.

В таких обстоятельствах государства вынуждены подавлять конкурентные попытки внедрения в сознание населения альтернативных объяснительных моделей реальности, мировоззренческих компонент, ценностей и смыслов, способных разрушить либо трансформировать национальные общественно-политические системы в интересах альтернативных акторов. И такое подавление конкуренции может иметь негативный характер, выражаясь в виде построения режимов цифровой автократии, направленных на защиту собственного пространства и населения от технологических угроз в информационно-коммуникационном пространстве. В связи с этим актуализируется проблема соблюдения баланса между обеспечением безопасности государства и сохранением общественно-политических прав и свобод граждан.

В случае смещения баланса в сторону обеспечения безопасности государства возникает ситуация, в которой под предлогом защиты государственно-технократические элиты способны обеспечить полный контроль над информационно-коммуникационными потоками, элиминацию социально-политических площадок, каналов и акторов, продвигающих альтернативные идеи и смыслы. И цифровые актанты в таких обстоятельствах могут выступать автономными агентами влияния, обеспечивающими в интересах цифровой автократии монопольную генерацию и трансляцию единственно допустимого контента. Более того, на основе анализа цифровых следов граждан возможно осуществление автоматизированного контроля не только за их политическим поведением, но и за их образом мыслей, политическими настроениями, что позволяет выявлять неугодных и неблагоденствующих граждан, представляющих угрозу для стабильного функционирования цифровой автократии, с последующим включением санкционного аппарата.

При этом в условиях глобальной цифровизации ключевых сфер функционирования государства и общества применяемые санкции не обязательно могут носить характер физического принуждения. Системы ИИ способны

в автоматическом режиме применять по отношению к гражданам санкции, основанные на цифровой депривации личности. Тотальное блокирование цифровых активов и счетов, пропусков, аккаунтов, каналов личной коммуникации и доступа к любой информации позволяет обеспечить «цифровую смерть» человека без необходимости его физического устранения в цифровом обществе.

Заключение

По итогам проведенного исследования мы можем сделать несколько ключевых выводов. В первую очередь, на основе комплексирования полученных в ходе экспертного опроса оценок следует констатировать значительную степень влияния ИИ и нейросетевых технологий на современные социально-политические коммуникации. При этом на данный момент, согласно мнению подавляющего большинства экспертов, риски, угрозы и вызовы в социально-политической сфере в существенной мере превышают конструктивный потенциал, связанный с внедрением в нее «умных» технологий, что требует комплексной и заблаговременной разработки превентивных механизмов упреждения негативных последствий применения технологий ИИ и нейросетевых алгоритмов в социально-политической сфере.

Кластеризация экспертных мнений участников исследования позволила определить ключевые социально-политические риски, угрозы и вызовы, к числу которых следует отнести автоматизированный сбор и алгоритмический анализ Big Data, приводящие к рискам утраты приватности личности; персонализацию контента и связанный с ней потенциал алгоритмизированного формирующего воздействия на массовое сознание в автоматическом режиме со стороны нейросетевых комплексов и систем, базирующихся на технологиях ИИ; автоматизированную вычислительную пропаганду, осуществляемую при помощи «умных» цифровых актантов, и связанный с ней потенциал проведения манипулятивно-пропагандистских кампаний и реализации социально-политических проектов по дезинформации и искажению реальности, направленных на различные целевые аудитории информационно-коммуникационного воздействия; формирование нового типа политических акторов в лице транснациональных технологических кампаний, обладающих собственными технологическими ресурсами (системами ИИ и нейросетевыми решениями) и способных составить конкуренцию традиционным государствам в социально-политической сфере в процессах реализации своих интересов; тневизацию процессов алгоритмического управления, характеризующуюся предвзятостью, непрозрачностью и отсутствием ясности в алгоритмической логике нейросетей и ИИ, осуществляющих принятие решений в социально-политической сфере; риски формирования режимов цифровых автократий, основанных на автоматизированном слежении и контроле со стороны государства социально-политического пространства коммуникаций при помощи технологий ИИ и нейросетевых алгоритмов.

Приведенный спектр рисков, угроз и вызовов в социально-политической сфере, безусловно, не является исчерпывающим и лишь демонстрирует основные опасения экспертов применительно к процессам внедрения технологий ИИ и нейросетевых алгоритмов в актуальную практику социально-политических коммуникаций. Тем не менее полученный нами результат позволяет говорить о высокой значимости многостороннего и комплексного изучения специалистами и учеными в области политических наук потенциалов применения «умных» технологий в условиях стремительной цифровизации современного государства и общества.

Поступила в редакцию / Received: 14.11.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 20.12.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2024

Библиографический список

- Вислова А.Д.* Современные тенденции развития искусственного интеллекта // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2020. №2 (94). С. 14–30. <http://doi.org/10.35330/1991-6639-2020-2-94-14-30>
- Гавриленко О.В.* Социальные технологии в эпоху «надзорного капитализма»: цифровизация и власть алгоритмов // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2023. Т. 29, № 3. С. 145–165. <http://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-3-145-165>
- Жуков Д.С.* Искусственный интеллект для общественно-государственного организма: будущее уже стартовало в Китае // Журнал политических исследований. 2020. Т. 4, № 2. С. 70–79. <http://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-4-2-70-79>
- Зубофф Ш.* Эпоха надзорного капитализма: битва за человеческое будущее на новых рубежах власти. М.: Издательство Института Гайдара, 2022. 784 с.
- Овчинников А.И.* Безопасность личности и государства в цифровую эпоху: политико-правовой аспект // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 5–21. <http://doi.org/10.12737/jrl.2020.064>
- Пашкова Н.В.* Искусственный интеллект как источник «экзистенциального риска»: проблема самоидентификации общества и личности в условиях глобального виртуального пространства // Alma Mater (Вестник высшей школы). 2023. № 8. С. 33–35. <http://doi.org/10.20339/AM.08-23.033>
- Романова И.Н.* Внедрение технологий искусственного интеллекта: анализ вероятных рисков и возможных угроз // Материалы Ивановских чтений. 2021. № 4 (35). С. 15–18.
- Соколов Ю.И.* Глобальные социальные риски высоких технологий XXI века // Проблемы анализа риска. 2012. Т. 9, № 6. С. 4–29
- Талапина Э.В.* Использование искусственного интеллекта в государственном управлении // Информационное общество. 2021. № 3. С. 16–22. http://doi.org/10.52605/16059921_2021_03_16
- Цвык В.А., Цвык И.В.* Социальные проблемы развития и применения искусственного интеллекта // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 1. С. 58–69. <http://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-1-58-69>
- Aneesh A.* *Virtual Migration: The Programming of Globalization.* Duke University Press, 2006. 208 p.
- Hildebrandt M.* Algorithmic regulation and the rule of law // *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences.* 2018. Vol. 376, no. 2128. 20170355. <http://doi.org/10.1098/rsta.2017.0355>

- Horowitz M.C., et al. Artificial intelligence and international security. Washington: Center for a New American Security (CNAS). 2018. URL: <https://www.cnas.org/publications/reports/artificial-intelligence-and-international-security> (accessed: 26.11.2023).
- Kubler K. State of urgency: Surveillance, power, and algorithms in France's state of emergency // *Big Data & Society*. 2017. <http://doi.org/10.1177/2053951717736338>. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2053951717736338> (accessed: 26.11.2023).
- Nemitz P. Constitutional democracy and technology in the age of artificial intelligence // *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*. 2018. Vol. 376, no. 2133. P. 20180089. <http://doi.org/10.1098/rsta.2018.0089>
- Ulbricht L. Scraping the demos. Digitalization, web scraping and the democratic project // *Democratization*. 2020. Vol. 27. Iss. 3. P. 426–442. <http://doi.org/10.1080/13510347.2020.1714595>
- Xu Y. Programmatic Dreams: Technographic Inquiry into Censorship of Chinese Chatbots // *Social Media + Society*. 2018. Vol. 4, no. 4. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305118808780> (accessed: 26.11.2023).

References

- Aneesh, A. (2006). *Virtual Migration: The Programming of Globalization*. Durham: Duke University Press.
- Gavrilenko, O.V. (2023). Social technologies in the era of “surveillance capitalism”: Digitalization and the power of algorithms. *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science*, 29(3), 145–165. (In Russian). <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-3-145-165>
- Hildebrandt, M. (2018). Algorithmic regulation and the rule of law. *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*, 376(2128): 20170355. <https://doi.org/10.1098/rsta.2017.0355>
- Horowitz, M.C., et al. (2018). *Artificial intelligence and international security*. Washington: Center for a New American Security (CNAS).
- Kubler, K., (2017). State of urgency: Surveillance power and algorithms in France's state of emergency. *Big Data & Society*. Retrieved November, 26, 2023 from <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/2053951717736338>. <https://doi.org/10.1177/2053951717736338>
- Nemitz, P. (2018). Constitutional democracy and technology in the age of artificial intelligence. *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*, 376(2133): 20180089. <https://doi.org/10.1098/rsta.2018.0089>
- Ovchinnikov, A.I. (2020). Security of the individual and the state in the digital era: Political and legal aspect. *Journal of Russian Law*, (6), 5–21. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.064>
- Pashkova, N.V. (2023). Artificial intelligence as a source of “existential risk”: The problem of self-identification of society and the individual in the conditions of global virtual space. *Alma Mater (Bulletin of Higher School)*, (8), 33–35. (In Russian). <https://doi.org/10.20339/AM.08-23.033>
- Romanova, I.N. (2021). Introduction of artificial intelligence technologies: Analysis of probable risks and possible threats. *Materials of the Ivanovo Readings*, 4(35), 15–18. (In Russian).
- Sokolov, Yu.I. (2012). Global social risks of high technologies of the XXI century. *Problems of risk analysis*, 9(6), 4–29. (In Russian).
- Talapina, E.V. (2021). The use of artificial intelligence in public administration. *Information Society*, (3), 16–22. (In Russian). https://doi.org/10.52605/16059921_2021_03_16
- Tsvyk, V.A., & Tsvyk, I.V. (2022). Social problems of development and application of artificial intelligence. *Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Sociology*, 22(1), 58–69. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2022-22-1-58-69>
- Ulbricht, L. (2020). Scraping the demos. Digitalization, web scraping and the democratic project. *Democratization*, 27(3), 426–442. <https://doi.org/10.1080/13510347.2020.1714595>

- Vislova, A.D. (2020). Modern trends in the development of artificial intelligence. *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, 2(94), 14–30. (In Russian). <https://doi.org/10.35330/1991-6639-2020-2-94-14-30>
- Xu, Y. (2018). Programmatic dreams: Technographic inquiry into censorship of Chinese chatbots. *Social Media + Society*, 4(4). Retrieved November, 26, 2023 from <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/2056305118808780>
- Zhukov, D.S. (2020). Artificial intelligence for the social-state organism: the future has already started in China. *Journal of Political Research*, 4(2), 70–79. (In Russian). <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2020-4-2-70-79>
- Zuboff, Sh. (2022). *The era of surveillance capitalism: The battle for the human future at the new frontiers of power*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. (In Russian).

Сведения об авторах:

Володенков Сергей Владимирович — доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-проектного отдела Научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук, профессор кафедры государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: s.v.cyber@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-2928-6068)

Федорченко Сергей Николаевич — доктор политических наук, доцент, главный научный сотрудник научно-проектного отдела Научно-инновационного управления, Государственный академический университет гуманитарных наук, доцент кафедры истории и теории политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6563-044X)

Печенкин Николай Михайлович — лаборант, Государственный академический университет гуманитарных наук, научный сотрудник, преподаватель Департамента политологии, Факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ (e-mail: nick_pechyonkin@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-7846-4847)

About the authors:

Sergey V. Volodenkov — Doctor of Political Sciences, Chief Researcher of the Research and Design Department, Scientific and Innovation Department, State Academic University for the Humanities; Professor of the Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: s.v.cyber@gmail.com) (ORCID: 0000-0003-2928-6068)

Sergey N. Fedorchenko — Doctor of Political Sciences, Chief Researcher of the Research and Design Department, Scientific and Innovation Department, State Academic University for the Humanities; Associate professor, Department of History and Theory of Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-6563-044X)

Nikolai M. Pechenkin — Laboratory Assistant at the State Academic University of Humanities; Researcher and Lecturer at the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation (e-mail: nick_pechyonkin@mail.ru) (ORCID: 0000-0002-7846-4847)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-425-435

EDN: LPRLXQ

Научная статья / Research article

Платформа как фактор цифрового империализма в российском информационном пространстве

Д.С. Мартьянов , Г.В. Лукьянова

Институт научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

 dsmartyanov@mail.ru

Аннотация. Цифровой империализм — современное измерение классического экономического империализма, использующее такие инструменты, как цифровые платформы для распространения информации, аккумуляции и вызова финансового капитала из стран периферии в страны центра. Цифровой империализм как концепция является продолжением теорий культурного империализма и медиаимпериализма и в свою очередь стал основой для развития концепций платформенного и блокчейн-империализма. Анализируются концептуальные аспекты исследования современных измерений империализма и дается краткий обзор направлений исследований в этой области. Целью нашего исследования является выявление роли платформ как фактора политического дискурса в контексте цифрового империализма. Авторы сформировали выборку исходя из двух критериев: типа платформы (глобальная, национальная и лиминальная) и типа коммуникатора (институционального — т. е. каналы масс-медиа; либо персонального, т. е. каналы инфлюэнсеров). Исследование охватило период с 24.02.2022 по 01.11.2023 и включило 60 медиа на 3 платформах. Анализ был произведен с помощью 4 методов исследования. Результаты анализа демонстрируют, что для YouTube, Telegram и «ВКонтакте» характерны разные дискурс и повестка дня. YouTube демонстрирует агрессивный, милитаризированный дискурс с более гомогенной коммуникацией, что характерно для эхо-камер. Каналы и страницы Telegram и «ВКонтакте» чаще пересекаются в результатах кластерного анализа. В то же время для Telegram также характерен интенсивный милитаристский дискурс, в то время как «ВКонтакте» ориентируется на более широкую повестку дня. Исследование косвенно демонстрирует империалистскую природу YouTube.

Ключевые слова: империализм, медиаимпериализм, цифровой империализм, культурный империализм, электронный империализм, платформенный империализм, специальная военная операция, дискурс

Благодарности: Исследование выполнено в рамках Проекта № 123091200062–2 «Ценностный базис российского сетевого пространства в условиях глобального цифрового империализма», реализуемого в Институте научной информации по общественным наукам РАН по итогам отбора научных проектов, поддержанных Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

© Мартьянов Д.С., Лукьянова Г.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Мартьянов Д.С., Лукьянова Г.В. Платформа как фактор цифрового империализма в российском информационном пространстве // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 425–435. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-425-435>

Platform as a Factor of Digital Imperialism in the Russian Information Space

Denis S. Martyanov^{1,2} , Galina V. Lukyanova^{1,2}

¹*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Moscow, Russian Federation*

²*St Petersburg University, St Petersburg, Russian Federation*

 dsmartyanov@mail.ru

Abstract. The digital imperialism is a modern dimension of classical economic imperialism and uses tools such as digital platforms to disseminate information and accumulate and call financial capital from countries of the periphery to the center. Digital imperialism as a concept is a continuation of the theories of cultural imperialism and media imperialism and, in turn, became the basis for the development of the concepts of platform and blockchain imperialism. The article analyzes the conceptual aspects of the study of modern dimensions of imperialism and provides a brief overview of research directions in this area. The purpose of this study is to identify the role of platforms as a factor in political discourse in the context of digital imperialism. The authors formed the sample based on 2 criteria: the type of platform (global, national and liminal) and the type of communicator (institutional — i.e. mass media channels or personal, i.e. influencer channels). The study covered the period from February 2022 to November 2023 and included 60 media across 3 platforms. The analysis was carried out using 4 research methods. The results of the analysis demonstrate that YouTube, Telegram and Vk.com are characterized by different discourse and agenda. YouTube displays an aggressive, militarized discourse with more homogeneous communication, which is typical of echo chambers. Telegram channels and Vk.com pages often overlap in the results of cluster analysis. Telegram is also characterized by an intense militaristic discourse, while Vk.com is oriented towards a broader agenda. The study indirectly demonstrates the imperialist nature of YouTube.

Keywords: imperialism, media imperialism, cultural imperialism, electronic imperialism, digital imperialism, platform imperialism, special military operation, discourse

Acknowledgements: The research was carried out within the framework of Project No. 123091200062-2 “The value basis of the Russian network space in the context of global digital imperialism” in INION RAS supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Expert Institute for Social Research.

For citation: Martyanov, D.S., & Lukyanova, G.V. (2024). Platform as a factor of digital imperialism in the Russian information space. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 425–435. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-425-435>

Введение

Незаметно завершившаяся эпоха Веб 2.0 была ознаменована не только технологическими сдвигами, но и переменами в социально-политической сфере. Д.Й. Джин свою книгу о цифровом империализме начинает с того, что фиксирует переход к новой «эре платформ» [Jin 2015: 4]. Новый институциональный дизайн определяется технологическими факторами в рамках порталов и приложений, которые аккумулируют внутри себя широкий спектр более нишевых технологий [Jin 2015: 7]. Агрегирование сервисов в руках таких платформ, как Google, iPhone, Android, позволяет им выступать в роли посредников, владеющих правами интеллектуальной собственности как инструментом накопления капитала [Jin 2015: 5–6]. Платформы получают в свое распоряжение финансовый капитал и инструменты власти, оспариваемые в науке в контексте т. н. «дилеммы модератора» [Langvardt, 2018: 1353].

Роль платформ иллюстрирует принцип «Средство есть сообщение» [Маклюэн 2007]. Разумеется, влияние платформ не является линейным и включает в себя множество измерений от собственно фактора платформы до институционального (установленные «правила игры»), аудиторного (публика, использующая платформу), общественного (гомогенное-гетерогенное измерение), дискурсивного (установление доминирующего дискурса) [Мартьянов, Лукьянова 2023: 246]. Однако все эти измерения соответствуют и целостной внутренней логике. В рамках политической экономии коммуникации эту логику можно обозначить как логику цифрового империализма.

Платформы выступают в качестве посредников, организаторов среды, но не заказчиков и производителей услуг или контента. В обмен на посредничество они обретают право взимания комиссии, установления «правил игры» и власть в контексте включения и исключения из коммуникации.

Цифровой империализм

Термин империализм имеет давнюю историю и употреблялся (как правило, в отношении французов) [Исаев 2001] задолго до экспансионистской внешней политики Б. Дизраэли, считающегося отцом империалистской политики [Язовская, Гудова 2018: 35]. Впоследствии термин был переосмыслен в духе экономического детерминизма Дж. Гобсоном [Гобсон 1927], В.И. Лениным [Ленин 1949] и др., став частью марксистского категориального аппарата.

Империализм представляет собой процесс доминирования в международной политике с помощью ряда механизмов, таких как колонизация¹. Как и империализм, колониализм постепенно усложнялся, обретая новые формы: технологического, электронного колониализма [Schiller 1976; McPhail 1987]. Цифровой колониализм вытекает из самой логики распространения Интернета, когда

¹ *Mitri S.* Digital Imperialism: The Last Phase of Capitalism, Department of Business and Management Master in Global Management and Politics 2022. URL: http://tesi.luiss.it/35397/1/735571_MITRI_STEFANO.pdf (accessed: 01.11.2023).

западные компании устанавливают монополистические (или олигополистические) структуры рынка данных и технологические экосистемы в целом. Более гибкие формы господства империалистов предполагаются в рамках концепции цифрового неокOLONиализма, действующего на уровне формируемых норм. Сочетание цифровых форм колониализма и неокOLONиализма способствует усилению новых измерений империализма.

Империализм в отдельных своих проявлениях может основываться не на завоевании, а добровольном признании доминирования гегемонов правящими элитами стран, представляющих периферию и полупериферию. Механизмом подобных измерений империализма выступает и глобализация — отмена барьеров на пути экспорта финансовых ресурсов, информации, культурных ценностей и т.п.

В XX–XXI вв. термин «империализм» неоднократно использовался для описания более узких, конкретных проявлений экспансионизма, таких как «культурный империализм» [Schiller 1976; Schiller 1969; Саид 2012]. Культурный империализм, использующий доктрину свободного потока информации, в свою очередь выступает отправной точкой для медиаимпериализма [Boyd-Barrett 1977], коммуникативного [Lee 1988] и цифрового империализма [Fuchs 2015]. Хотя термины «культурный империализм» и «медиаимпериализм» используются в том числе как синонимы, корректнее сказать, что культурный империализм связан с самим распространением культурных ценностей, в то время как термин «медиаимпериализм» следует использовать в отношении средств распространения ценностей и информации.

Наряду с терминами «электронный империализм» и «цифровой империализм» [Gajjala, Birzescu 2011], означающими империалистские практики в условиях информационного общества и цифровой экономики, существуют более «нишевые» категории платформенного империализма [Jin 2015], а также блокчейн-империализма [Jutel 2021].

Тема цифрового империализма находит отражение в научном дискурсе как среди работ, посвященных анализу стран, выступающих в роли объектов «цифрового неокOLONиализма» — прежде всего африканских [Kwet 2019; Ya'u 2004; Mwebeni²], так и в отношении стран, которые играют более сложную роль в цифровом империализме — Австралии [Mann, Daly 2019], Южной Кореи [Jin 2017], Китая [Keane, Yu 2019] и т. д.

Цель и методы исследования

Цель данного исследования — выявление роли платформ как фактора политического дискурса в контексте цифрового империализма.

² Mwebeni S. (2019). The Effect of Nascent Digital Platform Imperialism on Economic Development of Third World Countries: A Case Study of Kenya. Summary. URL: https://www.researchgate.net/publication/338067337_The_Effect_of_Nascent_Digital_Platform_Imperialism_on_Economic_Development_of_Third_World_Countries_A_Case_Study_of_Kenya_Summary (accessed: 27.10.2023).

Выборка исследования (табл. 1) формировалась исходя из двух базовых критериев:

- 1) платформа. Для выявления особенностей коммуникации в условиях цифрового империализма было выбрано три платформы: (а) «империалистское» пространство YouTube; (б) «национальное» пространство «ВКонтакте»; (с) «лиминальное» пространство Telegram;
- 2) тип коммуникатора: персональные страницы и медиа (институциональные акторы).

Также выборка учитывала критерии политизированности канала и количества подписчиков.

Таблица 1

Проанализированные страницы и каналы

Тип	ВКонтакте	Telegram	YouTube
медиа	Лентач	Топор Live	Настоящее Время*
медиа	РБК	СМИ Россия не Москва	DW* на русском
медиа	Mash	РИА Новости	Euronews по-русски
медиа	РИА Новости	Readovka	Комсомольская Правда
медиа	ТАСС	Mash	Радио Свобода*
медиа	Новости RT на русском	Правдивости	Телеканал Дождь*
медиа	КБ	РОССИЯ СЕЙЧАС	RTVI Новости
медиа	БОРЩ	Раньше всех. Ну почти.	УКРАИНА СЕГОДНЯ — ГРОШИ
медиа	ТОПОР — Хранилище	Осторожно, новости	УНИАН
медиа	Лента.ру	Пивоваров* (Редакция)	ОМ ТВ (Омельчук ТВ)
персона	Дмитрий Медведев	Kadyrov_95	Alexey Arestovych **
персона	Рамзан Кадыров	СОЛОВЬЁВ	БесогонTV
персона	Сергей Собянин	Рыбарь	Дмитрий Гордон* **
персона	Радий Хабиров	Вячеслав Володин	ФЕЙГИН* LIVE
персона	Андрей Воробьев	Varlamov* News	Майкл Наки*
персона	Вячеслав Gladkov	Адам Делимханов	Навальный LIVE **
персона	Рустам Минниханов	Colonelcassad	Руслан Усачев
персона	Александр Беглов	Дудь*	Александр Невзоров*
персона	Александр Бречалов	Дмитрий Никотин	Дневник Депутата
персона	Алексей Текслер	Саня во Флориде	Илья Яшин*

* — данные лица и организации входят в реестр иностранных агентов Министерства юстиции РФ.

** — данные лица и организации входят в перечень террористов и экстремистов Росфинмониторинга.

Источник: составлено авторами.

Analyzed pages and channels

Type	Vk.com	Telegram	YouTube
media	Lentach	Topor Live	Current Time*
media	RBK	SMI Rossiya ne Moskva	DW in Russian*
media	Mash	RIA Novosti	Euronews in Russian
media	RIA Novosti	Readovka	Komsomol'skaya Pravda
media	TASS	Mash	Radio Svoboda*
media	News RT in Russian	Pravdivosti	TV Channel Rain*
media	KB	RUSSIA TODAY	RTVI Novosti
media	BORSCH	Ran'she vsekh. Nu pocht	UKRAINA SEGODNYa — GROSHI
media	TOPOR — Hranilishche	Ostorozhno, novosti	UNIAN
media	Lenta.ru	Pivovarov* (Redakciya)	OM TV
person	Dmitry Medvedev	Kadyrov_95	Alexey Arestovych**
person	Ramzan Kadyrov	SOLOV'YoV	BesogonTV
person	Sergej Sobyenin	Rybar	Dmitry Gordon* **
person	Radij Habirov	Vyacheslav Volodin	FEYGIN* LIVE
person	Andrej Vorob'ev	Varlamov* News	Michael Nacke*
person	Vyacheslav Gladkov	Adam Delimhanov	Navalny** LIVE
person	Rustam Minnihanov	Colonelcassad	Ruslan Usachev
person	Alexander Beglov	Dud*	Alexander Nevzorov*
person	Alexander Brechalov	Dmitry Nikotin	Dnevnik Deputata
person	Aleksej Teksler	Sanya vo Floride	Ilya Yashin*

* — these individuals and organizations are included in the register of foreign agents of the Ministry of Justice of Russian Federation.

** — these individuals and organizations are included in the Federal Financial Monitoring Service of Russia's list of terrorists and extremists.

Source: compiled by the authors.

Были выгружены посты в сообществах «ВКонтакте» и Telegram, а также субтитры к видео на YouTube в период с 24.02.2022 по 01.11.2023. Составленный корпус был лемматизирован и токенизирован. Методами исследования являлись латентное размещение Дирихле для тематического моделирования, частотный анализ слов, анализ коллокаций и дискурс-анализ.

Результаты исследования

Анализ частотности слов демонстрирует интенсивное использование оппозиции «мы» и «они», что косвенно свидетельствует о наличии конфронтационного дискурса. Данная оппозиция более характерна для Telegram и YouTube.

Сдержанный характер коммуникации характерен для социальной сети «ВКонтакте». Там политический дискурс более ориентирован на внутреннюю повестку. Появляются упоминания министерств, их представителей. Любопытным представляется появление элементов официального нарратива (сюжеты, связанные с русским языком, Великой Отечественной войной). Помимо освещения специальной военной операции (СВО) заметен повседневный дискурс мирной жизни: детский сад, крепкое здоровье и т.п.

Часто повторяющиеся нарративы YouTube: «ядерное оружие», «Советский Союз», «оккупированные территории», «полномасштабное вторжение», «военные преступления», «Северная Корея», «путинский режим», «объединить нацию».

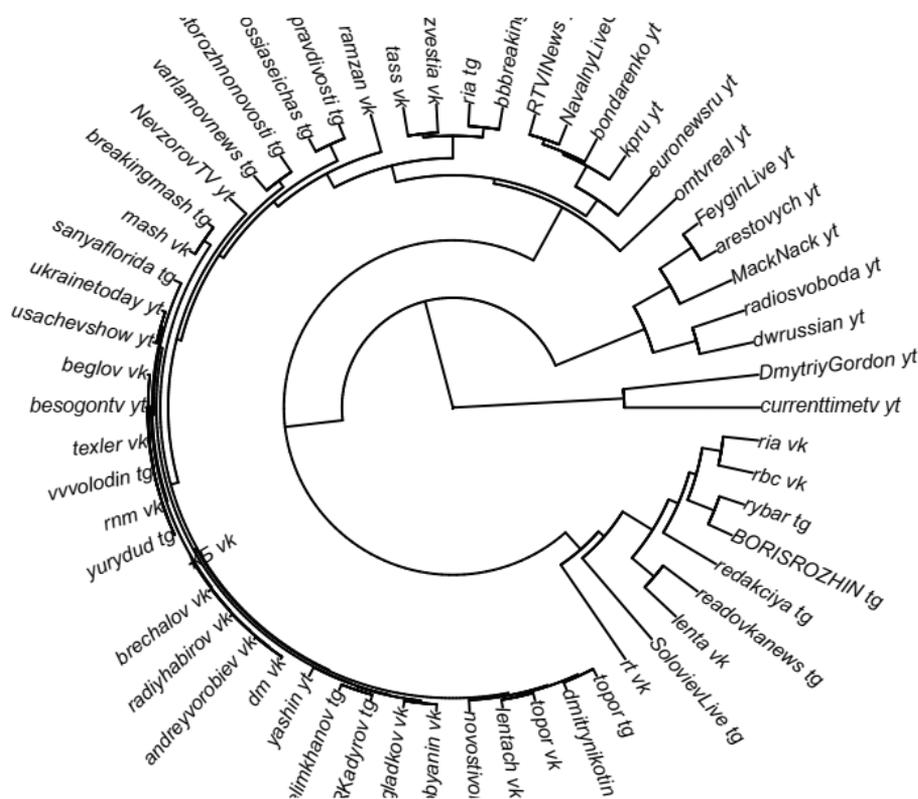

Рис. 2. Результаты кластерного анализа по платформам YouTube, Telegram и «ВКонтакте»

Источник: составлено авторами.

Figure 2. Results of cluster analysis for YouTube, Telegram and Vk.com platforms

Source: compiled by the authors.

Хотя кластерный анализ (рис 2.) демонстрирует достаточно сложную картину, где далеко не всегда платформа выступает в качестве доминирующего фактора, интересно, что отдельные близкие кластеры образуют наиболее одиозные медиа, связанные с украинскими спикерами и пропагандистскими медиа стран Запада. Все они функционируют через YouTube. Интересно, что фактор формата платформы остается важным («РИА Новости» в Telegram и «ВКонтакте» оказались в совершенно разных кластерах).

Обсуждение

Результаты прошлых исследований показывали, что хотя платформа и выступает значимым фактором выделения в кластеры, он не является определяющим [Lukyanova, Martyanov, Volkova 2022]. Эта логика применима и к результатам настоящего исследования. Однако на дендрограмме очевидны более гомогенный кластер YouTube и менее гомогенный (за счет включения телеграм-каналов) кластер «ВКонтакте». Telegram, как и предполагалось, является наименее управляемым из проанализированных платформ. Хотя исследование достигло поставленной цели и подтвердило предположение об империалистском характере дискурса YouTube, требуется более комплексный анализ данного феномена.

Выводы

Исследование показывает не только различия в дискурсе (что может частично определяться и форматом платформы), в повестке дня и артикуляции отдельных тем топовыми медиа различных платформ.

Более очевидная гомогенность коммуникации в YouTube означает, что для политической коммуникации на этой платформе более характерны признаки эхо-камеры, чем для соответствующей российским «правилам игры» «ВКонтакте». Такая гомогенность была достигнута целым рядом мер, предпринятых YouTube после начала СВО. Вкупе с акцентом на милитаристский дискурс это косвенно демонстрирует признаки «империалистичности» данной цифровой платформы и подтверждает ее односторонний антироссийский характер.

Поступила в редакцию / Received: 29.10.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 12.11.2023

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2024

Библиографический список

- Гобсон Д.А. Империализм. Ленинград: Прибой, 1927.
- Исаев В.А. «Империализм» — новая концепция в общественно-политической мысли викторианской Англии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2001. № 1. С. 4–13.
- Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма, Госполитиздат, 1949.
- Маклюэн М. Понимание Медиа: внешние расширения человека. М.: Гиперборей; Кучково поле, 2007.
- Мартьянов Д.С., Лукьянова Г.В. Кросс-сетевой фактор политического дискурса виртуальных сообществ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2023. Т. 19, № 2. С. 244–262. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.207>
- Саид Э. Культура и империализм. СПб.: Владимир Даль, 2012.
- Язовская О.В., Гудова Ю. В. Империалистический дискурс в постколониальную эпоху: обзор концептуальных подходов // Общество: философия, история, культура. 2018. № 12 (56). С. 35–39.
- Boyd-Barrett O. Media imperialism: Towards an international framework for the analysis of media systems. London: Edward Arnold, 1977.

- Fuchs C. *Marx in the Age of Digital Capitalism*. Leiden: Bosto, 2015.
- Gajjala R., Birzescu A. Digital Imperialism through Online Social/Financial Networks // *Economic and Political Weekly*. 2011. Vol. 46, no. 13. P. 95–102.
- Jin D. Rise of Platform Imperialism in the Networked Korean Society: A Critical Analysis of the Corporate Sphere // *Asiascape: Digital Asia*. 2017. Vol. 4. P. 209–232. <https://doi.org/10.1163/22142312-12340078>
- Jin Y.D. *Digital Platforms, Imperialism and Political Culture*. London, UK: Routledge, 2015.
- Jutel O. Blockchain imperialism in the Pacific // *Big Data & Society*. 2021. Vol. 8, no. 1. Iss. 205395172098524 <https://doi.org/10.1177/2053951720985249>
- Keane M., Yu H. A Digital Empire in the Making: China's Outbound Digital Platforms // *International Journal of Communication*. 2019. Vol. 13. P. 4624–4641.
- Kwet M. Digital Colonialism: US Empire and the New Imperialism in the Global South // *Race & Class*. 2019. Vol. 60, no. 4. Iss. 030639681882317 <https://doi.org/10.1177/0306396818823172>
- Langvardt K. Regulating Online Content Moderation // *Georgetown Law Journal*. 2018. Vol. 106, no. 5. Iss. 1353
- Lee P.S. Communication imperialism and dependency: a conceptual clarification // *Gazette*. 1988. Vol. 41, no. 2. P. 69–83. <https://doi.org/10.1177/001654928804100201>.
- Lukyanova G.V., Martyanov D.S., Volkova A.V. Value Determinants of Digital Vigilante's Communication Strategies // 2022 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS). 2022. P. 224–227. <https://doi.org/10.1109/ComSDS55328.2022.9769100>.
- Mann M., Daly A. (Big) data and the north-in-south: Australia's informational imperialism and digital colonialism // *Television and New Media*. 2019. Vol. 20, no. 4. P. 379–395.
- McPhail T.L. *Electronic colonialism: the future of international broadcasting and communication* (Rev. 2nd ed.). Newbury Park, Calif., 1987.
- Schiller H.I. *Communication and Cultural Domination*. White Plains, N.Y., International Arts and Sciences Press, Inc., 1976.
- Schiller H.I. *Mass Communication and American Empire*, Boulder, CO: Westview Press, 1969.
- Ya'u Y.Z. The new imperialism & Africa in the global electronic village // *Review of African Political Economy*. 2004. Vol. 31. P. 11–29. <https://doi.org/10.1080/0305624042000258397>

References

- Boyd-Barrett, O. (1977). *Media imperialism: Towards an international framework for the analysis of media systems*. London: Edward Arnold.
- Fuchs, C. (2015). *Marx in the age of digital capitalism*. Leiden: Bosto.
- Gajjala, R., & Birzescu, A. (2011). Digital imperialism through online social/financial networks. *Economic and Political Weekly*, 46(13), 95–102.
- Hobson, J.A. (1927). *Imperialism*. Leningrad: Priboi. (In Russian) [Hobson, J.A. (1902). *Imperialism: A Study*. Publisher J. Nisbet].
- Isaev, V.A. (2001). Imperialism — a new concept in the socio-political thought of Victorian England. *RUDN Journal of Economics*, (1), 4–13. (In Russian).
- Jin, Y.D. (2015). *Digital platforms, imperialism, and political culture*. London, UK: Routledge.
- Jin, D. (2017). Rise of platform imperialism in the networked Korean society: A critical analysis of the corporate sphere. *Asiascape: Digital Asia*, 4, 209–232. <https://doi.org/10.1163/22142312-12340078>
- Jutel, O., (2021)., Blockchain, imperialism, in, the, Pacific., *Big, Data, & Society*, 8, 205395172098524. <https://doi.org/10.1177/2053951720985249>
- Keane, M., & Yu, H. (2019). A digital empire in the making: China's outbound digital platforms. *International Journal of Communication*, 13, 4624–4641. Kwet, M., (2019)., Digital, colonialism:, US, empire, and, the, new, imperialism, in, the, global, South., *Race, & Class*, 60(4), 030639681882317 <https://doi.org/10.1177/0306396818823172>

- Kwet, M., (2019)., Digital, colonialism:, US, empire, and, the, new, imperialism, in, the, global, South., *Race, & Class*, 60(4), 030639681882317 <https://doi.org/10.1177/0306396818823172>
- Langvardt, K. (2018). Regulating online content moderation. *Georgetown Law Journal*. 106(5), 1353.
- Lee, P.S. (1988). Communication imperialism and dependency: A conceptual clarification. *Gazette*, 41(2), 69–83. <https://doi.org/10.1177/001654928804100201>
- Lenin, V.I. (1949). *Imperialism as the highest stage of capitalism*. Moscow: Gospolitizdat, (In Russian).
- Lukyanova, G.V., Martyanov, D.S., & Volkova, A.V. (2022). Value determinants of digital vigilante's communication strategies. In *2022 Communication Strategies in Digital Society Seminar (ComSDS)* (pp. 224–227). (In Russian). <https://doi.org/10.1109/ComSDS55328.2022.9769100>
- Mann, M., & Daly, A. (2019). (Big) data and the north-in-south: Australia's informational imperialism and digital colonialism. *Television and New Media*, 20(4), 379–395.
- Martyanov, D.S., & Lukyanova, G.V. (2023) Cross-network factor of political discourse of virtual communities. *Political expertise: POLITEX*, 9(2), 244–262. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu23.2023.207>
- McLuhan, M. (2007). *Understanding media: The extensions of man*. Moscow. Hyperborea; Kuchkovo pole. (In Russian) [McLuhan, M. (1964). *Understanding media: The extensions of man*. New York: New American Library].
- McPhail, T.L. (1987). *Electronic colonialism: The future of international broadcasting and communication* (Rev. 2nd ed.). Newbury Park, Calif.
- Said, E. (2012). *Culture and imperialism*. St. Petersburg: Vladimir Dal. (In Russian) [Said, E. (1994). *Culture and imperialism*. New York: Vintage Books].
- Schiller, H.I. (1969). *Mass Communication and American Empire*. Boulder, CO: Westview Press.
- Schiller, H.I. (1976). *Communication and cultural domination*. White. Plains, N.Y., International Arts and. Sciences Press, Inc.
- Ya'u, Y.Z., (2004)., The, new, imperialism, & Africa in the global electronic village, *Review of African Political Economy*, 31(99), 11–29, <https://doi.org/10.1080/0305624042000258397>
- Yazovskaya, O.V., & Gudova, Y.V. (2018). Imperialist discourse in the postcolonial era: A review of conceptual approaches. *Society: philosophy, history, culture*, 12(56), 35–39. (In Russian).

Сведения об авторах:

Мартьянов Денис Сергеевич — кандидат политических наук, доцент, научный сотрудник Отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: dsmartyanov@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7755-8086)

Лукьянова Галина Владимировна — кандидат политических наук, доцент, научный сотрудник Отдела политической науки Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: g.lukiyanova@spbu.ru) (ORCID: 0000-0003-1260-2124)

About the authors:

Denis S. Martyanov — PhD in Political Sciences, Associate Professor, Research Fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN) — Associate Professor, St Petersburg University (e-mail: dsmartyanov@mail.ru) (ORCID: 0000-0001-7755-8086)

Galina V. Lukyanova — PhD in Political Sciences, Associate Professor, Research fellow, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Associate Professor, St Petersburg University (e-mail: g.lukiyanova@spbu.ru) (ORCID: 0000-0003-1260-2124)

DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-2-436-447

EDN: LPDLOG

Научная статья / Research article

Динамика паттерна «угроза национальной безопасности» в риторике Президента РФ В.В. Путина в контексте общественных настроений россиян

Р.В. Савенков^{1,2} , А.К. Травянкина²

¹Воронежский государственный университет инженерных технологий, Воронеж,
Российская Федерация

²Воронежский государственный университет, Воронеж, Российская Федерация

 rvsav@yandex.ru

Аннотация. Паттерн раскрывает образ мышления национального лидера и транслирует аудитории определенный смысловой код. Одним из повторяющихся на протяжении многих лет в риторике Президента России Владимира Путина является паттерн существования «угрозы национальной безопасности». Цель работы — проанализировать содержание паттерна «угрозы национальной безопасности» в риторике Президента В.В. Путина, его взаимосвязь с общественными настроениями россиян и роль паттерна в российской политической системе. Применены следующие методы: риторический анализ (выявление риторических приемов и стратегий как средств эффективной коммуникации и убеждения); концептологический анализ (анализ языковых средств, объективизирующих концепт, основой которого выступает паттерн); корреляционный анализ (установление характера связи между переменными, используется при анализе опросов общественного мнения, соотнесения их со склонностью поддерживать В. Путина). Эмпирическую базу исследования составили восемь текстов выступлений Владимира Путина в период 2000–2022 гг., результаты опросов общественного мнения ВЦИОМ и результаты исследований кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Выборка текстов проведена по основанию наличия в выступлении (только президентские периоды) наиболее полного представленного паттерна «угрозы национальной безопасности», а также по основанию соблюдения хронологического шага между текстами в среднем в 3 года, чтобы получить возможность провести исследование в динамике. В результате установлено: 1. Существование угрозы национальной безопасности — повторяющийся сюжет в дискурсе В. Путина на протяжении всех сроков президентства. 2. Паттерн «угрозы национальной безопасности» претерпел изменения от угрозы внутреннего характера к преимущественно внешней. 3. Значимость угрозы в дискурсе с каждым годом повышается. 4. Устойчивой чертой общественных настроений россиян является потребность в безопасности. Анализ места В. Путина в политико-коммуникационном пространстве России позволяет обозначить его как акторно-сетевую персону, чей политический дискурс

© Савенков Р.В., Травянкина А.К., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

является наиболее доступным источником вычленения ценностных кодов, способных консолидировать российское общество, находящееся до 2022 г. в состоянии аномии, ценностного рассогласования между разными уровнями существующих политических ценностей. Научная новизна этой работы состоит в том, что прежде риторика В. Путина не подвергалась анализу с позиции выделения в ней паттерна «угрозы национальной безопасности» и его политико-семиотического значения, взаимосвязи с трендами изменений общественных настроений россиян, несмотря на ряд работ, посвященных формированию образа врага, аффективной риторике, дихотомии «свой/чужие» и проблемному уровню языкового кода, которые по сути своей являются частными проявлениями этого паттерна.

Ключевые слова: паттерн, угроза, национальная безопасность, В.В. Путин, Президент России

Для цитирования: Савенков Р.В., Травянкина А.К. Динамика паттерна «угроза национальной безопасности» в риторике Президента РФ В.В. Путина в контексте общественных настроений россиян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 2. С. 436–447. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-436-447>

The Dynamics of the «Threat to National Security» Pattern in the Russian Federation President Vladimir Putin’s Rhetoric in the Context of Public Mood of Russians

Roman V. Savenkov^{1,2} , Anna K. Travyankina²

¹Voronezh State University of Engineering Technologies, Voronezh, Russian Federation

²Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

 rvsav@yandex.ru

Abstract. The pattern reveals the way of thinking of the national leader and transmits a certain semantic code to the audience. One of the patterns that has been repeated over the years in the rhetoric of Russian President Vladimir Putin is the pattern of the existence of a “threat to national security.” The purpose of the paper is to analyze the content of the “threat to national security” pattern in the President Putin’s rhetoric, his relationship with the public sentiments of Russians and the role of the pattern in the Russian political system. The following methods were used: rhetorical analysis (identification of rhetorical techniques and strategies as means of effective communication and persuasion); conceptological analysis (analysis of linguistic means that objectify the concept, the basis of which is the pattern); correlation analysis (establishing the nature of the relationship between variables, used in the analysis of public opinion polls, correlating them with the propensity to support Putin). The empirical basis of the study consisted of eight texts of Vladimir Putin’s speeches in the period 2000–2022, analysis of the results of public opinion polls by WCIOM, Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Moscow State University. The selection of texts was carried out on the basis of the presence in the speech (presidential periods only) of the most complete presented pattern of “threats to national security”, as well as on the basis of observing a chronological step between texts of an average of 3 years, in order to be able to conduct research in dynamics. As a result, it was established: 1. The existence of a threat to national security is a recurring theme in Vladimir Putin’s discourse throughout all terms of his presidency. 2. The pattern of “threats to national security” has undergone changes from a threat of an internal nature to a predominantly external one. 3. The significance of the threat in the discourse increases every year. 4. A persistent feature of Russian public sentiment

is the need for security. An analysis of Putin's place in the political and communication space of Russia allows us to designate him as an actor-network person, whose political discourse is the most accessible source of isolating value codes capable of consolidating Russian society, which until 2022 is in a state of anomie, a value mismatch between different levels of existing political values. The scientific novelty of this work lies in the fact that Putin's rhetoric has not previously been analyzed from the standpoint of identifying in it the pattern of "threat to national security" and its political-semiotic significance, relationship with trends in changes in the public mood of Russians, despite a number of works devoted to the formation the image of the enemy, affective rhetoric, the "us/them" dichotomy and the problematic level of the language code, which are essentially partial manifestations of this pattern.

Keywords: pattern, threat, national security, Vladimir Putin, Russian president

For citation: Savenkov, R.V., & Travyankina, A.K. (2024). The dynamics of the «threat to national security» pattern in the Russian Federation President Vladimir Putin's rhetoric in the context of public mood of Russians. *RUDN Journal of Political Science*, 26(2), 436–447. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2024-26-2-436-447>

Введение

Беспрецедентно высокий уровень одобрения деятельности Владимира Путина на посту Президента РФ представляет обширное поле для дискуссий среди отечественных экспертов. Политические психологи указывают на «парадоксы лидерства» и «пределы политологического знания» [Шестопап 2023: 181–182], потому что такая неестественная, с точки зрения принятых политико-социологических закономерностей, реакция российского общества не является классическим «сплочением вокруг флага» (rally around the flag). В такой затруднительной ситуации, когда миссия политологической науки не просто подразумевает, а требует «повышения качества и значения социально-политической экспертизы» [Гаман-Голутвина, Сморгунов 2023: 10], актуальными становятся поиск и переосмысление инструментов понимания властных отношений и роли политических лидеров в них. Одним из наиболее современных, соответствующих тренду социокультурного понимания политики, является подход коммуникативной теории власти, объясняющей процессы социального и символического конструирования реальности [Шомова 2016: 7].

Исследования политической коммуникации зафиксировали повторяющийся на протяжении многих лет в риторике Президента России Владимира Путина сюжет существования угрозы национальной безопасности, которой необходимо противостоять. Мы определяем этот сюжет как паттерн «угрозы национальной безопасности». В условиях политической и в том числе, геополитической турбулентности, «ситуации “идеального шторма”... когда интенсивность конфликтов, поля боя и сферы противоборств становятся неопределенными величинами» [Гаман-Голутвина, Сморгунов 2023: 9] его изучение становится эвристически ценным в контексте понимания не только коммуникативного образа Президента РФ, но и состояния российского политического сознания. Каково символическое наполнение паттерна, насколько он взаимосвязан с общественными настроениями россиян и что это значит

для отечественной политической системы? Вот вопросы, на которые пытается ответить данная работа.

Коммуникативный образ Владимира Путина принято считать наиболее изученным среди отечественных лингвистов и политологов, в числе которых О.В. Паршина, О.С. Иссерс, С.А. Шомова, М.И. Богачев, А.Н. Потсар, Е.Б. Шестопап, Т.И. Стекстова, А.А. Зимина и др., однако научная новизна этой работы состоит в том, что прежде риторика В. Путина не подвергалась анализу с позиции выделения в ней паттерна «угрозы национальной безопасности» и его политико-семиотического значения, взаимосвязи с трендами изменений общественных настроений россиян, несмотря на ряд работ, посвященных формированию образа врага, аффективной риторике, дихотомии «свой/чужие» и проблемному уровню языкового кода, которые по сути своей являются частными проявлениями этого паттерна. Научно новой также является попытка соотнести концептологический рисунок паттерна с особенностями политической культуры россиян.

Цель, методы, эмпирические материалы

Целью исследования является анализ содержания паттерна «угрозы национальной безопасности» в риторике Президента РФ В.В. Путина, определение его взаимосвязи с общественными настроениями россиян и роли в российской политической системе. Нами были выдвинуты четыре гипотезы:

1. Существование угрозы национальной безопасности — повторяющийся сюжет в дискурсе В. Путина на протяжении всех четырех сроков президентства.
2. Паттерн «угрозы национальной безопасности» претерпел изменения от угрозы внутреннего характера к преимущественно внешней.
3. Значимость паттерна «угроза национальной безопасности» в дискурсе с каждым годом повышается.
4. Для российских граждан устойчиво актуальна потребность в безопасности, что отражается в общественных настроениях.

Исследовательские инструменты коммуникативистики включают такую единицу вербальной коммуникации, как лингвистический паттерн, показывающий словесно выраженный образ мышления; когнитивную форму, хранящуюся в памяти [Борисов 2012: 87]; действенный набор заранее определенных элементов, что позволяет ряду исследователей трактовать этот языковой феномен как стереотип [Леонов 2011: 41–48]. В современной зарубежной литературе концепт «паттерна» имеет более прикладной характер и чаще используется при анализе онлайн-аудитории и инструментах взаимодействия с ней, в первую очередь — манипулятивного характера [Feezell 2018, Hammond 2017]. В таких трактовках делается акцент на эмоциональный компонент, с помощью которого оказывается воздействие на сознание реципиента путем закрепления в нем сложных устойчивых конструкций. Однако существуют и более широкие толкования: так, Д.Г. Фрилон раздвигает границы понимания паттерна до модели политической

коммуникации, обусловленной системными характеристиками, подразумевая, что конструирование политической информации способно оказывать влияние на расстановку сил между политиками, медиа и общественностью, а также определять степень вовлечения тех или иных акторов [Freelon 2010: 1–19]. Говоря о паттернах в политике, сегодня все большее количество экспертов акцентируют внимание на связи лингвистических паттернов и приемов риторического воздействия. При этом паттернизация подразумевает не только риторическую повторяемость в политической речи определенных сюжетов, но и их тесную связь с трансляцией аудитории оптимального смыслового кода и адекватного его понимания [Лисова 2009: 1320].

Воспринимающая политические сигналы аудитория обладает собственным представлением об обсуждаемом вопросе (ментальная модель) [Шевченко 2002: 22], поэтому текст политика необходимо рассматривать во взаимосвязи с ее настроениями, ибо его смысл формируется в сознании носителей языка [Dijk 1999: 353–371]. Общественные страхи остаются наиболее сильными эмоциями человека, а угрозы безопасности — наиболее частой темой, артикулируемой политиками [Williams Kaylene 2012].

В исследовании были применены следующие методы сбора и анализа эмпирических данных:

- риторический анализ (выявление риторических приемов и стратегий как средств эффективной коммуникации и убеждения);
- концептологический анализ (анализ языковых средств, объективизирующих концепт, основой которого выступает паттерн);
- корреляционный анализ (установление характера связи между переменными, используется при анализе опросов общественного мнения, соотношения их со склонностью поддерживать В. Путина).

Источниковая база включает результаты опросов общественного мнения Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и результаты исследований кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, а также 8 текстов Владимира Путина общим числом слов 38 837¹:

- 2000 — Послание Федеральному Собранию;
- 2004 — Речь на инаугурации;
- 2007 — «Мюнхенская речь»;
- 2012 — Письмо к избирателям «Россия сосредотачивается»;
- 2014 — Обращение к Федеральному Собранию («Крымская речь»);
- 2018 — Послание Федеральному Собранию;
- 2020 — Послание Федеральному Собранию («Конституционная речь»);
- 2022 — Речь о начале СВО.

Выборка текстов проведена на основании наличия в тексте/выступлении Президента РФ В. Путина наиболее полного представленного паттерна «угрозы

¹ Тексты взяты с официального сайта Кремля (URL: <http://www.kremlin.ru/>) и Российской газеты. URL: <https://rg.ru/rf> (дата обращения: 27.10.2023).

национальной безопасности», а также с соблюдением хронологического шага между текстами в среднем в 3 года, чтобы получить возможность провести исследование в динамике. Программное обеспечение: QDA Miner 5.0.35 для проведения качественных исследований, MS Excel 2016 — для количественных.

Результаты

В ходе исследования были проведены кодирование и анализ текстов в соответствии с разработанной ментальной картой: исследуемые тексты вручную кодируются заранее определенным набором тегов (группы «источники угроз», «последствия угроз», «средства устранения» и др.), а программа (QDA Miner) подсчитывает частоту появления того или иного кода в тексте относительно других кодов. На основе получаемого процентного соотношения собираются «облака слов»: чем больше удельный вес кода в речи, т.е. частота появления, тем большего размера использован шрифт². Доминируют следующие блоки: «Источники угроз», «Безопасность», «Угроза безопасности», «Действия по созданию угроз».

С точки зрения содержания становится ясно, что угрозы, вызовы и меры противодействия — базовые проблемы сообщений В. Путина. Безопасность трактуется им как производная от важнейших, в его понимании, ценностей: прослеживаются нелинейные лексические связи, «*безопасность*» = «*порядок*» = «*стабильность*» = «*сила*» = «*держава*» и «*безопасный*» = «*целостный*» = «*сплоченный*» = «*единый*». Причем сопоставление контекстов употребления категории *единство* в прошлом и настоящем позволяет представить цепочку семантических изменений: «*единство страны*», включенное в ментальную схему «государство — право — территория» (на первых двух президентских сроках), и «*единство общества*», связанное с духовностью и культурой, «*цивилизационный код*» (2012 г.). Так, «*территориальное единство*» трансформируется в *единство «национальное»*, а в прежде экономико-правовом дискурсе встречается все больше слов-маячков из сферы культуры: «*сплав традиций и ценностей*», «*патриотический настрой*», «*семья*», «*воспитание*», «*правда*», «*общенациональное единение*». Аксиологические категории использовались и раньше, но с меньшей частотностью, не в качестве аргументационной базы. В текстах появляется аффективная риторика: «*мы*», Россия — не только территориальное или культурное, но и эмоциональное пространство (причем Россия предстает как персонифицированный субъект, способный чувствовать и переживать предательство, словно живой человек) и «*они*», «*шулеры*» и «*вруны*», те, кто представляет угрозу.

«...Когда Крым вдруг оказался уже в другом государстве, тогда уже Россия почувствовала, что ее даже не просто обокрали, а ограбили <...> Российское государство, что же оно? Ну что, Россия? Опустила голову и смирилась, проглотила эту обиду». (Крымская речь 2014).

² Так как это качественный анализ, удельный вес группы просчитывается относительно представленности других, а не в абсолютном выражении.

«...**В ответ на наши предложения мы постоянно сталкивались либо с циничным обманом и враньем, либо с попытками давления и шантажа...**» (Обращение 24 февраля 2022).

Сама угроза лексически наиболее часто оказывается вместе с подобными категориями: «*угроза распада*», «*угроза суверенитету*», «*угроза целостности*». Угрозы, как правило, характеризуются как «*фундаментальные*», «*военные*», «*серьезные*», «*новые*». Тактически оформляются через безличное обвинение.

«...*Мир и дальше будут потрясать подобные дестабилизирующие кризисы...*» (Мюнхенская речь 2007), «...*пережила настоящий шок распада и деградации...*» (Письмо к избирателям 2012), «*Теперь все уровни власти поражены этой болезнью*» (Послание Федеральному Собранию 2000), «...*паралич власти, воли — это первый шаг к полной деградации...*» (Обращение 24 февраля 2022).

Несмотря на то, что наиболее проработанным блоком в риторике являются «Источники угроз», они не всегда определяются конкретно — автор сохраняет общепринятый этикет, осознавая дестабилизирующие последствия прямых вербальных обвинений. Сформулированные «источники угроз» включают персоны (Хрущев, оппозиционеры), государства и территории (США, Украина, Чечня, Кавказ), а также организации (НАТО). Однако такие источники угроз, хотя и представляют важную семантическую часть, не имеют в изученных текстах количественного большинства. Основной объем «Источников» — неустановленный круг лиц и события, действия, объекты с неопределенной или широкой трактовкой: «*часть элит*», «*те (кому выгоден беспорядок)*», «*финансовые группы*», «*деструктивные силы*», «*90-е*», «*псевдоценности*», «*нацизм*», «*свобода без нравственной основы*» и др. Заметим, что источники имеют и внутренний, и внешний характер.

Образы угроз усиливаются с помощью использования лексических средств с отрицательным значением, в частности дисфемизмов «*нас кинули*», «*подпевать по любому поводу*», «*междусобойчик*» и аккумуляций:

«*Все, что не устраивает гегемона, ... объявляется архаичным, устаревшим, ненужным. И наоборот: все, что кажется им выгодным, преподносится как истина в последней инстанции, продавливается любой ценой, хамски, всеми средствами*» [Обращение 24 февраля 2022].

Наиболее часто инвективы используются Президентом РФ по отношению не к внутренним «Источникам угроз» («*олигархи*» или «*популистские оппозиционные группы*»), а к внешним и также к исходящим от них «Действиям»: «*расширение НАТО на восток*», «*наращивание вооружения*», «*пренебрежение международным правом*» и др. Внешние угрозы у В.В. Путина обычно «*несправедливые*», «*подлые*», появившиеся в результате «*нарушения договоренностей*». Ключевые «Действия по их предотвращению/устранению» — «*протест*» со стороны Российского государства и попытки отыскать новые «*точки соприкосновения*», а в случае провала этих мер — повышение уровня «*обороноспособности*» страны:

«А что же сделали мы, кроме протестов и предупреждений? Чем ответила на этот вызов Россия? <...> мы напряженно работали над перспективной техникой и вооружением. Это позволило нам сделать стремительный, большой шаг в создании новых образцов стратегического оружия» (Послание Федеральному Собранию 2018).

На контрасте внутренние источники и их действия чаще появляются в речи с определениями умаления: «неразумный» (налогообложение), «ограниченный» (круг проблем, поднимаемый оппозицией), «нечистоплотный» (коррупционированные чиновники), «неразвитый» (гражданское общество) и «слабый» или «не умеющий» чего-то делать (власть в 90-е гг.). Так, появляется слабый, несамостоятельный и неумелый образ внутренних политических игроков и управленцев, которые нуждаются в том, чтобы их направляли и контролировали, иначе сама их неумелость превращается в источник опасности для страны и общества. Часто для закрепления такого имплицитного посыла в риторике В.В. Путина появляется тактика апелляции к прошлому опыту — непосредственно к 1990-м, которым всегда сопутствуют речевые коннотации: «потери», «хуже», «бедность», «деградация».

С годами происходит постепенный перенос пространственного поля опасного из преимущественно внутренней среды в преимущественно внешнюю. Проследим нелинейный трансформационный ряд в показательном блоке «Действия по созданию угроз» за двадцать лет: «борьба между уровнями власти» → «стремление части элит к рывку» → «управляемые «цветные революции» → «применение силы против суверенных государств» → «навязывание (Западом) своей воли» → «захват власти». Видно, как возникают новые синонимические связи, отражающие изменения семантики слов и как первоначально угрозы внутреннего характера в 2012–2014 гг. превращаются в опасности извне. Аналогичным образом изменения затронули, например, группу «Средств создания угроз»: «высокие налоги», «произвол чиновников» и «разгул коррупции» в течение времени заменяются на «оружие массового уничтожения» и «политику сдерживания России».

Таким образом, на протяжении всех президентских сроков общий нарратив В. Путина связан с угрозами российскому обществу, российской цивилизации. Понимание Президентом «национальной безопасности» год от года расширялось, получив правовое закрепление в Стратегии национальной безопасности 2021 г.³ При объективации угроз безопасности В.В. Путин передает свои чувства и обращается к чувствам слушателей, что определяет его риторiku как аффективную.

С самого первого избрания президентом Владимир Путин уловил доминирующие общественные настроения: по мере роста экономических проблем, кульминацией которых стал дефолт 1998 г., «образ Ельцина регрессировал от народного героя к нелепому “дирижеру оркестра”» [Цуладзе 2003: 33]. Делегитимизация власти образовала в российском политическом пространстве

³ Указ Президента РФ от 02.07.2021 №400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 15.01.2024).

«вакуум», который заполнила персонифицированная концепция Героя (Владимира Путина), сражающегося с Хаосом (последствиями правления Бориса Ельцина) [Мочалова 2012: 126–129]. Этот образ, который в неприкосновенности просуществует два первых президентских срока В. Путина, можно рассматривать в качестве осевого культурного продукта новообразованной коммуникационной сети российской политической системы.

Состояние российского общества нельзя определить как консенсус, поскольку единой системы ценностей, разделяемой всеми гражданами и политической элитой, не сложилось [Селезнева 2016: 162]. В. Путину удалось стать объединителем доминантных ценностей и страхов сразу нескольких социальных групп. Эксперты ВЦИОМ назвали такую парадоксальную комбинацию «путинской метаидеологией» [От Ельцина до Путина 2007].

С точки зрения коммуникационной теории власти обладатели власти сами являются сетями, причем выступают они либо в роли «программиста», наполняя сеть смысловыми кодами, либо в роли «переключателя», контролирующего точки соединения между различными политическими и медиасетями. В таком ключе субъект власти характеризуется как обладатель сетесозидающей власти [Кастельс 2016: 62–63], а главной характеристикой сети является ее способность к интеграции [Латур 2017: 187]. По наблюдениям Е.Б. Шестопаля, именно вокруг Владимира Путина происходит не только консолидация российского общества, но и «закрепление того ценностного фундамента, который никак не складывался в предыдущие постсоветские годы» [Шестопаля 2015: 417].

На основе массовых социологических опросов определены доминирующие ценности россиян и ожидания от государства на протяжении первых двадцати лет XXI в.: сильное государство с сильным лидером, статус великой державы, расширение ряда гражданских прав и свобод, сохранение государственного/иногосударственного контроля над нормами общественной нравственности, государственной системы соцобеспечения, образования и здравоохранения при условии роста их эффективности и т.п. (см. [Григорьева 2013: 18]), при этом «сущность практически всех политических ценностей раскрывается для граждан через категорию «безопасность» и «законность» [Селезнева 2016: 163]. По данным ВЦИОМ, тройку ценностей россиян, в 2020 г. уверенно возглавляли здоровье (89 %), семья (84 %) и безопасность (83 %)⁴.

Заключение

Спецификой медиапорядка современной России является объединение не только широких общественных масс, но и элитных групп вокруг В.В. Путина. Президент В. Путин рассматривается как акторно-сетевая

⁴ Ценности современного российского общества. Презентация В.В. Федорова июль 2022 г // Всероссийский центр изучения общественного мнения. 20.07.2022. [Электронный ресурс], URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2022/2022-07-20_Cennosti_sovremennogo_rossii__skogo_obshchestva_Fedorov.pdf (дата обращения: 20.01.2024).

персона, чей политический дискурс является наиболее доступным источником вычленения ценностных кодов, способных консолидировать российское общество, находящееся до 2022 г. в состоянии аномии, ценностного рассогласования между разными уровнями существующих политических ценностей. Практически все выдвинутые гипотезы подтвердились. Присутствие паттерна «угрозы национальной безопасности» в том или ином виде зафиксировано в течение всего исследуемого периода — периода исполнения В. Путиным полномочий Президента РФ. Артикуляция угроз национальной безопасности является наиболее разработанной, образно наполненной, передается с помощью широкого набора речевых тактик. Паттерн «угрозы национальной безопасности» претерпел изменения от угрозы внутреннего характера к преимущественно внешней: место «финансовых групп», «цензуры», «борьбы между уровнями власти», «Чечни», «амбиций элиты» заняли «управляемые «цветные революции», «расширение блока НАТО», «русофобы» и «коллективный Запад», противостояние с которыми требует от российского народа максимального единения и сплочения. Значимость угрозы в дискурсе с каждым годом повышается.

Мотив экзистенциальной угрозы существованию периодически проявлялся в проанализированных текстах разных лет: прежде такая угроза касалась исключительно естественного вымирания населения из-за «негативных демографических тенденций», впоследствии же она дополнилась образами развязанных в угоду западным интересам войн, в которых гибнут люди и разрушаются страны. Так получается семантический ряд, окончательно оформившийся еще до начала СВО и беспрецедентного давления на Россию со стороны западного международного сообщества: «борьба между уровнями власти» → «стремление части элит к рывку» → «управляемые «цветные революции» → «применение силы против суверенных государств» → «навязывание (Западом) своей воли» → «захват власти». Сформулированный семантический ряд угроз в риторике В. Путина представляет вычленение переживаемых российским обществом угроз в первые двадцать лет XXI в. Результаты социологических опросов подтвердили, что для российских граждан устойчиво актуальна потребность в безопасности.

Поступила в редакцию / Received: 20.12.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 16.01.2024

Принята к публикации / Accepted: 15.03.2024

Библиографический список

- Борисов О.С. Когнитивные процессы в социокультурном измерении // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2012. № 3 (124). С. 83–89.
- Гаман-Голутвина О.В., Сморгунюв Л.В. Политическое в пространстве турбулентного мира // Полис. Политические исследования. 2023. № 1. С. 7–10. <http://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.02>

- Григорьева Е.Б. Влияние авторитарного синдрома на процесс легитимации институтов государственной власти в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2013. № 3. С. 13–26.
- Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016.
- Латур Б. Об акторно-сетевой теории. Некоторые разъяснения, дополненные еще большими усложнениями // Логос. 2017. № 1. С. 173–200.
- Леонов И.В. Эволюция термина «паттерн» в культурологическом знании: от понятия к научной категории // Актуальные вопросы современной науки. 2011. № 20. С. 41–48.
- Лисова С.Ю. Политическая риторика: лингвистические паттерны // Право и политика. 2009. № 6. С. 1318–1323.
- Мочалова К.П. Мифотворчество в политическом процессе современной России // Акмеология. 2012. № 2. С. 126–129.
- От Ельцина до Путина: Три эпохи в историческом сознании россиян. М. ВЦИОМ, 2007.
- Селезнева А.В. Российское общество в постсоветский период: динамика ценностных изменений элиты и граждан // Политическая наука. 2016. Спецвыпуск. С. 149–169.
- Цуладзе А.М. Политическая мифология. М.: Эксмо, 2003.
- Шевченко Ю.А. Дискурс-анализ политических медиатекстов // Полис. Политические исследования. 2002. № 6. С. 18–23.
- Шестопал Е.Б. Путин 3.0: общество и власть в новейшей истории России: монография. М.: Аргатак-медиа, 2015.
- Шестопал Е.Б. Парадоксы политического лидерства // Полис. Политические исследования. 2023. № 3. С. 181–191. <http://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.13>
- Шомова С.А. От мистерии до стрит-арта: очерки об архетипах культуры в политической коммуникации. М.: Высшая Школа Экономики (ВШЭ), 2016.
- Dijk T.A. van. Discourse Analysis of News // A Handbook of Qualitative Methodologies for Mass Media Research, ed by K.B. Jensen. Vol. 5. London, 1999. P. 353–371.
- Feezell J.T. Agenda Setting through Social Media: The Importance of Incidental News Exposure and Social Filtering in the Digital Era // Political Research Quarterly. 2018. Vol. 71, no. 2. P. 482–494. <http://doi.org/10.1177/1065912917744895>
- Freelon D.G. Analyzing Online Political Discussion Using Three Models of Democratic Communication // New Media & Society, 2010. Vol. 20, no. 10. P. 1–19. <http://doi.org/10.1177/1461444809357927>
- Hammond M. What is an online community? A new definition based around commitment, connection, reciprocity, interaction, agency, and consequences // International Journal of Web Based Communities. 2017. Vol. 13, no 1. P. 118–136. <http://doi.org/10.1504/IJWBC.2017.082717>
- Kerr M. *Scream: Chilling Adventures in the Science of Fear*. PublicAffairs, 2015.
- Williams Kaylene C. *Fear Appeal Theory*. California State University, Stanislaus. 2012.

References

- Borisov, O.S. (2012). Cognitive processes in sociocultural dimension. *Scientific notes of Petrozavodsk State University*, 3(124), 83–89. (In Russian).
- Castells, M. (2016). *Communication Power*. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics. (In Russian). [Castells, M. (2009). *Communication Power*. Oxford, New York: Oxford University Press].
- Dijk, T.A. van. (1999). Discourse Analysis of News. In Jensen K.B. (Ed.), *A Handbook of Qualitative Methodologies for Mass Media Research*, 5, 353–371.
- Feezell, J.T. (2018). Agenda setting through social media: The importance of incidental news exposure and social filtering in the digital era. *Political Research Quarterly*, 71(2), 482–494.

- Freelon, D.G. (2010). Analyzing online political discussion using three models of democratic communication. *New Media & Society*, 20(10), 1–19. <http://doi.org/10.1177/1461444809357927>
- From, Yeltsin to Putin: Three eras in the historical consciousness of Russians. (2007). Moscow: WCIOM. (In Russian).
- Gaman-Golutvina, O.V., & Smorgunov, L.V. (2023). The political in a turbulent world space. *Polis. Political Studies*, 1, 7–10. (In Russian). <http://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.02>
- Grigoryeva, E.B. (2013). The influence of the authoritarian syndrome on the process of legitimation of government institutions in today's Russia. *RUDN Journal of Political Science*, 3, 13–26. (In Russian).
- Hammond, M. (2017). What is an online community? A new definition based around commitment, connection, reciprocity, interaction, agency, and consequences. *International Journal of Web Based Communities*, 13(1), 118–136. <http://doi.org/10.1504/IJWBC.2017.082717>
- Kerr, M. (2015). *Scream: Chilling Adventures in the Science of Fear*. PublicAffairs.
- Latour, B. (2017). On actor-network theory. A few clarifications, plus more than a few complications. *Logos*, 173–200. (In Russian). [Latour, B. (1996). On actor-network theory. A few clarifications. *Soziale Welt*, 47(4), 369–381].
- Leonov, I.V. (2011). Evolution of the term “pattern” in cultural knowledge: From concept to scientific category. *Current Issues of Modern Science*, 20, 41–48. (In Russian).
- Lisova, S.Y. (2009). Political Rhetoric: linguistic patterns. *Law and Politics*, 6, 1318–1323. (In Russian).
- Mochalova, K.P. (2012). Myth-making in the political process of modern Russia. *Acmeology*, 2, 126–129. (In Russian).
- Selezneva, A.V. (2016). Russian society in the post-Soviet period: Dynamics of value changes of the elite and citizens. *Political science (RU)*, Special issue, 149–169. (In Russian).
- Shestopal, E.B. (2015). *Putin 3.0: Society and power in the modern history of Russia*. Monograph. Moscow: Argamak-media (In Russian).
- Shestopal, E.B. (2023). Paradoxes of political leadership. *Polis. Political Studies*, 3, 181–191. (In Russian). <http://doi.org/10.17976/jpps/2023.03.13>
- Shevchenko, Y.A. (2002). Discourse analysis of political media texts. *Polis. Political Studies*, 6, 18–23. (In Russian).
- Shomova, S.A. (2016). *From mystery to street art. Essays on cultural archetypes in political communication*. Moscow: Publishing house of the Higher School of Economics. (In Russian).
- Tsuladze, A.M. (2003). *Political mythology*. Moscow: Eksmo. (In Russian).
- Williams, K.C. (2012). *Fear Appeal Theory*. California State University, Stanislaus.

Сведения об авторах:

Савенков Роман Васильевич — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры философии и истории, Воронежский государственный университет инженерных технологий, доцент кафедры социологии и политологии, Воронежский государственный университет (e-mail: rvsav@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-1643-2444)

Травянкина Анна Константиновна — магистрант политологии, Воронежский государственный университет (e-mail: travyankina_anna@mail.ru) (ORCID: 0009-0002-8757-8659)

About the authors:

Roman V. Savenkov — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and History, Voronezh State University of Engineering Technologies, Associate Professor, Department of Sociology and Political Science, Voronezh State University (e-mail: rvsav@yandex.ru) (ORCID: 0000-0002-1643-2444)

Anna K. Travyankina — Postgraduate Student of History Department, Voronezh State University (e-mail: travyankina_anna@mail.ru) (ORCID: 0009-0002-8757-8659)

ДЛЯ ЗАМЕТОК
